

Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті

Казахский национальный педагогический университет имени Абая

Abai Kazakh National Pedagogical University

ХАБАРШЫ ВЕСТНИК

**«Филология ғылымдары» сериясы
Серия «Филологические науки»
Series «Philological Sciences»
№3(93), 2025**

Алматы

Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті

Казахский национальный педагогический университет имени Абая

Abai Kazakh National Pedagogical University

ХАБАРШЫ

ВЕСТНИК

«Филология ғылымдары» сериясы
Серия «Филологические науки»
Series «Philological Sciences»
№3(93), 2025

Абай атындағы Қазак ұлттық педагогикалық университеті

ХАБАРШЫ

«Филология ғылымдары» сериясы
№3(93), 2025 ж.

Шыгару жиілігі – жылына 4 нөмір.
2000 ж. бастап шыгады.

Бас редактор:
филол.э.д., проф. Абишева С.Д.

Бас редактордың орынбасары:
филол. ғ. ө., проф. Есенова К.У.

Ғылыми редактор:
PhD, қауымд. проф. м.а. Сабирова Д.А.

Редакциялық алқа:
филол. ғ. к., қауымд. проф. Жириев С.А.
филол. ғ. к., қауымд. проф. Сатемирова Да.А.
филол.э.д., проф., Әл-Фарағи ат. ҚазҰУ
Джолдасбекова Б.У.

пед.э.д., проф., әл-Фарағи ат. ҚазҰУ
Салханова Ж.Х.

филол.э.д., проф., ҚазҰЫЗПУ
Киынова Ж.К.

PhD, қауымд. проф.м.а., Т.Жүргенов ат.
Қазақ ұлттық өнер академиясы

Жалаханова А.М.

филол.э.д., доцент, Тауыл Алтай
мемлекеттік университеті

Алексеев П.В. (Ресей)

филол. ғ.д., проф., Ресей халықтар
достығы университеті

Бахтикееве У.М. (Ресей)

филол.э.д., проф., Варминь-Мазур
университеті Киклевич А.К. (Польша)

PhD, проф., Джордж Вашингтон

университеті Роллберг П. (АҚШ)

PhD, проф., Орталық Ланкашир

университеті Табачникова О.М.

(Ұлыбритания)

Жауапты ҳатшы:

PhD, қауымд.проф. м.а. Серикова С.К.

Техникалық ҳатшы:

филол.ғ.к., қауымд. проф. Османова З.Ж.

© Абай атындағы Қазак ұлттық
педагогикалық университеті, 2025

Қазақстан Республикасының
Мәдениет және ақпарат министрлігінде
2009 жылы мамырдың 8-де тіркелген
№10109-Ж

Басуға 28.09.2025 қол қойылды.
Пішімі 60x84 1/8. Көлемі 16.75 е.б.т.
Тапсырыс 454.

050010, Алматы қаласы,
Достық даңғылы, 13.
Абай атындағы ҚазҰПУ

Абай атындағы Қазак ұлттық
педагогикалық университетінің
«Ұлағат» баспасы

**МАЗМУНЫ
СОДЕРЖАНИЕ
CONTENT**

**ТІЛ БІЛІМІ
ЛИНГВИСТИКА
LINGUISTICS**

Алламуратова А.Ж., Алламуратова Г.Ж.,
Таджибаева Д.М. Лингвоидеологический анализ
оппозиции «воин – солдат» в мире «Атаки титанов»
Хадзимэ Исаямы.....

5

Алламуратова А.Ж., Алламуратова Г.Ж.,
Таджибаева Д.М. Хадзимэ Исаяманың «Титандарға
шабуыл» әлеміндегі «жауынгер – сарbaz»
оппозициясының лингвоидеологиялық талдауы

Allamuratova A.Zh., Allamuratova G.Zh.,
Tadjibayeva D.M. Linguo-ideological analysis of the
“warrior – soldier” opposition in the world of Attack on
Titan by Hajime Isayama

13

Ashimova M.G., Shukenai G.T., Chaltikenova L.A.
Intertext in contemporary conversations: forms and
functions.....

Ашимова М.Г., Шүкенай Г.Т., Чалтикенова Л.А.
Қазіргі әңгімелердегі интертекст: формалары мен
функциялары

Ашимова М.Г., Шүкенай Г.Т., Чалтикенова Л.А.
Интертекст в современных разговорах: формы и
функции

21

Канафина З.Т. Эргонимы в спортивной сфере
Казахстана: национально-культурные особенности и
динамика номинации.....

Канафина З.Т. Қазақстандағы спорт саласындағы
эргонимдер: ұлттық-мәдени ерекшеліктері және
номинация динамикасы

Kanafina Z.T. Ergonyms in the sports sphere of
Kazakhstan: national-cultural features and dynamics of
nomination

30

Kiklewick A.K. Criteria of artistry.....

Киклевич А.К. Қөркемдік критерийлері

Киклевич А.К. Критерии художественности

**Казахский национальный
педагогический университет имени Абая**

ВЕСТНИК
Серия «Филологические науки»
№3(93), 2025 г.

**Периодичность – 4 номера в год.
Выходит с 2000 года.**

Главный редактор
д.филол.н., проф. Абишева С.Д.

Зам. гл. редактора
д.филол.н., проф. Есенова К.У.

Научный редактор
PhD, и.о.ассоц.проф. Сабирова Да.

Редакционная коллегия:

к.филол.н., ассоц. проф. Жиренов С.А.
к.филол.н., ассоц. проф. Сатемирова Да.
д.филол.н., проф.,
КазНУ имени Аль-Фараби Джолдасбекова Б.У.
д.пед.н., проф., КазНУ имени Аль-Фараби
Салханова Ж.Х.
д.филол.н., проф., КазНацЖенПУ
Киынова Ж.К.
PhD, и.о.ассоц.проф. КазНАИ имени
Т.Жургенова Жалалова А.М.
д.фил.н., доцент, Горно-Алтайский
государственный университет
Алексеев П.В. (Россия)
д.филол.н., проф., РУДН
Бахтикеева У.М. (Россия)
д.филол.н., проф., Варминьско-Мазурский
университет Киклевич А.К. (Польша)
PhD, проф., Университет Джорджия
Баингтона Роллберг П. (США)
PhD, проф., Университет Центрального
Ланкашира Табачникова О.М.
(Великобритания)

Ответственный секретарь:
PhD, и.о.ассоц.проф. Серикова С.К.

Технический секретарь:
к.филол.н., ассоц. проф. Османова З.Ж.

© Казахский национальный педагогический
университет им. Абая, 2025

Зарегистрировано
в Министерстве культуры и информации РК
8 мая 2009 г. №10109-Ж

Подписано в печать 28.09.2025.
Формат 60x84 1/8. Объем 16.75 уч.-изд.л.
Заказ 454.

050010, г. Алматы,
пр. Достык, 13. КазНПУ им. Абая

Издательство «Ұлағат»
Казахского национального
педагогического
университета имени Абая

Пашан Д.М., Жұманқызы А., Батырбекова К.А.
Қазақ есімдерінің тарихи және заманауи қолданысы:
әлеуметтік-мәдени факторлар және статистикалық
өзгерістер.....

36

Пашан Д.М., Жұманқызы А., Батырбекова К.А.
Историческое и современное использование казахских
имён: социокультурные факторы и статистические
изменения

Pashan D.M., Zhumankazy A., Batyrbekova K.A.
Historical and modern use of Kazakh names: socio-cultural
factors and statistical changes

**ӘДЕБИЕТТАНУ
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
LITERARY STUDIES**

Адибаева Ш.Т., Абуова Б.П. Символика юрты в
сборнике «Казахстанские сказки» Ю.Серебрянского:
апробация методики социального чтения.....

49

Адибаева Ш.Т., Абуова Б.П. Ю.Серебрянскийдің
«Қазақстан өртегілері» жинағындағы киіз үй
символикасы: әлеуметтік оқылым әдістемесін
апробациялау

Adibayeva Sh.T., Abuova B.P. The symbolism of the yurt
in Y.Serebriansky's "Kazakh Fairy Tales": testing the
methodology of social reading

56

Alekseev P.V. The image of the Kazakh steppe in Annette
Meakin's "A Ribbon of Iron" (1901).....

66

Алексеев П.В. Аннетт Микиннің «A Ribbon of Iron»
(1901) еңбегіндегі қазақ даласының бейнесі

Алексеев П.В. Образ казахской степи в тревелоге
Аннетт Микин «A Ribbon of Iron» (1901)

Андасова М.М. Метаморфозы миров в «Кодзики
(Записи о действиях древности)».....

74

Андасова М.М. «Кожики» («Ежелгі заманның істері
туралы жазбалар») шығармасындағы әлемдердің
метаморфоздары

Andassova M.M. Metamorphoses of worlds in "Kojiki"
(Records of Ancient Matters)

Valieva Z.R. Russian-language literature progress in
Kazakhstan.....

Валиева З.Р. Қазақстанда орыс тіліндегі әдебиеттінің
дамуы

Валиева З.Р. Развитие русскоязычной литературы в
Казахстане

Abai Kazakh National Pedagogical University

BULLETIN
Series "Philological Sciences"
No. 3(93), 2025.

Periodicity - 4 issues per year.
Published since 2000.

Editor-in-chief

Doctor of Philological Sciences, Professor
Abisheva S.

Deputy Editor-in-chief

Doctor of Philological Sciences, Professor
Esenova K.

Scientific Editor

PhD, Associate Professor Sabirova D.

Editorial board

Candidate of Philological Sciences,
Associate Prof. Zhirenov S.

Candidate of Philological Sciences,
Associate Prof. Satemirova D.

Doctor of Philological Sciences, Prof.,
Al-Farabi Kazakh National University
Dzholdasbekova B.

Doctor of Pedagogical Sciences, Prof.,
Al-Farabi Kazakh National University
Salkhanova Zh.

Doctor of Philological Sciences, Prof.,
Kazakh National Women's Teacher Training
University Kiynova Zh.

PhD, Associate Prof., T. Zhurgenov Kazakh
National Academy of Arts Zhalalova A.

Doctor of Philological Sciences, Prof., RUDN
Bakhtikireeva U. (Russia)

Doctor of Philological Sciences, Associate Prof.,
Gorno-Altaysk State University
Alekseyev P. (Russia)

Doctor of Philological Sciences,
Prof., University of Warmia and Mazury
Kiklewiecz A. (Poland)

PhD, Prof., George Washington
University Rollberg P. (USA)

PhD, Prof., University of Central Lancashire
Tabachnikova O. (The United Kingdom)

Executive Secretary

PhD, Associate professor Serikova S.

Technical Secretary

Candidate of Philological Sciences,
Associate professor Osmanova Z.

©Abai Kazakh National Pedagogical
University, 2025

Registered in the Ministry of Culture and
Information of the Republic of Kazakhstan
8 May 2009 No10109-Zh/Ж

Signed in print 28.09.2025.
Format 60x84 1/8. Volume 16.75
teaching and publishing lists. Order 454.

050010, Almaty, Dostyk avenue 13,
Abai KazNPU

Publishing House “Ulagat” of the Abai Kazakh
National Pedagogical University

Варга П. Рудольф Штейнер и его учение в русской
культуре рубежа XIX-XX веков: хроника становления
антропософского общества в дореволюционной России..

86

Варга П. Рудольф Штейнер және оның XIX-XX
ғасырлар тоғызындағы орыс мәдениетіндегі ілімі:
революцияға дейінгі Ресейдегі антропософиялық
қоғамның қалыптасу шежіресі

Varga P. Rudolf Steiner and his teachings in Russian
culture at the turn of the 19th-20th centuries: a chronicle of
the formation of the anthroposophical society in pre-
revolutionary Russia

97

Қадыр Ә. Абай Құнанбаев және Тейіпжан Элиев.....

Қадыр Ә. Абай Кунанбаев и Тейіпжан Алиев

Kadyr A. Abai Kunanbayev and Teipzhan Aliyev

97

Сабирова Д.А., Бай С. Концептуальные основы
изучения образа Казахстана.....

104

Сабирова Д.А., Бай С. Қазақстан бейнесін зерттеудің
концептуалдық негіздері

Sabirova D.A., Bai X. Conceptual foundations for studying
the image of Kazakhstan

104

Сисенбай А.Ж., Күшкімбаева А.С., Абдрахманова Ж.М.

Диалог формаларының көркем дискурстағы
функционалдық ролі.....

113

Сисенбай А.Ж., Күшкімбаева А.С., Абдрахманова Ж.М.

Функциональная роль форм диалога в художественном
дискурсе

Sisenbay A.Zh., Kushkimbayeva A.S.,
Abdrakhmanova Zh.M. The functional role of dialogue
forms in literature discourse

113

ПЕДАГОГИКА МЕН ӘДІСТЕМЕ МӘСЕЛЕЛЕРИ

ПРОБЛЕМЫ ПЕДАГОГИКИ И МЕТОДИКИ

PROBLEMS OF PEDAGOGY AND METHODOLOGY

Атембаева Г.А., Есетова А.Т., Бекбаева Д.Р.

Интеграция современных цифровых технологий в
системе языкового образования.....

121

Атембаева Г.А., Есетова А.Т., Бекбаева Д.Р. Тілді
білім беру жүйесіндегі қазіргі цифрлық

технологияларды интеграциялау

Atembayeva G.A., Yesetova A.T., Bekbayeva D.R.

Integration of modern digital technologies in the system of
language education

121

Біздің авторлар.....

129

Наши авторы.....

131

Our authors.....

133

ТІЛ БІЛІМІ
ЛИНГВИСТИКА
LINGUISTICS

МРНТИ 16.21.33

10.51889/2959-5657.2025.92.3.001

*Алламуратова А.Ж.¹ , Алламуратова Г.Ж.² , Таджибаева Д.М.³

¹Profi University

²Университет Мамуна

³Университет журналистики и массовых коммуникаций

^{1,3}Ташкент, ²Хорезм, Узбекистан

*e-mail:aysanet69@mail.ru

e-mail:gulsanet69@mail.ru

e-mail:tadjibaevallmi@gmail.com

**ЛИНГВОИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОППОЗИЦИИ «ВОИН-СОЛДАТ»
В МИРЕ «АТАКИ ТИТАНОВ» ХАДЗИМЭ ИСАЯМЫ**

Аннотация

Статья посвящена лингвоидеологическому анализу оппозиции «воин – солдат» в манге Хадзимэ Исаямы «Атака титанов». Исследование демонстрирует, как языковые средства используются для конструирования идеологически нагруженной медиареальности, отражающей социально-политические отношения власти, подчинения и манипуляции сознанием. В работе рассматривается, как традиционные словарные значения этих терминов трансформируются в художественном нарративе, приобретая противоположные идеологические смыслы. Автор показывает, что в мире манги оппозиция «воин – солдат» служит не только для обозначения воинских статусов, но и становится инструментом пропаганды, маркером расовой принадлежности и средством создания ложных идентичностей. На конкретных примерах из текста манги анализируются механизмы языкового конструирования идеологической реальности, раскрывается роль данной терминологической пары в создании системы угнетения и манипуляции. Исследование подтверждает, что лингвоидеологический анализ художественных текстов позволяет выявить скрытые идеологические установки и механизмы их языковой реализации.

Ключевые слова: лингвоидеологический анализ, языковая манипуляция, «Атака титанов», концепт «воин», концепт «солдат», семантическая оппозиция, идеологическая инверсия

*Алламуратова А.Ж.¹ , Алламуратова Г.Ж² , Таджисибаева Д.М.³

¹Profi University

²Мамун университеті

³Журналистика және бұқаралық коммуникация университеті

^{1,3}Ташкент, ²Хорезм, Өзбекстан

*e-mail:aysanem69@mail.ru

e-mail: gulsanem69@mail.ru

e-mail: tadjibaevallmi@gmail.com

ХАДЗИМЭ ИСАЯМАНЫҢ «ТИТАНДАРҒА ШАБУЫЛ» ӘЛЕМІНДЕГІ «ЖАУЫНГЕР-САРБАЗ» ОППОЗИЦИЯСЫНЫң ЛИНГВОИДЕОЛОГИЯЛЫҚ ТАЛДАУЫ

Аңдатта

Мақала Хаджиме Исаяманың «Титандарға шабуыл» мангасындағы «жауынгер-сарбаз» оппозициясын лингвоидеологиялық талдауға арналған. Зерттеу тілдік құралдардың биліктін, мойынсұнудың және сананы манипуляциялаудың әлеуметтік-саяси қатаинастарын көрсететін идеологиялық түрғыдан жүктелген медиарализмді құру үшін қалай қолданылатынын көрсетеді. Жұмыста бұл терминдердің дәстүрлі сөздік мағыналары қарама-қарсы идеологиялық мағыналарға ие бола отырып, көркем әңгімеде қалай өзгеретіні қарастырылады. Автор Манга әлемінде «жауынгер – сарбаз» оппозициясы тек әскери мәртебені белгілеу үшін ғана емес, сонымен бірге үгіт-насихат құралы, нәсілдік маркер және жалған сәйкестікті құру құралы ретінде қызмет ететіндігін көрсетеді. Манга мәтінінен алған нақты мысалдарда идеологиялық шындықтың тілдік құрылышының механизмдері талданады, қысым мен манипуляция жүйесін құрудары осы терминологиялық жүптың рөлі ашылады. Зерттеу көркем мәтіндерді лингвоидеологиялық талдау жасырын идеологиялық көзқарастар мен олардың тілдік іске асырылу механизмдерін анықтауға мүмкіндік беретіндігін растайды.

Түйін сөздер: лингвоидеологиялық талдау, тілдік манипуляция, «Титандарға шабуыл», «жауынгер» тұжырымдамасы, «сарбаз» тұжырымдамасы, семантикалық қарсылық, идеологиялық инверсия

*Allamuratova A.Zh. ¹, Allamuratova G.Zh.² , Tadjibayeva D.M.³

¹Profi University

²Mamun University

³University of Journalism and Mass Communications

^{1,3}Tashkent, ²Khorezm, Uzbekistan

*e-mail:aysanem69@mail.ru

e-mail: gulsanem69@mail.ru

e-mail: tadjibaevallmi@gmail.com

LINGUO-IDEOLOGICAL ANALYSIS OF THE “WARRIOR – SOLDIER” OPPOSITION IN THE WORLD OF ATTACK ON TITAN BY HAJIME ISAYAMA

Abstract

The article is devoted to the linguistic and ideological analysis of the "warrior-soldier" opposition in Hajime Isayama's manga "Attack on Titan". The study demonstrates how linguistic means are used to construct an ideologically charged media reality that reflects socio-political relations of power, subordination, and consciousness manipulation. The paper examines how the traditional dictionary meanings of these terms are transformed within the narrative, acquiring

opposing ideological connotations. The author shows that in the manga's universe, the "warrior-soldier" opposition serves not only to denote military statuses but also becomes a tool of propaganda, a marker of racial affiliation, and a means of creating false identities. Through specific examples from the manga's text, the mechanisms of linguistic construction of ideological reality are analyzed, and the role of this terminological pair in establishing a system of oppression and manipulation is revealed. The research confirms that linguistic and ideological analysis of literary texts allows for the identification of hidden ideological attitudes and the mechanisms of their linguistic implementation.

Keywords: linguistic and ideological analysis, linguistic manipulation, "Attack on Titan", the concept of "warrior", the concept of "soldier", semantic opposition, ideological inversion

Введение. Художественный текст, в частности такой сложно структурированный нарратив, как манга, представляет собой плодотворный материал для лингвоидеологического анализа. Язык в нём не только выполняет коммуникативную функцию, но и становится инструментом конструирования особой реальности, отражающей социальные и политические коллизии нашего мира. Если понятие реальности является родовым, то определение медиареальности относится к видовым трактовкам. В контексте лингвоидеологического анализа оппозиции «воин – солдат» в мире «Атаки титанов» продуктивным представляется использование двух взаимодополняющих категорий анализа конструирования реальности.

Как отмечает Н.Г. Щербинина, феноменологическое понимание реальности, упомянутое ранее, трактует её как мир значений, конституированный когнитивным стилем. Различия в стилевых характеристиках порождают множество субъективных реальностей, отличающихся друг от друга как смысловые единства разной конфигурации. Все эти множественные реальности сконструированы в процессе объективации – проекции субъективных состояний сознания вовне, приданья им формы для объективного существования и восприятия. В этом процессе творятся символические системы, в том числе языковые [1].

Даже объективная реальность политических институтов представляет собой сконструированную объективность. Таким образом, не только институциональная политическая реальность, но и субъективные политические миры значений искусственно сотворены.

Политическая медиареальность в данном контексте представляет собой знаково-символическое пространство, политически целенаправленно сконструированное для оказания влияния на политическое сознание общества. В мире «Атаки титанов» эта медиареальность представлена через систему идеологически нагруженных оппозиций, где противопоставление концептов «воин» и «солдат» становится ключевым элементом конструирования особой социально-политической реальности, отражающей сложные отношения власти, подчинения и идеологической манипуляции. «В семиотическом плане политическая медиареальность предстает и как текстовая реальность, а текст, в свою очередь, выступает структурированной и особым образом закодированной знаковой системой. Отсюда следует вывод, что политическая медиареальность может твориться и восприниматься лишь в процессе коммуникации как символического обмена» [1, 7].

Это знаково-символическое пространство организовано через систему медиаобразов, предназначенных для восприятия, интерпретации и оценки аудиторией. Анализ этой системы позволяет выявить механизмы идеологического воздействия, заложенные в нарративе произведения Хадизмэ Исаямы.

Методы и материалы. Термин «идеология» широко употребляется как в специальной литературе, так и в повседневном дискурсе. В ряде научных концепций он традиционно ассоциируется с негативными коннотациями. Однако, начиная с середины XX века, получают развитие подходы, трактующие идеологию как нейтральную, непейоративную форму политического мышления и социального сознания.

Несмотря на это, в общественном восприятии сохраняется дихотомическое противопоставление, согласно которому идеология ассоциируется с аксиологическими ориентациями «чужого», оппонента или врага, в то время как «свое» мыслится как носитель истины: «У нас – истина, у них – идеология» [2, 175]. Ряд исследователей рассматривают различные модусы идеологии «своих» и «чужих», при этом первая часто отождествляется с нормативной и элитной формой идеологии, а вторая – с экзотикой или маргинальными дискурсами [3, 138].

Для настоящего исследования ключевое значение имеет анализ языковой презентации идеологической направленности нарратива, то есть той дискурсивной среды, в которой функционируют исследуемые координативные и субординативные конструкции.

Понятие лингвоидеологического анализа трактуется в научной литературе неоднозначно, что отражает многоаспектность этого метода исследования. Различные авторы акцентируют внимание на разных компонентах взаимоотношения языка и идеологии.

А.А. Мирошниченко определяет его как анализ устойчивых отношений, возникающих между языком и мышлением в процессе моделирования действительности. В данном подходе ключевым является изучение того, как языковые структуры формируют и закрепляют определенные модели восприятия мира [4].

М.В. Гаврилова делает акцент на дискурсивном измерении. Она рассматривает лингвоидеологический анализ как рассмотрение уровней, структур, стратегий или шагов, в которых идеологические убеждения выражают себя в дискурсе, а также дискурсивных доказательств взаимодействия различных идеологий. Этот подход нацелен на выявление механизмов вербализации идеологии в конкретных коммуникативных практиках [5].

Н.А. Купина предлагает подход, сфокусированный на лексическом уровне. Она понимает под ним исследование семантики ключевых слов идеологического содержания (идеологем), их сочетаемости в речевой ткани текста. Это способствует выявлению смысловых и этических приращений, отражающих точку зрения автора на те или иные политические события. В центре внимания здесь находится анализ ключевых концептов, формирующих идеологическое поле текста [6].

Таким образом, лингвоидеологический анализ предстает как комплексная методика, объединяющая изучение языкового моделирования действительности, дискурсивных стратегий и семантики ключевых идеологем для выявления скрытых идеологических установок, имплицитно присутствующих в тексте.

Обсуждение и результаты. Манга Хадзимэ Исаямы «Атака титанов» («Shingeki no Kyojin») является ярким примером произведения, где лексика, и, в частности, военная терминология, тщательно подобрана для создания атмосферы перманентной угрозы и идеологического противостояния. Центральное место в этом лексиконе занимает оппозиция терминов «воин» (戦士, *senshi*) и «солдат» (兵, *heishi*), которая при поверхностном рассмотрении воспринимается как синонимическая, однако при глубоком анализе раскрывает сложную систему манипуляции и социального неравенства.

В языковой картине мира слова «воин» и «солдат» имеют четкие значения, зафиксированные в толковых словарях.

Воин (согласно Толковому словарю Ожегова): «Человек, который сражается с врагом, воюет; боец, солдат». Ключевыми коннотациями являются архаичность, возвышенность и индивидуальный героизм. Это слово часто используется в историческом, былинном или высоком стиле («воин света», «воин-защитник»). Акцент делается на личном мужестве и доблести [7].

Солдат (согласно Толковому словарю Ожегова): «В армии: военнослужащий, а также вообще человек, состоящий на военной службе, воин». Это нейтральный, коллективный и институциональный термин. Он обозначает рядового члена регулярной армии, часть военной машины. Коннотации связаны с дисциплиной, исполнением приказов и принадлежностью к структуре [8].

В обыденной речи эти слова часто используются как синонимы для обозначения человека, сражающегося с оружием в руках, однако «воин» несет более сакральный и индивидуальный оттенок, в то время как «солдат» – более профанный и массовый. В манге «Атака титанов» происходит идеологическое переосмысление этих лексем.

В целом в манге «Атака титанов» семантика и лексика тщательно подобраны для отражения мрачной и напряжённой атмосферы постоянной угрозы и борьбы за выживание. Военная терминология занимает центральное место в лексиконе персонажей, подчеркивая их постоянное участие в боевых действиях и стратегическом мышлении. Слова такие как «операция», «атака», «разведка», «укрепление» и «тренировка» часто встречаются в речи персонажей, что создаёт ощущение непрерывной войны.

Семантика также акцентируется на темах жертвы, выживания и свободы. Выражения по типу «жертвовать собой ради будущего», «борьба за свободу» и «выживание человечества» часто повторяются в диалогах, отражая главные мотивы манги. Например, в одной из ключевых сцен главный герой Эрен произносит: «Мы должны победить любой ценой, иначе все наши жертвы будут напрасны», что подчёркивает его решимость и готовность идти на крайние меры ради достижения цели [9]. (Здесь и далее ссылки из манги на этот ресурс). Эта фраза, внешне звучащая как упрёк в несобранности, для них двоих является кодовой. Она отсылает к трагическому дню начала их миссии – дню разрушения Стены Марии и гибели их товарища Марселя. Райнер использует здесь дискурс «воина», призывая Энни к ответственности перед их истинной, скрытой миссией.

Пример особой лексики в данном произведении – употребление слов «воин» и «солдат». При первом прочтении они кажутся абсолютными синонимами, пока не становится ясно, что не все персонажи вкладывают в них одну и ту же семантику. В мире «Атаки Титанов» существует Эльдия и Марлия, представляющие собой две нации с глубокой историей вражды и противостояния. Эльдия, некогда великая империя, управляла большей частью мира благодаря силе титанов – гигантских существ, обладающих колоссальной разрушительной мощью. Эльдийцы использовали этих титанов как инструмент завоевания и подавления других народов, что создало долгую историю ненависти и страха по отношению к ним. Марлия, находящаяся под гнётом Эльдии, в конечном итоге смогла восстать и одержать победу, перевернув баланс сил и превратив эльдийцев в угнетённый народ.

После победы Марлии, эльдийцы были вынуждены жить в изоляции на острове Парадиз за гигантскими стенами, служащими их защитой и одновременно тюрьмой. Те же, кто остался на материке Марлии, подвергались дискриминации и жестокому обращению. Эльдийцы материки Марлии должны были носить специальные нарукавные повязки, обозначающие их как представителей «низшей расы», и подвергались постоянным репрессиям, что явно ссылает нас на «гетто». Однако, несмотря на угнетённое положение, некоторым эльдийцам предоставлялась возможность «искупления» через службу Марлии в качестве «воинов».

Терминология «воин» и «солдат» в этом контексте несёт особую смысловую нагрузку. «Солдаты» – это те, кто служит в обычной армии, выполняя приказы и защищая интересы государства. В то время «воины» – это особый класс элитных бойцов, обладающих силой титанов. Эти воины выбирались из числа молодых эльдийцев и проходили суровую подготовку, чтобы стать не просто солдатами, но живыми орудиями, способными трансформироваться в титанов. Такая роль «воина» предоставляла эльдийцам шанс на социальное возвышение и улучшение их положения, хотя и ценой огромных личных жертв.

Различие в терминах отражает различие в статусе и предназначении. «Солдат» – это стандартный военный, часть коллективного механизма. В то время как «воин» – это индивидуальный герой, элитный боец с уникальными способностями, чья задача намного важнее и сложнее, чем у обычного солдата. Это различие подчёркивает особое место, которое занимают обладатели силы титанов в структуре военной мощи Марлии. Они являются не только инструментами войны, но и символами власти и страха.

Эта двойственная система позволяет Марлии одновременно держать эльдийцев под контролем и использовать их в качестве ключевого элемента своей военной стратегии. Эльдийцы, обладающие силой титанов, становятся необходимыми, но при этом всегда остаются под подозрением и контролем. Их статус «воинов» позволяет им надеяться на признание и уважение, но также делает их постоянными объектами манипуляций и эксплуатации.

Таким образом, терминологическое различие между «воинами» и «солдатами» в произведении «Атака титанов» служит не только для обозначения разницы в военном статусе, но и отражает более глубокие социальные и политические реалии мира, созданного мангакой Хадзимэ Исаямой. Оно подчёркивает сложные взаимоотношения между угнетающими и угнетёнными, между силой и слабостью, между надеждой на искушение и реальностью постоянного угнетения.

Фраза Бертольда, эльдийца из Марлии: «В общем, я пытаюсь сказать, что вы очень отличаетесь от них...» свидетельствует о том, что эльдийцы из Эльдии (Парадиза) Армин и Эрен сильно отличаются от тех «дьявольских отродий», о которых рассказывали в Марли. Этим выражением Бертольд отмечает, что они не такие, как их представляют марлийцы.

Когда еще один «воин» Райннер произносит: «Вспомни день, когда ты пришла сюда, и стань серьёзнее», эта фраза вызывает у другой эльдийки из Марлии, Энни бурю эмоций. Обычно бесстрастная Энни приходит в бешенство от этих слов. Это объясняется тем, что Райннер напомнил ей о трагическом дне, когда они потеряли Марселя, проломили Стену Мария и проникли в ряды местных. Эти слова напоминают Энни о том, что они не должны вызывать лишних подозрений и должны стать образцовыми солдатами, чтобы успешно выполнить миссию и вернуться на родину. Она является моментом экзистенциального кризиса. «Они» – это образ «дьяволов Эльдии», созданный марлийской пропагандой. Бертольт, используя местоимение «они» по отношению к своим соплеменникам, на мгновение ломает идеологическую схему. Его речь представляет собой когнитивный диссонанс: он осознаёт, что эльдийцы Парадиса не соответствуют тому образу врага, который в нём воспитали. В его устах слово «воин» (которым он себя вынужден считать) конфликтует с открывающейся ему реальностью, что доказывает работу термина как части манипулятивного дискурса.

Фраза «Ты не подходишь на роль воина», которую произносит Райннер Энни, подчёркивает разницу между понятиями «воин» и «солдат». Эта деталь указывает на то, кто является предателем, ведь только пришельцы из внешнего мира используют слово «воин» в контексте обладания силой титанов. Она также является кульминацией давления. Она подчёркивает, что «воин» – это не просто боец, это роль, предполагающая полное подавление личности, отказ от сомнений и абсолютную преданность цели Марлии. Это прямое указание на идеологическую нагруженность термина.

Для главных героев-эльдийцев Парадиса (Эрена, Микасы, Армина, командира Эрвина Смита) термин «воин» в марлийском понимании изначально чужд. Их самоидентификация строится вокруг концепта «солдат» (兵士, *heishi*) или «боец» (兵士, *heitai*), что подчеркивает их принадлежность к коллективу, сражающемуся за общее выживание, а не за индивидуальное «искушение». Это различие в языковой практике становится важным маркером, позволяющим читателю и персонажам впоследствии идентифицировать «чужаков» – Райнера, Бертольта и Энни, – которые по привычке используют внутренний марлийский термин «воин».

Очень важна сцена идентификации Райнера и Бертольта, в которой Райннер раскрывает свою истинную сущность Эрену: «Я...Бронированный Титан. Бертольт – Колossalный Титан. Мы... воины». Райннер использует термин «воин» (戦士), чтобы обозначить свою миссию и элитный статус, данный Марлией. Это не просто указание на род занятий; это декларация идеологической идентичности, которая противопоставляет его «солдатам»

Парадиса. Употребление этого слова в момент истины подчеркивает его внутреннее принятие навязанной роли.

В диалоге Райнера и Бертольда звучит: «Ты не солдат. Мы воины». В данной фразе противопоставление «солдат» (兵士) и «воин» (戦士) выражено максимально четко. «Притворяться солдатом» – значит играть роль рядового бойца Разведкорпуса, интегрируясь в общество Парадиса. «Миссия воина» – это их истинная, идеологически обусловленная цель, данная Марлией. Языковое противопоставление раскрывает внутренний конфликт персонажей между навязанной идентичностью и приобретенной.

В монолог Бертольта перед битвой за Шиганшину, в котором он размышляет о своей двойственной жизни – «Мы... играли роль солдат. Но... на самом деле мы воины» – это высказывание напрямую артикулирует онтологическое различие между двумя концептами. «Солдат» – это роль, маска, которую можно надеть и снять. «Воин» – это сущность, неизменная и истинная, определенная идеологией Марлии. Это классический пример того, как язык формирует идентичность: даже осознавая свою роль как перформанс, персонажи не могут освободиться от внутренне усвоенной категории «воина».

Офицер Марлии обращается к новобранцам-эльдийцам: «Если вы станете почетными марлийцами... будучи эльдийцами... вы удостоитесь чести как воины нашей Марлии... отбить у врага рай на земле – Парадис!» В этом отрывке идеологическая функция термина «воин» (戦士) проявляется особенно ярко. Он напрямую связан с пропагандистским конструктом «почетный марлиец» – ложным статусом, который предлагается эльдийцам в обмен на службу. Языковая формула «воины нашей Марлии» призвана вызвать чувство принадлежности и долга, маскируя тот факт, что эльдийцы остаются для Марлии людьми второго сорта, пешками в geopolитической игре.

Это терминологическое разграничение служит мощным инструментом в раскрытии одной из центральных тем манги – критики национализма, расизма и манипуляции сознанием через язык.

Заключение. В мире «Атаки титанов» исторический конфликт между нациями Марлии и Эльдии привел к формированию строгой иерархической системы, где язык стал инструментом пропаганды и контроля. Победа Марлии над Эльдийской империей привела к системному угнетению эльдийского народа, часть которого была изолирована на острове Парадис, а другая – подвергалась дискриминации на территории Марлии, будучи помещенной в условия, аналогичные гетто.

В этой системе для эльдийцев Марлии был предусмотрен особый «путь искупления» – служба в марлийской армии в качестве элитного бойца, обладающего силой Титана. Для обозначения этого статуса используется термин «воин» (戦士, *senshi*). Данный концепт семантически нагружен идеями элитарности, индивидуального героизма, высшего предназначения и личной славы. Воин – это не просто военнослужащий; это выбранный, носитель уникальной силы, чья миссия выходит за рамки обычных боевых задач. Присвоение статусного наименования угнетаемой группе является классическим инструментом манипуляции, создающим иллюзию привилегий и стирающим чувство коллективной идентичности».

В то же время термин «солдат» (兵士, *heishi*) используется для обозначения рядовых военнослужащих марлийской армии, не обладающих силой титанов и принадлежащих к титульной нации. Его семантическое поле включает понятия коллективизма, исполнительности, стандартизации и принадлежности к государственной машине. Солдат – это винтик в системе, часть механизма, лишенный той индивидуальной значимости, которой наделен «воин». Это терминологическое различие не является нейтральным. Оно выполняет несколько ключевых идеологических функций:

1) **Создание иллюзии социального лифта.** Статус «воина» предлагает эльдийцам Марлии возможность искупить «вину» своей расы и получить условное уважение, маскируя реальное положение угнетённой группы.

2) Разделение и власть. Дуализм «воин/солдат» проводит четкую границу не только между эльдийцами и марлийцами, но и внутри самой группы эльдийцев, выделяя «полезных» и «лояльных» (воинов) от «обычных» (жителей гетто).

3) Инструмент контроля. Марлийское командование, наделяя эльдийцев титулом «воин», ожидает от них абсолютной лояльности и готовности пожертвовать собой, эксплуатируя их желание доказать свою ценность.

Оппозиция «воин» (элитный раб) vs «солдат» (рядовой гражданин) является центральной в идеологическом дискурсе Марлии. Это не синонимы, а антонимы, отражающие расовую иерархию:

«Воин» – это псевдо-возвышенный титул для угнетенных, призванный маскировать их рабское положение и эксплуатировать их стремление к признанию.

«Солдат» – это нормативный статус для полноправных граждан, подчеркивающий их интеграцию в государственную систему.

Таким образом, Исаяма использует словарную семантику как основу для ее последующей идеологической инверсии. Простое на первый взгляд различие в терминах становится мощным инструментом анализа пропаганды, раскрывая, как язык может быть использован для создания ложных идентичностей и поддержания системы угнетения.

Список использованной литературы:

1. Щербинина Н.Г. *Определение медиа реальности и коммуникации в контексте теории политического конструирования реальности* // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2019. – №50.
2. Dijk T.A. van. *Ideology and Discourse* // *The Oxford Handbook of Political Ideologies* / ed. by M. Freedman, M. Stears. – Oxford: Oxford University Press, 2013. – Pp. 175-196.
3. Bednarek M., Caple H. *Why do news values matter? Towards a new methodological framework for analysing news discourse in Critical Discourse Analysis and beyond* // *Discourse & Society*. – 2014. – Vol. 25, №2. – Pp. 135-158. – DOI: 10.1177/0957926513516041.
4. Мирошниченко А.А. *Толкование речи. Основы лингвоидеологического анализа [Электронный ресурс]*. – Ростов н/Д, 1995. – 112 с. – Режим доступа: http://www.kazhdy.ru/andrey_miroshnichenko/rech/1/
5. Гаврилова М.В. *Лингвистический анализ политического текста* // Политический анализ. Доклады эмпирических политических исследований СПбГУ. – СПб.: СПбГУ, 2002. – Вып. 3. – С. 88-108.
6. Купина Н.А. *Русская идея в контексте современности: «Бесы» Достоевского и аксиологические суждения Бердяева* // Политическая лингвистика. – 2015. – №2(52). – С. 31-37.
7. Ожегов С.И. *Воин [Электронный ресурс]*. – Режим доступа: https://gufo.me/dict/ozhegov/войн#google_vignette
8. Ожегов С.И. *Солдат [Электронный ресурс]*. – Режим доступа: <https://gufo.me/dict/ozhegov/солдат>
9. Исаяма Х. *Атака титанов [Электронный ресурс]*. – Режим доступа: https://readmanga.live/ataka_titanov_antologiya_A5327

References:

1. Shcherbinina N.G. (2019). *Opredelenie mediareal'nosti i kommunikatsii v kontekste teorii politicheskogo konstruirovaniia real'nosti* [Definition of media reality and communication in the context of the theory of political construction of reality]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofia. Sotsiologiya. Politologiya*, (50). [in Russian]
2. Dijk T.A. van (2013). *Ideology and discourse*. In M. Freedman & M. Stears (Eds.), *The Oxford handbook of political ideologies* (pp. 175-196). Oxford: Oxford University Press.

3. Bednarek M., Caple H. (2014). *Why do news values matter? Towards a new methodological framework for analysing news discourse in Critical Discourse Analysis and beyond*. *Discourse & Society*, 25(2), 135-158. <https://doi.org/10.1177/0957926513516041>
4. Miroshnichenko A.A. (1995). *Tolkovanie rechi. Osnovy lingvoideologicheskogo analiza [Interpretation of speech. Fundamentals of linguo-ideological analysis]*. Rostov n/D. Retrieved from http://www.kazhdy.ru/andrey_miroshnichenko/rech/1/ [in Russian]
5. Gavrilova M.V. (2002). *Lingvisticheskii analiz politicheskogo teksta [Linguistic analysis of political text]*. In *Politicheskii analiz. Doklady empiricheskikh politicheskikh issledovanii SPbGU* (Vol. 3, pp. 88-108). Saint Petersburg: SPbGU. [in Russian]
6. Kupina N.A. (2015). *Russkaia ideia v kontekste sovremennosti: "Besy" Dostoevskogo i aksiologicheskie suzhdennia Berdiaeva [The Russian idea in the context of modernity: Dostoevsky's "Demons" and Berdyaev's axiological judgments]*. *Politicheskaiia lingvistika*, (2/52), 31-37. [in Russian]
7. Ozhegov S.I. (n.d.). *Voin [Warrior]*. Retrieved from https://gufo.me/dict/ozhegov/войн#google_vignette [in Russian]
8. Ozhegov S.I. (n.d.). *Soldat [Soldier]*. Retrieved from <https://gufo.me/dict/ozhegov/солдат> [in Russian]
9. Isayama Kh. (n.d.). *Ataka titanov [Attack on Titan]*. Retrieved from https://readmanga.live/ataka_titanov_antologiia_A5327 [in Russian]

МРНТИ 17.01.07

10.51889/2959-5657.2025.92.3.002

*Ashimova M.G.¹ , Shukenai G.T.² , Chaltikenova L.A.³
^{1,2,3}I.Zhansugurov Zhetysu University
Taldykorgan, Kazakhstan
*e-mail: malikaamg@yandex.kz
e-mail: g.chukenaeva@zu.edu.kz
e-mail: lyazzat.chaltykenova.59@mail.ru

INTERTEXT IN CONTEMPORARY CONVERSATIONS: FORMS AND FUNCTIONS

Abstract

In the digital age, intertext has become an integral part of communication, influencing oral and written forms of interaction. The present study is devoted to analyzing the manifestations of intertext in contemporary conversations, including informal and professional environments. The first part of the paper reviews the theoretical foundations of intertextuality, including the classical concepts of G.Genette, R.BARTHES, and M.Bakhtin, as well as distinguishing intertext from reminiscences, allusions, and quotations. Next, the use of intertext in everyday speech is explored, from references to literature and movies to memes and political events. Particular attention of the paper is paid to the digital environment, where intertext manifests itself in the form of internet memes, comments, and social media posts. The influence of algorithms and media on the dissemination of intertextual statements is analyzed, as well as their role in shaping the cultural code of different communities. The conclusion summarizes the results of the study, considers the influence of intertext on the simplification and complication of communication, and suggests directions for further study of this phenomenon.

Keywords: intertext, intertextual, conversations, communication, memes, cultural code, a phenomenon

*Ашиимова М.Г.¹ , Шукенай Г.Т.² , Чалтикенова Л.А.³
1,2,3 И.Жансүгіров атындағы Жетісу университеті

Талдықорған, Қазақстан

*e-mail: malikaamg@yandex.kz

e-mail: g.chukenaeva@zu.edu.kz

e-mail: lyazzat.chaltykenova.59@mail.ru

ҚАЗІРГІ ӘҢГІМЕЛЕРДЕГІ ИНТЕРТЕКСТ: ФОРМАЛАРЫ МЕН ФУНКЦИЯЛАРЫ

Аннотация

Цифрлық дәуірде интертекст коммуникацияның ажырамас бөлігіне айналды, өзара әрекеттесудің ауызша және жазбаша түрлеріне әсер етті. Бұл зерттеу қазіргі әңгімелердегі Интертекст көріністерін, соның ішінде бейресми және кәсіби ортаны талдауға бағытталған. Жұмыстың бірінші белімінде Интертекстуалдылықтың теориялық негіздері, соның ішінде Дж.Женетт, Р.Барт және М.Бахтиннің классикалық тұжырымдамалары, сондай-ақ интертекстті реминисценциялармен, түспалдаулармен және дәйексөздермен ажырату қарастырылады. Әрі қарай интертексттің күнделікті сөйлеуде қолданылуы зерттеледі – әдебиет пен киноға сілтемелерден бастап мемдер мен саяси оқиғаларға дейін. Интертекст интернет-мемдер, түсініктемелер және әлеуметтік медиа жазбалары ретінде көрінетін цифрлық ортаға ерекше назар аударылады. Алгоритмдер мен медианың мәтінаралық мәлімдемелердің таралуына әсері, сондай-ақ олардың әртүрлі қауымдастырудың мәдени кодын қалыптастырудың рөлі талданады. Қорытындыда зерттеу қорытындылары шығарылады, интертексттің коммуникацияны жеңілдету мен күрделендіруге әсері қарастырылады, сондай-ақ осы құбылысты одан әрі зерттеу үшін бағыттар ұсынылады.

Түйін сөздер: интертекст, интертекстуалдылық, сөйлесу, коммуникация, мемдер, мәдени код, құбылыс

*Ашиимова М.Г.¹ , Шукенай Г.Т.² , Чалтикенова Л.А.³
1,2,3 Жетысуский университет имени И.Жансугурова
Талдықорған, Қазахстан
*e-mail: malikaamg@yandex.kz
e-mail: g.chukenaeva@zu.edu.kz
e-mail: lyazzat.chaltykenova.59@mail.ru

ИНТЕРТЕКСТ В СОВРЕМЕННЫХ РАЗГОВОРАХ: ФОРМЫ И ФУНКЦИИ

Аннотация

В условиях цифровой эпохи интертекст стал неотъемлемой частью коммуникации, оказывая влияние на устные и письменные формы взаимодействия. Настоящее исследование посвящено анализу проявлений интертекста в современных разговорах, включая неформальную и профессиональную среду. В первой части работы рассматриваются теоретические основы интертекстуальности, включая классические концепции Ж. Женетта, Р. Барта и М. Бахтина, а также разграничение интертекста с реминисценциями, аллюзиями и цитатами. Далее исследуется использование интертекста в повседневной речи – от ссылок на литературу и кино до мемов и политических событий. Особое внимание уделяется цифровой среде, где интертекст проявляется в виде интернет-мемов, комментариев и постов в социальных сетях. Анализируется влияние алгоритмов и медиа на распространение

интертекстуальных высказываний, а также их роль в формировании культурного кода различных сообществ. В заключении подводятся итоги исследования, рассматривается влияние интертекста на упрощение и усложнение коммуникации, а также предлагаются направления для дальнейшего изучения данного феномена.

Ключевые слова: интертекст, интертекстуальность, разговоры, коммуникация, мемы, культурный код, феномен

Introduction. Modern communication has changed significantly under the influence of digital technologies. Social networks, messengers and blogs promote the active use of intertext, which helps to compress meaning, convey emotional subtext and strengthen ties within communities. Modern communication is also filled with references to pre-existing texts, cultural codes and symbols. It is developing within an environment of information surplus, where the distinctions between oral and written language, artistic and mainstream literature, as well as local and global cultural codes are becoming progressively indistinct. Intertextuality is a fundamental phenomenon influencing contemporary communication, characterized by texts engaging in dialogue with one another, so generating new meanings through references, quotations, reminiscences, and allusions. Intertext in conversation manifests itself in the form of allusions, quotations, memes and cultural codes, which makes it an important element of research. This phenomenon is an integral part of speech practice, allowing speakers to convey complex meanings concisely and succinctly.

Intertext in conversations performs many functions: it facilitates understanding of complex ideas, helps to establish a connection between the participants of communication, forms belonging to a certain cultural or social group. Fiction literature takes a special place in this process, becoming a source of stable expressions, plot motifs and symbols that are reflected in everyday speech. Kazakh contemporary literature also plays an important role in the formation of national discourse, offering images, concepts and language constructions, which then pass into mass consciousness and become elements of everyday communication. The works of such authors as Daniyar Sugralinov, Rakhytmhan Otarbayev, Aigul Kemelbaeva, Karlygash Abdullina, Erzhan Zhunisbek and others demonstrate active use of intertextual elements. They refer both to traditional Kazakh texts (epics, legends, proverbs and sayings) and to global cultural sources (Western literature, cinema, Internet memes, social networks). As a result, a complex system of text interaction is formed, in which the national and the universal coexist in a single communicative space.

In addition, intertextuality in Kazakh contemporary literature often acquires the function of social criticism. For example, in Daniyar Sugralinov's novels one can see numerous references to the realities of post-Soviet society, global digital culture and new forms of social interaction. This makes an artistic text not only a means of self-expression of the author, but also a platform for social dialog. In everyday conversations, such elements manifest themselves in the form of quotations, paraphrasing, jokes and symbolic images, which indicates the profound influence of literature on the thinking and communication of modern society.

The paper aims to analyze the forms and functions of intertext in everyday conversations, as well as to identify the peculiarities of the influence of modern Kazakh literature on speech practices.

The following aspects will be considered as part of the work:

What types of intertext are most common in contemporary conversations?

What is their communicative and social function?

What literary works most often become sources of intertextual borrowings?

How are literary images and motifs transformed when they pass into oral speech?

Thus, this study will allow not only to trace the mechanisms of intertextual functioning in communication but also to understand more deeply the role of modern Kazakh literature in the formation of speech practices of society.

Methods and materials. This study uses qualitative interdisciplinary methodology based on the principles of discourse analysis, intertext theory and cultural linguistics. The aim of the study is to identify, describe and interpret the forms and functions of intertextuality in modern oral and

written communication, paying special attention to the Kazakh linguocultural context. To identify and classify examples of intertextuality in spoken language, literature and digital media, a descriptive method was used. Discourse analysis used to interpret how intertextual elements function in specific communicative situations, particularly in social media, political rhetoric and everyday conversations. Comparative analysis – to compare intertextual practices in Kazakh culture with broader global trends in digital communication. Also, linguocultural analysis allowed us to examine how intertextual references (e.g. proverbs, quotes, memes) express national identity, values and shared memory.

The empirical part includes oral speech samples containing Kazakh proverbs and sayings, quotations from literary works and everyday expressions and fragments of modern Kazakh literature by such authors as Abish Kekilbayev, Dulat Isabekov, Smagul Yelubai, Aigerim Tazhibayeva.

The research paper gives examples from digital communication such as memes, posts in social networks, hashtags. Intertextuality was also considered as a part of political discourse in media texts. The study also draws on semiotic and communicative approaches. How short, intertextually rich utterances convey multilayered meanings, create group identity, and fulfill rhetorical or manipulative functions have been studied. These approaches investigate how in fractured digital discourse intertextuality fosters brevity, expressiveness, irony, emotional resonance, and cultural cohesiveness. Combining the instruments of literary, linguistic, and media research, this study seeks to expose how intertextuality functions as a universal but culturally flexible phenomena, especially in Kazakh speech and writing, reflecting both traditional legacy and the dynamics of the digital age.

Results and Discussion. The concept of intertext originates from the works of M. Bakhtin, who considered the dialogical nature of language, as well as from the studies of R. Barthes and G. Genette, who described different levels of intertextuality. Intertext can be distinguished from allusions, reminiscences and direct quotations: while quotation implies an exact reproduction of the text, intertext can be hidden or reworked, acquiring a new meaning in a different context. The term “intertext” was first proposed by French literary critic Julia Kristeva in the 1960s, developing Mikhail Bakhtin’s ideas about the dialogicality of a text. According to Kristeva, each text is created not in a vacuum, but in a constant dialog with already existing texts. This means that any utterance relies to a greater or lesser extent on the cultural and linguistic experience fixed in society. Intertextuality, as a key concept of postmodernism, plays an important role in modern linguistics and literary studies. It is seen as an integral category of a text, linking it to other works and cultural context [1].

Other researchers, such as Gerard Genette, distinguish different levels of intertext:

- Direct quotation – verbatim reproduction of a part of the text.
- Allusion – indirect reference to a famous work, historical event, phrase.
- Parody – conscious borrowing with a change of meaning.
- Reminiscence – implicit reproduction of previously heard or read fragments.

In a broad sense, intertextuality is the ability of a text (or statement) to enter into connection with other texts, forming a single cultural space [2].

Intertext fulfills several key functions in modern communication:

1. Brevity and expressiveness

Instead of a long explanation of one idea, a person can use an intertextual reference and its meaning will be clear to the interlocutor. For example, the expression “*The Butterfly Effect*” immediately conjures up the idea of the chaotic influence of small changes on the future, without the need to explain the concept.

2. Creating a sense of belonging

The use of intertextual elements builds group identity. People who understand specific references (e.g., movies, books, memes) feel part of the same community. This is especially noticeable in Internet communication, where memes have become a way of cultural identity.

3. Playing with the reader/listener

Intertext is often used to create a humorous or ironic effect. For example, if someone responds to a difficult situation by saying, “*I’m tired, I’m leaving*” (a quote by Boris Yeltsin), this will create a comic or sarcastic effect.

4. Manipulation and hidden meanings

In political and media communication, intertext can serve as a tool to influence the audience. For example, the use of historical parallels or slogans from the past forms the necessary associations.

5. Expanding the semantic field of a text

Any text or statement containing intertextual elements can be perceived deeper and more multilayered. This is especially true in fiction, film, and journalism, where intertext creates an additional level of meaning.

The synthesis of text, context and intertext plays a central role in the formation of meaning in communication, and artistic discourse is a rich field for the interpretation of linguistic semantics [3]. Thus, intertext is a powerful tool to save language resources, make communication rich and expressive, and build complex semantic links between statements. In the conditions of the digital era, its role only intensifies, turning dialog into a dynamic space of quotations, allusions and cultural codes.

Modern communication has undergone significant changes under the influence of digital technologies. The Internet, social networks, and instant messengers have not only made it faster to share information, but they have also made it possible for people to interact in new ways, and intertextuality is a big part of those. People use references to other texts, memes, cultural symbols, and historical events more and more these days, which makes the study of intertext very important. Because of these changes, a new social and cultural setting has formed in which digital technologies have a big effect on how people talk to each other and understand information [4]. Thus, the digital transformation of society emphasizes the importance of the study of intertextuality in modern communications [5].

Digital technologies have made communication fast, brief, and fragmented. Short posts, tweets, stories, and comments have replaced traditional long narrative texts. Under such conditions, intertext becomes a tool for concise but succinct expressions of thought. For example, the use of phrases like “*Ok, boomer*” or “*I don’t know about it, but I condemn it*” allows you to convey a complex meaning in just a few words. Fragmentation of information affects the audience’s perception of data, making it difficult to digest the material and reducing the ability for profound understanding and critical thinking.

In addition, the use of emojis and other visual elements in digital communication helps convey emotions and intentions, which makes communication richer and more multifaceted. Thus, the digital environment promotes new forms of intertextuality, where brief and fragmentary messages contain deep cultural and social references [6]. Memes have become one of the main forms of digital intertext. Memes serve as cultural markers, generating complex layers of meaning that only specific user groups comprehend [7]. For example, memes based on images from movies or news headlines become independent units of communication, where the original context may change greatly but remains recognizable. Example: an image with the caption “*It’s a fiasco, bro*” has become a universal symbol of failure, even if a person is not familiar with the original video from which the phrase originated.

Social media algorithms select content based on user preferences, creating closed information bubbles. Under such conditions, intertextuality can work in different ways:

- Reinforce the influence of groupthink (people only see references they are familiar with and confirm their beliefs).
- Expand semantic horizons (if people interact with various content).

An intriguing example is intertextual crowdsourcing, where Internet users collectively create new meanings for old texts. For example, ironic movie reviews or “translations” of news through the prism of memes form new contexts [8].

In the digital age, language is becoming more flexible and dynamic, and the boundaries between spoken and written language are blurring. As a result:

- Informal correspondence actively uses emoticons, GIFs, and emoji as elements of intertext.
- New slang based on quotations and allusions (e.g., “*Sounds like a challenge*,” “*Just don't punch me in the face*”) is appearing on social networks.
- Even in business and academic environments, the influence of intertext can be observed: reports, articles, and presentations contain metaphors, memes, and pop-cultural references.

Intertext in the digital age is actively used in media politics and propaganda. Power, opposition, activists, and media use references to history, literature, and movies to manipulate public opinion. Intertextuality plays a crucial role in communication in various spheres. In political media discourse, it enriches expressive strategies and deepens mutual understanding between countries [9].

Example: The use of the phrase “*Big Brother is watching you*” (allusion to George Orwell’s novel “1984”) in news articles about digital surveillance emphasizes the alarming context [10].

Additionally, intertext (#MeToo, #StayHomeSaveLives, #FreeBritney) frequently serves as the foundation for hashtags and slogans in social campaigns, which end up becoming global symbols. Intertext is an important way to communicate in the digital age because it brings people together, makes it easier to say complicated things, and changes how people see information. Its study is necessary not only for linguists but also for media experts, marketers, and analysts, as it is through intertext that trends, public moods, and cultural codes of modern society are formed.

The purpose of the study is to analyze the manifestations of intertextuality in modern conversations, both oral and written. Modern oral and written conversations cannot be imagined without intertextuality. People constantly refer to well-known texts, be it works of literature, songs, folk proverbs, or even Internet memes. In the Kazakh language, intertext is often based on the rich cultural heritage—folklore and works of classical and modern authors.

Intertextual elements are a big part of Kazakh spoken language. They help not only with information but also with showing feelings, beliefs, and cultural values. Intertext in colloquial speech can manifest itself in the form of proverbs and sayings, quotations from poems, as well as in stable expressions that have become part of the folk language. These elements in the language perform not only a functional role but also strengthen the link between generations, creating easily recognizable certain cultural codes and understandable in society. Proverbs and sayings are the most important component of Kazakh colloquial speech, which contains folk wisdom and life truths passed down from generation to generation. In Kazakh colloquial speech, intertext in the form of proverbs is often used to express opinions and assessments in a short and succinct manner.

For example:

- “Елý жылда – ел жаңа” (Fifty years—and the people will be renewed): This proverb is used in the context of discussions of change and transformation, often in discussions of generational change. It reflects the idea that over a long period of time, no matter how old the people are, they are bound to undergo changes, renewal, new ideas, and approaches.

- “Абай жолын бilmeseң, qazaqty túsinbeisíń” (Without knowing “Abai's Way,” you will not understand the Kazakh.) This expression is a reference to the great Kazakh philosopher and poet Abai Kunanbaev, who deeply explored the essence of the Kazakh people, their culture, traditions, and values. The use of this phrase in the conversation emphasizes that to understand the depth of Kazakh identity, one must familiarize oneself with Abai's teachings.

- “Sen de bir kirkish dúnierge...” (You too are a brick in this world): This line from Abay Kunanbaev's poem is used for motivation to inspire the youth to create something significant in life. It reminds us that every person can and should contribute to society, which means they should strive to improve themselves and fulfill their role in the world.

These expressions in the Kazakh language are filled with profound meaning and often serve to enhance emotional impact, help interlocutors to find a common language, and understand each other without unnecessary explanations.

In Kazakh oral speech there are also references to the works of classical and modern Kazakh literature, as well as to the works of literature of the Soviet period and post-Soviet era. Literary works become an important source of intertext, which makes it possible to refer to familiar works that express cultural and social values.

- Abish Kekilbayev, Mukhtar Shakhanov, Olzhas Suleimenov: These writers and poets have left a significant impact on Kazakh literature, and their works are actively used in everyday conversations. For example, lines from the works of these authors can be used to refer to complex socio-political themes related to national identity, historical memory, or ethical issues. References to these authors help interlocutors to express their thoughts clearly, as the works of these authors personify the most important aspects of Kazakh culture and history. “Don’t forget your land” is from works that address the theme of connection to one’s native land and respect for one’s roots. In conversation, this phrase can be used to emphasize the importance of preserving cultural traditions and respect for one’s homeland.

Intertext is used in everyday Kazakh speech to not only share information but also strengthen cultural and social ties. The most important role here is played by the identification of interlocutors with certain cultural codes and texts with which they grew up and which are iconic to them. The peculiarity of Kazakh intertext is that it is actively embedded in the context of discussion of topical social and cultural issues. For example, when talking about national identity, a quote from Abai Kunanbayev is often used, which emphasizes the commitment to the traditions, profound wisdom, and philosophy of the Kazakh people. On the other hand, quotations from works of Soviet authors can be used in conversations about time and historical memory, which is also an important element of colloquial speech, reflecting experiences and reflections about the post-Soviet era.

Thus, intertext in Kazakh oral speech is an integral part of everyday communication, which not only helps to effectively convey meanings and emotional connotations but is also an important element of cultural identity. Maqal-matelder, quotations from poems and literary works become links between generations, symbols of national wisdom and cultural traditions. In modern Kazakh communication, intertext remains a living and powerful tool for expressing complex social, cultural, and philosophical themes, as well as for maintaining unity and continuity between different strata of society. Intertextuality in writing is an important tool that allows writers and authors not only to create the depth of the work but also to build a dialog with the past, with the culture and literature of different eras. In the context of modern Kazakh literature, intertext becomes a powerful way to interact with the reader, creating a bridge between the classics and modernity and between different cultural and historical layers.

The above examples demonstrate how contemporary Kazakh writing actively interacts with literary heritage, drawing attention to important historical, philosophical, and cultural aspects.

1. Rollan Seisenbaev – “Ólgender qaityp kelmeidi”

References to the works of Abay and Chokan Valikhanov help the author not only to reveal deeper philosophical reflections on the fate of the Kazakh people but also to emphasize the importance of the intellectual heritage of these great personalities. The introduction of their quotations and ideas into the text creates not only a literary but also a cultural context that confers the work a multilevel significance.

2. Dulat Isabekov – “Qarǵyn.”

Here intertextual elements are connected with world literature, which shows the author's attempt to establish a dialog between different cultures. The characters' reasoning about Western novels and philosophy shows how it is possible to combine Eastern and Western traditions, which can be perceived as an aspiration for world understanding and comprehension of human values.

3. Smaghul Elubai – “Aqboz” úi.”

The work actively uses allusions to tragic events in Kazakh history and references to folklore, which greatly helps create a deep sense of historical and cultural identity. The life of nomads depicted through epics and folk tales makes this text both historical and mythological, revealing the richness of Kazakh cultural memory.

4. Aigerim Tazhibayeva's contemporary poetic works

The use of quotations from Abay, references to Aitmatov, and folk tales in her poems creates a special style in which the classics are reinterpreted through a modern prism. This approach is not only a tribute to great literature but also an attempt to adapt its ideas for the new generation, drawing parallels between the old and the new, the traditional and the modern.

Thus, intertext in modern Kazakh literature plays an important role in the construction of multi-layered works, where the past becomes part of the modern context, allowing the reader to comprehend not only literature but also cultural, philosophical, and historical processes.

Conclusion. In contemporary Kazakh conversations, both oral and written intertext plays a key role in enriching communication, serving as an important tool not only for the effective transfer of information but also for the formation of cultural identity. With the rapid globalization process and the rapid development of technology, intertextual elements become the main mechanism of communication between generations, creating a space for the transmission of knowledge, values, and cultural traditions. This interaction between texts not only saves linguistic resources but also reveals the depth and multi-layered nature of the Kazakh language, giving it a special significance in the context of national identity.

The use of intertext helps Kazakhs to express complex philosophical and moral ideas in a compact and concise form. Quotations, phrases from classical literature, proverbs, sayings, and folk epics – all this becomes part of everyday speech, filling it with deep layers of meaning that do not require long explanations. Thus, intertext in the Kazakh language fulfills the function of a link that strengthens communication and deepens understanding of cultural values, preserving and transmitting them to new generations.

Intertext also plays an important role in the formation of group identity in Kazakh society, especially in the digital age. In social networks and messengers, memes, phrases, quotes, and other elements referring to famous cultural images and works become not only a tool of communication but also a way to distinguish one's belonging to a certain community. In such communication spaces, intertextual knowledge becomes an integral part of identity, providing understanding between participants and creating a common cultural platform.

Equally important is the use of intertext in mass culture, where various references to Kazakh literature, history, and folklore become elements of everyday communication. For example, jokes, memes, and quotations based on classical works create common cultural references in public consciousness, which help people find common ground and exchange ideas.

Thus, intertext in modern Kazakh is not just a tool used to add meaning to communication. It is a crucial element that forms and strengthens national identity, preserves cultural traditions, and promotes a more profound understanding of historical and cultural heritage. In the context of globalization, when culture and language are exposed to external factors, intertext becomes a link between the past and the present, which helps to preserve the uniqueness of the Kazakh people and contributes to the preservation of their cultural identity.

References:

1. Perelomova O.S. (2022). *Intertextuality in the post-structuralistic concept of text. Scientific Notes of V. I. Vernadsky Taurida National University. Series Philology. Journalism*, 2(6), 33-38. <https://doi.org/10.32782/2710-4656/2022.6.2/06>
2. Zhenett Zh. (1982). *Palimpsest: struktura i subektivnost* [Palimpsest: structure and subjectivity] [in Russian]

3. Pruvost J., Sedykh A.P., Buzinova L.M. (2018). *Text, context, intertext: synthesis of sense generation. Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 4(3). <https://doi.org/10.18413/2313-8912-2018-4-3-0-3>
4. Itogovyj dokument. Tretej mezhdunarodnoj konferencii “Informaciya i kommunikaciya v cifrovyyu epohu: yavnye i neyavnye vozdejstviya” [Final document. Third International Conference “Information and Communication in the Digital Age: Explicit and Implicit Impacts”] (2021). Khanty-Mansiysk, Russian Federation. Retrieved from https://ifapcom.ru/files/2021_ugra/Ugorskii_memorandum_2021_rus.pdf [in Russian]
5. Severina E.M. (2019). *Cifrovoj tekst v prostranstve sovremennoj kultury* [Digital text in the space of modern culture]. Chelovek i kultura, (5), 65-72. <https://doi.org/10.25136/2409-8744.2019.5.30967> [in Russian]
6. Balakina J., Sosnin A. (2017). *Intersemiotichnosti i mul'timedia – ot traditsionnykh k elektronnym tekstam* [Intersemioticity and multimedia – from traditional to electronic texts]. Sibirskiy filologicheskiy zhurnal, 161-172. <https://doi.org/10.17223/18137083/58/16> [in Russian]
7. Izgarsheva A.V. (2020). *Internet-mem mediatekst: lingvisticheskij aspekt* [Internet meme media text: linguistic aspect]. Voprosy sovremennoj lingvistiki, (5), 86-101 [in Russian]
8. Borodina E.S., Egorova E.S. (2018). *Kraudsorsing kak generator idej* [Crowdsourcing as an idea generator]. In *Strategicheskie kommunikacii v sovremennom mire. Sbornik materialov po rezulatam nauchno-prakticheskikh konferencij Pyatoj i Shestoj Mezhdunarodnyh nauchno-prakticheskikh konferencij*, 392-397 [in Russian]
9. Han H. (2024). *Realization of intertextuality in media-political discourse (based on the speeches of President Xi Jinping)*. Sovremennyj Uchenyj, (2), 17-22. <https://doi.org/10.58224/2541-8459-2024-2-17-22>
10. Orwell G. (1949). *Nineteen Eighty-Four*. London: Secker & Warburg.

МРНТИ 16.01.11

10.51889/2959-5657.2025.92.3.003

Канафина З.Т.

Казахский национальный педагогический университет им. Абая

Алматы, Казахстан

e-mail: zarinakanafina100@gmail.com

ЭРГОНИМЫ В СПОРТИВНОЙ СФЕРЕ КАЗАХСТАНА: НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ДИНАМИКА НОМИНАЦИИ

Аннотация

В статье рассматриваются эргонимы спортивной сферы Казахстана как значимые языковые и культурные маркеры, отражающие национальную идентичность, историческое развитие и влияние глобализационных процессов. Основу исследования составляет лингвокультурологический подход, позволяющий трактовать эргонимы не только как языковые единицы, но и как культурные знаки, транслирующие ценности и мировоззрение общества. Эмпирическую базу составили наименования спортивных объектов, собранные из открытых источников: интернет-справочников, публикаций в СМИ, логотипов компаний и вывесок. Особое внимание уделяется выявлению национально-культурных компонентов, которые реализуются через вторичную номинацию, переосмысление существующих слов, использование культурных символов, реалий и стереотипов. Анализ показывает, что в эргонимии спортивной сферы сосуществуют названия, сохраняющие традиционные культурные ориентиры (например, Батыр, Үміт, Тулпар), и имена, отражающие современные глобальные тенденции (например, Adrenaline, Lifetime, World Class). Динамика номинации

прослеживается от советского периода до современности, что демонстрирует переход от коллективных социалистических моделей именования к индивидуализированным и рыночным практикам. В заключение подчеркивается двойственная функция эргонимов: сохранение национального наследия при одновременной адаптации к процессам модернизации и интернационализации.

Ключевые слова: эргонимия, эргоним, ономастика, номинация, лингвокультурология, национально-культурные компоненты

Kanafina Z.T.

Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті

Алматы, Қазақстан

e-mail: zarinakanafina100@gmail.com

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ СПОРТ САЛАСЫНДАҒЫ ЭРГОНИМДЕР: ҰЛТТЫҚ-МӘДЕНИ ЕРЕКШЕЛІКТЕРІ ЖӘНЕ НОМИНАЦИЯ ДИНАМИКАСЫ

Аңдатпа

Бұл мақалада Қазақстандағы спорт саласының эргонимдері ұлттық болмысты, тарихи дамуды және жаһандық ықпалдарды бейнелейтін маңызды тілдік әрі мәдени көрсеткіштер ретінде қарастырылады. Зерттеу лингвомәдениеттанымдық тәсілге негізделген, ол эргонимдерді тек тілдік бірліктер ғана емес, сонымен бірге қоғамның құндылықтары мен дүниетанымын білдіретін мәдени таңбалар ретінде талдауға мүмкіндік береді. Эмпирикалық материал ретінде спорт нысандарының атаулары алынып, олар ашық дереккөздерден – онлайн-анықтамалықтардан, БАҚ мақалаларынан, компания логотиптері мен мәдени штандарынан жиналды. Зерттеуде ұлттық-мәдени компоненттердің көрініс табуы ерекше назарға алынды. Олар көбіне екінші реттік номинация, бар сөздердің жаңа мағынада қолданылуы, мәдени символдар мен реалийлердің енгізілуі арқылы қалыптасады. Талдау нәтижесінде дәстүрлі қазақ мәдени құндылықтарын бейнелейтін (мысалы, Батыр, Үміт, Тулпар) және жаһандану мен Батыс ықпалын көрсететін (мысалы, Adrenaline, Lifetime, World Class) эргонимдердің қатар қолданыста екені анықталды. Кеңестік кезеңнен бастап қазіргі Қазақстанға дейінгі тарихи сатылардағы атау беру үрдістерінің динамикасы көрсетіліп, социалистік дәстүрден нарықтық және жеке бағытқа бетбұрыс айқындалды. Мақалада эргонимдердің екіжақты қызметі – ұлттық мұраны сақтау және қазіргі заманғы модернизация мен интернационализация үрдістеріне бейімделу ерекшеленеді.

Түйін сөздер: эргонимия, эргоним, ономастика, номинация, лингвомәдениеттану, ұлттық-мәдени компоненттер

Kanafina Z.T.

Abai Kazakh National Pedagogical University

Almaty, Kazakhstan

e-mail: zarinakanafina100@gmail.com

ERGONYMS IN THE SPORTS SPHERE OF KAZAKHSTAN: NATIONAL AND CULTURAL FEATURES AND THE DYNAMICS OF NOMINATION

Abstract

The article examines the ergonyms of Kazakhstan's sports sphere as significant linguistic and cultural markers that reflect national identity, historical development, and global influences. The study is based on a linguoculturological approach, which treats ergonyms not only as linguistic

units but also as cultural signs embodying social values and worldview. The empirical material includes the names of sports facilities collected from open sources such as online directories, media articles, and company logos. Special attention is given to the national and cultural components encoded in ergonyms, which often emerge through secondary nomination, reinterpretation of existing words, and incorporation of cultural symbols, realia, and stereotypes. The analysis reveals semantic models that preserve traditional Kazakh cultural elements (e.g., Batyr, Umit, Tulpar) alongside those reflecting globalization and Western influence (e.g., Adrenaline, Lifetime, World Class). The dynamics of ergonym formation are traced across historical periods from the Soviet era to modern Kazakhstan, highlighting the shift from collective socialist naming traditions to individual and market-oriented practices. The study emphasizes the dual function of ergonyms: preserving national heritage while adapting to contemporary trends of modernization and internationalization.

Keywords: ergonymy, ergonym, onomastics, nomination, linguoculturology, national and cultural components

Введение. Изучение эргонимов позволяет проследить изменения в проприальной лексике того или иного лингвосоциума на протяжении определенного временного отрезка. Особенно актуально изучение данной лексики с позиции национальных культурных особенностей. Тому подтверждение – одно из утверждений В. Гумбольдта в отношении характера языка. По его мнению, необходимо использовать язык как вспомогательное средство при изучении национального своеобразия. В противном случае все исследования в таком ключе будут напрасными. Только язык способен запечатлеть всю национальную специфику [1, 303].

Исследование в статье направлено на анализ названий социально-значимой группы объектов – эргонимов спортивной сферы Казахстана, понимаемых в трактовке Ф.Ф. Алистановой (2011) как «названия деловых объединений людей, объектов культуры и спорта, коммерческих предприятий различного функционального профиля» [2]. Усиление интереса к спорту и здоровому образу жизни приводит к росту числа спортивных объектов по всему Казахстану. Более того, согласно положениям Стратегии «Казахстан-2050», в стране намерены возвести еще больше новых спортивных сооружений [3]. Соответственно, возникает необходимость лингвокреативного подхода к их наименованию.

В эргонимии первичные процессы номинации встречаются редко; чаще речь идет о вторичной номинации, когда для создания имени объекта переосмысяются существующие языковые единицы. При этом важно учитывать, что эргонимы формируются отдельной языковой личностью, способной транслировать в наименованиях ценности различных народов и культур [4, 8]. Мысль о национальной природе языковой личности и её принадлежности к конкретному лингвокультурному сообществу представлена в трудах В.И. Карасика и Ю.Н. Карапулова [5].

Методы и материалы исследования. Методологическую основу анализа эргонимических единиц в данной работе составляет лингвокультурологический подход, позволяющий рассматривать эргонимы не только как языковые единицы, но и как культурные знаки, отражающие мировоззрение и ценности социума. Эргонимы могут транслировать национально-специфические элементы культуры посредством различных способов – калькирования, транслитерации, транскрипции или их комбинации. В «Лингвокультурологии» В.А. Масловой такими элементами культуры являются реалии (неэквивалентная лексика), лакуны, мифологемы, архетипы, фразеологизмы, стереотипы, символы и др. [6, 36-47]. Особое внимание уделяется понятию «реалии», определяемые Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым, как культурно-специфические слова и выражения, труднопереводимые или непереводимые на другие языки и играющие значимую роль в формировании национальной идентичности [7]. Лингвокультурологический анализ эргонимов в статье предполагает выявление национально-культурной специфики и динамику их номинации в контексте истории развития спорта в Казахстане.

Эмпирическую базу исследования составляют названия спортивных объектов Казахстана, собранные методом сплошной выборки из открытых источников (справочные интернет-ресурсы сайтов zoon.kz, 2gis.kz, yandex.kz/maps, статьи в официальных СМИ Казахстана таких как Tengrinews.kz, Today.kz, Казахстанская правда и др., логотипы компаний, торговые вывески). В список анализируемых спортивных объектов входят спорткомплексы (СК), дворцы спорта, арены и стадионы, фитнес-центры или тренажерные залы, спортивные клубы и секции по интересам, академии, спортивные школы, включая ДЮСШ, СДЮСШОР и др.

Результаты и обсуждение. В статье рассмотрены и проанализированы эргонимы как проводники национально-культурной информации, источниками которых являются лингвокультурные реалии, характерные для определенного народа и связанные с его культурой (Богатырь, Молот – русская культура: физическая сила, защита, труд; Батыр, Скиф – казахская культура: воин, степь). В своей лингвострановедческой теории В.Г. Костомаров и Е.М. Верещагин утверждали, что семантика имени собственного изначально имеет национально-культурные компоненты и они также указывают, что эти компоненты могут быть выведены из формы наименования [8]. Задачей исследования было выделение в названии (дифференцирующем компоненте) лексем, словообразовательных моделей и основ, формантов, хранящих культурную информацию, и участвующие в образовании эргонима спортивных объектов Казахстана.

С целью выявления динамики национально-культурных компонентов в эргонимии спортивных организаций важным этапом стало обращение к истории становления спорта в Казахстане, начиная с периода его существования как социалистической республики. Анализ семантики наименований спортивных предприятий позволил выявить ключевые культурные концепты и реалии и составить списки названий, содержащих национально-культурный компонент значения.

В развитии физической культуры Казахстана можно выделить четыре периода: дореволюционный, советский, постсоветский, современный. Спорт в советский период развивался через ДССО (добровольные спортивные сельские общества), которые начали создаваться в середине 1930-х годов. Спортивные объединения в форме коллективов физической культуры организовывались на базе предприятий, колхозов, совхозов, учебных заведений и первых спортивных клубов. В советском Казахстане к физической культуре стали приобщаться широкие массы народа. Физкультурная деятельность сначала проводилась в кружках и спортивных клубах Всеобуча. Позднее комсомольские и профсоюзные организации создали кружки физкультуры.

1931 г. – введение ГТО (Готов к труду и обороне), всесоюзного физкультурно-спортивного комплекса. Физкультурные организации из года в год наращивали темпы роста;

1935 г. – создание ДСО Спартак;

1936 г. – создание спортивных обществ профсоюзов;

1951 г. – создание сельского спортивного общества Колхозы;

1956 г. – объединение в ДССО Кайрат спортивных обществ Колхозы и Урожай. Это также часть истории футбольного клуба Кайрат. Названия данных объединений также относятся к эргонимам несмотря на то, что в то время в оборот еще не был введен этот термин. Названия предприятий формировались по принципу аббревиации (ГТО, ДСО) или метонимики онимизации (указание на деятельность спортивного общества, например, «Колхозы», «Локомотив»).

Практически в каждом городе Казахстана есть яркое напоминание о советском прошлом, но это также и культура Казахской ССР и история спортивных побед. Это физкультурно-спортивное общество (ФСО) «Динамо», существующее уже почти 100 лет. Организация, которая создавалась для органов безопасности и порядка, стала символом стойкости

казахского народа. Она пережила распад Советского Союза, годы становления независимости Казахстана и по-прежнему взращивает спортивные кадры для страны. А именование стадионов, спортивных комплексов словом «Динамо» – это, возможно, дань уважения той культуре, что была и остается частью жизни и истории казахского народа. К сожалению, проследить жизнь и деятельность, смену названий каждого спортивного объекта не представляется возможным по ряду причин. Однако для сравнения в таблице 1 рассмотрим несколько объектов в разных регионах, которые функционируют и сегодня, но уже под другими названиями.

Таблица 1. Динамика семантической структуры названий спортивных объектов

Первоначальное название	Промежуточное название	Настоящее название
«Стрела» (1936) «Локомотив» (1938-1951)	«Искра», «Буревестник», «Енбек», «Торпедо» (1951-1964) ФСО «Динамо» (1964-1974) «Энергия» (1975-1986)	Центральный стадион имени Хаджимукана Мунайтпасова (1986) г. Астана
Центральный стадион Казахской ССР (1958)		Центральный стадион (каз. Орталық стадион) г. Алматы
Стадион «Локомотив» (1960)		Стадион «Жастар» г. Петропавловск
Стадион «Авангард» (1967)		Стадион «Карасай» (2008) г. Петропавловск
Дворец спорта им. 50-летия Октября (1967)		Дворец спорта и культуры им. Балуана Шолака (начало 90-х) г. Алматы
Стадион Кажымукан (2009) – рабочее название		Астана Арена г. Астана

Многочисленные переименования стадиона, ныне известного под именем легендарного казахского борца Хаджимукана Мунайтпасова, происходили в зависимости от того, у какого общества он находился на балансе, и кто отвечал за социально-культурную сферу. В отношении названий Локомотив и Авангард осуществился процесс массовых переименований, необходимый в виду сложившегося ономастического пространства страны до 1991 года. Это были одни из новых названий новой страны Казахстан.

Тема спорта, спортивной номинации и спортивного дискурса весьма обширна и недостаточно глубоко изучена в Казахстане. Среди многочисленных исследований по ономастике встречается термин «спортоним», но он не рассматривает деловые объединения данного профиля. Если разграничить понятия спорт и фитнес, то можно будет эргонимы рассматривать под другим углом, с точки зрения нацеленности на результат. Спорт – профессиональное понятие, целью которого является достижение результатов. Тогда как цель фитнеса – поддержание здорового образа жизни. Из всех индустрий спорт – самая быстро развивающаяся, а фитнес – один из самых популярных видов спортивных занятий в мире. Но так было не всегда.

В советский период человек не имел никакого представления о фитнесе. Сегодняшнему фитнесу можно противопоставить утреннюю гимнастику. Культуризм активно начал развиваться с 30-х годов в «качалках» (любительские тренажерные залы, в подвальных помещениях), которые содержались за счет энтузиастов. Одно название заменило тысячи названий, которые существуют сегодня. Даже сам спорт воспринимался в другом ключе, что продемонстрировано в таблице 2.

Таблица 2. Концепты спорта для КазССР и для Казахстана

Казахская ССР	Республика Казахстан
Утренняя гимнастика	Фитнес и вэлнес
Культуризм и атлетизм	Бодибилдинг и кроссфит
Спорт – труд, военная служба / подготовка	Спорт – улучшение физического здоровья, красивое тело, хобби
ДСО, ДССО, ГТО, Всеобуч	ИП, ТОО, ГЧП
«качалка» «Колхозшы», «Урожай», «Спартак», «Кайрат»	World Class, Fitnation, Fat2Fit, VAVILON, Фитнеслэнд, Улан-Fitness, Зверь, Fidelity, БАНЗАЙ и др.

Если рассматривать эти характеристики спортивной жизни, то можно понять, как мыслил человек советской эпохи и как мыслит человек сегодня. В Казахской ССР ввиду того, что люди жили в большей степени в небольших поселениях, аулах, колхозах национальные виды спорта, национальные игры среди молодежи получали достаточно широкое распространение. В современном Казахстане массовая культура пока что преобладает над культурой национальной.

Спорт сегодня – универсальный способ установления мира и порядка на международной арене. Казахстан существует в глобальном пространстве, в котором происходит соединение национальной культуры с другими мировыми культурами. С западной культурой в большей степени, потому что главные современные тенденции в мире спорта зародились там – повсеместное развитие спорта берет свои истоки в США и Европе. Американский термин фитнес прижился в Казахстане и, как и во всем мире, стал социально-культурным феноменом XX века. Точкой отсчета становления фитнеса в Казахстане можно считать день обретения независимости. Коммунистический режим и подпольные тренажерные залы стали сменяться доступными широким массам фитнес-центрами и фитнес студиями. Образ американского стиля жизни, силы, статуса и лоска актуализируется в эргонимах английской лексикой (Adrenaline, Lifetime, Real Dream, Golden Eagle), названиями отдельных районов Америки (Бруклин, Бронкс), то есть топонимов, достаточно широко известных целевой аудитории среди носителей русского языка. Целевой аудиторией являются люди с активной жизненной позицией в возрасте от 25 до 35 лет. Если в 90-х использование иностранных слов в названиях воспринималось в сознании тогда еще советского человека как представление о лучшем качестве услуг, то сегодня это оправдано удобством и модой на имена, также международным статусом английского языка в целом.

Язык как культурный компонент подразделяется на универсальный культурный компонент и национально-культурный компонент. Т.Ф. Новикова в монографии о культурологическом подходе к преподаванию русского языка с точки зрения регионализации образования выделяет тематические лексические комплексы. По-другому их называет единицами языка с НКК (национально-культурным компонентом) значения [9]. Эргонимы с НКК значения присваиваются объекту в зависимости от той информации, что находится в ментальном лексиконе имидателя. В семантике эргонима находит отражение мировидение и мировосприятие народа в единстве с его духовной, социальной и материальной культурой.

Эргонимы, отражающие национально-культурную специфику казахского народа, составляют представлены в таблице 3. Эти эргонимы можно разделить на две категории: те, которые сохраняют преемственность приоритетов и те, которые отражают новые культурные реалии в номинации.

Таблица 3. Эргонимы с наличием НКК казахского народа

Скиф	Тарлан	Ұлан-fitness
Орда	Тамерлан	Sanatfit
Алау	Сарыарка	AGAYIN fitness
Батыр	Толкын	Halyk Arena
Алаш	Тан-Нуры	JAS QYRAN
Кайрат	Даulet	Rakhat Fitness
Тулпар	Зияткер	Zhailjau
Алатау	Жауынгер	ZhaStar
Абылай хан	Куаныш	QAZAQ BATYRY
Тенгри	Барыс Арена	ALG`A
Карасай	Женіс	VINO 4-EVER
Бекзат	Мансур	QaharManfit
Максат	Жас-Батыр	PALUAN GYM
Арлан	Үміт	SUNKAR
Жастар	Өйдеме-fight	Bes Batyr

Экспансия других культур и языков в эргонимию отдельной страны или города осуществляется в том числе через спорт. Обращая внимание на названия в лингвокультурологическом контексте, начинаешь замечать трансляции некоторых традиций, понятий, предпочтений, принятых в культуре другого народа, другого государства. Несколько примеров экспансии других культур (их реалий) в эргонимику Казахстана представлены в таблице 4.

Таблица 4. Примеры эргонимов, отражающих специфику других культур

Эргоним	Деятельность	НКК
Тоширо	Школа каратэ	Персонаж аниме и манги (яп. культура)
Квон	Секция тхэквондо	1) корейская фамилия; 2) кулак (пер. с кор.) – элемент тхэквондо
РЭЙ	Клуб реального айкидо	В яп. культуре поклон, приветствие, выражение уважения
Стрекоза	Школа танцев	В рус. литературе персонаж басни Крылова. Танцующая попрыгунья стрекоза
ARNOLD CLASSIS	Тренажерный зал	Амер. культура: отсылка к Арнольду Шварценеггеру (амер. культурист, чемпион)
OLIMPIA	Спорткомплекс	Место проведения общегреческих Олимпийских игр
БАНЗАЙ	Фитнес-клуб	Японский приветственный возглас, пожелание долголетия (пер. «десять тысяч лет»)
Derby	Академия футбола	Игровой спорт в Англии, происходит от футбольной игры

В аспекте национально-культурной специфики получают также распространение описательные эргонимы, представленные двумя основными моделями: «объект+меморатив» и «объект+элемент ____». В таблице 5 они проиллюстрированы примерами современных эргонимов.

Таблица 5. Модели эргонимов с национально-культурной спецификой

«объект+меморатив»	«объект+элемент _____ »
SK BOXING школа бокса им. Серика Конакбаева	Almaty Arena
Дворец спорта им. Балуана Шолака	Endurance Almaty
Центральный стадион им. Хаджимукана Мунайтпасова	Crossfit Astana
Дворец спорта им. Винокурова	BRONX Astana Boxing club
СДЮШОР по боксу им. К. Сафина	Астана Арена
Спортивный комплекс им. О. Жарылгапова	Северный Легион

Сложилась определенная тенденция в присвоении имен организациям спорта по модели «объект+меморатив». Например, имена прославленных казахстанских спортсменов и чемпионов как национальных символы страны присваиваются таким как спортивные школы, дворцы спорта и стадионы: *ОДЮСШ (областная детско-юношеская спортивная школа) по национальным видам спорта с 2017 года носит имя Балуана Шолака; СДЮСШОР по боксу им. К. Сафина (Петропавловск); Дворец спорта им. А. Винокурова (Петропавловск); Центральный стадион им. Хаджимукана Мунайтпасова (Астана); Спортивный комплекс им. О. Жарылгапова (Алматы); Профессиональный спортивный клуб Абылай хан (Алматы).* В частном коммерческом секторе спортивным школам, фитнес центрам и танцевальным студиям нередко имядатели присваивают собственные имена (*шагат с Kris Gray, Katrin Fitness, спортивно-танцевальная студия Камилы Ким, Школа гимнастики Евгения Евдокимова*).

В модели «объект+элемент» элемент отражает административно территориальное устройство государства (употребление в названии Астана, Алматы, Северный). Названия по данным моделям стали возможны в эргонимии Казахстана с момента огосударствления процесса официального наименования объектов. Хотя это наблюдается во все времена существования государственности, так как одной из функций эргонимов является – функция охраны собственности или охранительная функция.

Заключение. Таким образом, в лингвокультурологическом аспекте в постсоветский период у народа Казахстана стала формироваться новая система культурных ценностей, новое мышление. Запустив процессы коренизации, нация пыталась идентифицировать себя, заявить о себе как о независимой, имеющей свой язык, историю и культуру. Символы эпохи советской канули в лету. Дальнейшие процессы глобализации развернули страну на 180 градусов. Символы эпохи информатизации и цифровизации, глобализации и модернизации актуальны в коммуникативном пространстве современного города и сказываются на национальном сознании народа. Национально-культурная составляющая жизни где-то внутри всех этих процессов. Нейминг качественный и осознанный способен повысить культурный уровень горожан. На сегодняшний день первоочередная задача – сохранять баланс между особенностями национальной культуры и ее интернационализацией и модернизацией. Подобное балансирование сегодня приводит к многогранности языковой моды, то есть смешение тенденций предыдущих периодов с принципиально новыми направлениями.

Список использованной литературы:

1. Гумбольдт В. *О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Избранные труды по языкоznанию.* – М.: Прогресс, 1984.
2. Алистанова Ф.Ф. Эргонимы современного русского языка как микросистема: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Махачкала, 2011. – 23 с.
3. Роль государства в поддержке спорта к 2050 году в Казахстане [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://madeniportal.kz/ru/news/rol-gosudarstva-v-podderzke-sporta-k-2050-godu-v-kazaxstane> (Дата обращения: 11.09.2025).

4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 331 с.
5. Караплов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – 7-е изд. – М.: Изд-во ЛКИ, 2010. – 264 с.
6. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие. – 5-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2016. – 288 с.
7. Маслова В.А. Лингвокультурология. – М.: Филология, 2007. – 263 с.
8. Верещагин Е.М., Костомаров, В. Г. Язык и культура. – М.: Индрик, 2005. – 11 с.
9. Новикова Т.Ф. Культурологический подход к преподаванию русского языка в аспекте регионализации образования: монография. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2007. – 296 с.

References:

1. Gumboldt V. (1984). *O razlichii stroenii chelovecheskikh yazykov i ego vliianii na duchovnoe razvitiye chelovechestva* [On the difference of the structure of human languages and its influence on the spiritual development of humanity]. In *Izbrannye trudy po yazykoznaniyu*. Moscow: Progress, pp. 312-390. [in Russian]
2. Alistanova F.F. (2011). *Ergonymy sovremennoego russkogo iazyka kak mikrosistema* [Ergonyms of the modern Russian language as a microsystem]. Abstract of PhD thesis in philological sciences. Makhachkala: Dagestan State University, 23 p. [in Russian]
3. Rol' gosudarstva v podderzhke sporta k 2050 godu v Kazakhstane [The role of the state in supporting sports by 2050 in Kazakhstan]. (n.d.). Retrieved September 11, 2025, from <https://madeniportal.kz/ru/news/rol-gosudarstva-v-podderzke-sporta-k-2050-godu-v-kazaxstane> [in Russian]
4. Karasik V.I. (2002). *Yazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena, 331 p. [in Russian]
5. Karaplov Yu.N. (2010). *Russkii yazyk i yazykovaia lichnost'* [The Russian language and linguistic personality] (7th ed.). Moscow: LKI, 264 p. [in Russian]
6. Alefirenko N.F. (2010). *Lingvokul'turologiya: tsennostno-smyslovoe prostranstvo yazyka* [Linguoculturology: value-semantic space of language] (5th ed.). Moscow: Flinta; Nauka, 416 p. [in Russian]
7. Maslova V.A. (2007). *Lingvokul'turologiya* [Linguoculturology]. Moscow: Filologiya, 263 p. [in Russian]
8. Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. (2005). *Yazyk i kul'tura* [Language and culture]. Moscow: Indrik, 111 p. [in Russian]
9. Novikova T.F. (2007). *Kul'turologicheskii podkhod k prepodavaniyu russkogo yazyka v aspekte regionalizatsii obrazovaniya* [Cultural approach to teaching the Russian language in the aspect of the regionalization of education]. Belgorod: BelGU, 296 p. [in Russian]

Kiklewicz A.K.
University of Warmia and Mazury
Olsztyn, Poland
e-mail: aleksander.kiklewicz@uwm.edu.pl

CRITERIA OF ARTISTRY

Abstract

Even though works of art (including fiction) created in different eras and in different cultural conditions generally correspond to the category of beauty (as a certain value), they are based on different criteria of artistry. According to the concept proposed in the article, these criteria evolve, and the nature of their evolution is determined by the structure of the sign, in which Charles Morris (1938) identified three dimensions: semantics, syntaxics and pragmatics. In accordance with this, the author distinguishes three criteria of artistry: semantic, syntactic and pragmatic, dominating in the paradigms of art (realistic, modernist and postmodernist). The article describes the most characteristic features of each of these paradigms.

Keywords: art, fiction, semantics, pragmatics, syntax, modernism, postmodernism

Киклевич А.К.
Вармия және Масурия университеті
Ольштын, Польша
e-mail: aleksander.kiklewicz@uwm.edu.pl

КӨРКЕМДІК КРИТЕРИЙЛЕРІ

Аңдатта

Әр түрлі дәуірлерде және әртүрлі мәдени жағдайларда жасалған өнер туындылары (көркем әдебиетті қоса алғанда) жалпы сұлулық санатына (белгілі бір құндылық ретінде) сәйкес келседе, олар әр түрлі көркемдік критерийлерге негізделген. Мақалада ұсынылған тұжырымдамаға сәйкес, бұл критерийлер дамиды және олардың әволюциясының сипаты Чарльз Моррис (1938) үш өлшемді белгі құрылымымен анықталады: семантика, синтаксис және прагматика. Осыған сәйкес автор көркемдіктің үш критерийін анықтайды: семантикалық, синтаксистік және прагматикалық, өнер парадигмаларында басым (реалистік, модернистік және постмодерндік). Мақалада осы парадигмалардың әрқайсысына тән белгілер сипатталған.

Түйін сөздер: өнер, көркем әдебиет, семантика, прагматика, синтаксис, модернизм, постмодернизм

Киклевич А.К.
Варминьско-Мазурский университет
Ольштын, Польша
e-mail: aleksander.kiklewicz@uwm.edu.pl

КРИТЕРИИ ХУДОЖЕСТВЕННОСТИ

Аннотация

Несмотря на то, что произведения искусства (включая художественную литературу), созданные в разные эпохи и в разных культурных условиях, в целом соответствуют

категории красоты (как определенной ценности), они основаны на разных критериях художественности. Согласно концепции, предложенной в статье, эти критерии эволюционируют, и характер их эволюции определяется структурой знака, в которой Чарльз Моррис (1938) выделил три измерения: семантику, синтаксис и прагматику. В соответствии с этим автор выделяет три критерия художественности: семантический, синтаксический и прагматический, доминирующие в парадигмах искусства (реалистической, модернистской и постмодернистской). В статье описываются наиболее характерные черты каждой из этих парадигм.

Ключевые слова: искусство, художественная литература, семантика, прагматика, синтаксис, модернизм, постмодернизм

Introduction. The category of beauty is based on the evaluative perception of objects, and evaluation, as is known, is an interpretation of objects relative to a certain segment of a certain scale of characteristics. There is also the concept of aesthetic convention, according to which some objects are prototypical examples of what is considered beautiful, charming, attractive, or, conversely, ugly, unattractive, repulsive. In addition to prototypes, aesthetic convention includes criteria according to which works of art (as well as any other objects) are interpreted and evaluated.

The formal-constructive foundations of the interpretation of works of art (including artistic style) have been studied in detail within the formalist and structuralist traditions. Nevertheless, it is obvious that the essence of art is not limited to a set of tropes or stylistic figures. The aesthetic determinants of linguistic communication are variable in nature and continuously evolve from naturalistic symbolism in archaic forms of art to interactionism in postmodern artistic practice.

The criteria of artistry (as well as the criteria of beauty) directly influence artistic paradigms, which, in turn, are classified and described on various grounds. For example, Valery Tyupa identifies three types of paradigms: 1) reflexive traditionalism; 2) aesthetic creativity; 3) modernism. Each of these paradigms is based on different criteria for determining what perfect art is [1, 155-158].

Thus, the paradigm of reflexive traditionalism, covering the historical period from syncretic (folklore) poetics to the end of the 18th century and most vividly embodied in the literature of classicism, relied on normative aesthetic consciousness. Art was considered a craft activity carried out according to certain rules (“techne” in the philosophy of Plato and Aristotle), subject to assessment from the point of view of mastery, i.e. the level of practical mastery of artistic techniques. The criterion of aesthetics was the canonical correctness of the text, identified with the professional level of its author.

Works of art from the second half of the 20th and first decades of the 21st century are assessed in a completely different way. According to Tyupe, the modern paradigm of art is activist in nature – it is based on the principle of the interactivity of art. Artistic activity today is understood as an activity aimed at the consciousness of another person – the interlocutor. The emphasis on the perception of the text (or discourse) is associated with a greater or lesser uncertainty of content: by analogy with the concept of social constructivism, equal participation of the sender and the recipient in the construction of meanings is assumed.

Although the paradigms of art are described in detail, the criteria underlying them are often presented rather intuitively. Moreover, it should be noted that such criteria are used not only to characterize paradigms as epochal formations of artistic culture but also for individual movements, associations, styles, idiosyncrasies, and even individual texts. For example, Ryszard Solik lists the criteria according to which such movements as Romanticism, Realism, and Impressionism are distinguished: the illusion and form of the image, the correspondence between the theme and the plot, the hierarchy of artistic genres, iconographic economy, the power of convention, etc. [2, 16].

The purpose of this article is to examine the concept of artistic criteria on which major historical stages of artistic culture development are based. These criteria are not intuitive or inductive in nature but have the status of axioms: their identification is based on the semiotic model of the sign proposed by Charles Morris in the first half of the 20th century.

Even though artistic activity (including literary creativity) is often initiated by difficult to formalize, sublimated impulses, as Ivor A. Richards wrote, the principles by which works of art are understood and evaluated are based on the status characteristics of signs as basic categories of interpersonal communication [3, 24].

Methods and materials. To analyse the criteria of artistry in this article, methods of semiotic analysis and comparative literary studies were used. The research was based on Charles Morris's concept, which distinguishes three dimensions of a sign: semantics, syntax and pragmatics [4]. The research material comprises works of art from various eras and cultural contexts, selected based on their correspondence to the concept of beauty. Both classical works and contemporary texts are used as examples, which allows us to trace the evolution of artistic criteria.

Semantic analysis was conducted based on the definition of aesthetically marked signs and their relationship to referents that are considered beautiful. The study also examines examples such as the noun ‘bouquet’, which contains elements of aesthetic evaluation.

Syntactic analysis involved the examination of compositional forms of speech and the ways of configuring signs that create an aesthetic impression, regardless of the discourse topic. Various stylistic figures, such as rhyme and rhythm, which determine the aesthetic value of a text, were used as examples.

Pragmatic analysis aimed at studying the author's communicative intention and its influence on the perception of a work of art. The study also took into account the cultural codes of the sender and receiver of information, which is especially important in intercultural communication.

Thus, the research methods include semantic, syntactic, and pragmatic analysis, which allows for a comprehensive examination of the criteria of artistry and their evolution in various art paradigms.

Results and discussion

1. Semantic criterion

The origins of art are linked to its semantic nature: beauty is contained in the reality around us – works of art express or reflect it. Aesthetically marked signs are related to referents (artifacts or natural objects) that are considered beautiful, i.e. according to the principle: “(if) the referent is beautiful – (then) the sign is beautiful” [5, 146]. The nature of art thus lies in the imitation of the beauty of perceived objects of reality, as, for example, Adam wrote in the 18th century Smith [6, 86].

Aesthetic information is contained in the definitions of some lexical names of visually perceived objects. As an example, we can consider the noun “bouquet”, which in the article by Alexey D. Košelev is defined as follows [7, 299]:

PROTOTYPE (mental image): “A bunch of flowers (image of a typical referent) + Flowers are placed in a vase with water, tied with a ribbon, given to family and friends (typical actions with a referent)” <=

CORE (causal characteristic): “Flowers are selected in a bunch in such a way that they form a beautiful ensemble and their appearance and smell evoke aesthetic pleasure”.

As we can see, the second part of the definition contains elements of aesthetic evaluation, namely the expressions *beautiful ensemble* and *aesthetic pleasure*.

Visual art is ideally suited to fulfill this imitative function, especially iconic signs based on similarity to beautiful referents [8]. It is no coincidence that children's drawings usually contain beautiful objects, most often flowers.

This type of imitation corresponds to the principle of natural symbolism: signs inherit the functional properties of their referents, which are used in various magical practices [9; 10]. The same principle lies in the nature of art.

Art is based on signs of an analogous, imitative nature, which owe their aesthetic value to denotates. Initially, the rule was: “A beautiful story is a beautiful text.” It is no coincidence that traditional (including folk) genres of art are thematically connected with the mimetic function: they describe beautiful landscapes, attractive characters (for example, young women and young men),

love scenes, etc. In real life, such beautiful scenes are said to be “asking to be drawn”. We encounter a similar leitmotif in Akutagawa's story Du Zichun:

In the rays of the setting sun, which flooded the city gates with liquid oil, caps of the finest silk gauze on the heads of old men, golden Turkish earrings in the ears of women, multi-colored reins on white horses rushed past... As if you were looking at a beautiful painting.

Thanks to the mimetic principle, a subsystem of sign means was formed over time, intended to express aesthetically colored content: semantic poeticisms as names of beautiful objects (they can be defined as bellonyms), as well as semantically marked stylistic figures, tropes, phraseological units. This was the first stage in the formation of the art system [11, 278].

2. Syntactic (constructive) criterion

Over time, this subsystem begins to separate from the mimetic function – situations arise when the aesthetic effect no longer depends on the topic of discourse. A new stage in the history of artistic practices is based on syntax: the aesthetic function is related to the way signs are configured. The source of beauty in speech communication lies in the compositional forms of speech – it is not at all necessary for individual semantic elements to indicate beautiful objects.

This is how an artistic style begins to form. The units and typified constructions that comprise it are not limited in terms of semantics – aesthetic impact is possible due to the elements belonging to a given style. The poetic form has aesthetic value due to a certain arrangement of words and phrases – especially due to such elements of the verse structure as rhyme and rhythm, while the theme of the poem can be a blooming meadow or an old, worn jacket, as, for example, in the poem (and song) of Bulat Okudzhava. Stanislav Lem writes about this criterion of artistry in his “Philosophy of Chance”:

Everyone recognizes that there is a difference between the sentences: “Anthony, taking Maria by the hand, led her into the rustling hazel grove” and “Antek dragged Manka into the bushes. The difference is that in the case of the first sentence, it would not occur to us that something indecent could happen between these people. In the case of the second sentence, on the contrary, such a possibility becomes more likely” [12, 35].

Lem points out that these two phrases evoke different associations, which relate to the nature of their lexical components, although both phrases describe the same fragment of reality with the same participants. Thus, in the first phrase, Antony took Maria by the hand and led her in the direction of the rustling hazel - these expressions have a stable association with artistic style and create an aesthetic impression, while the expressions Antek, Manya, drag into the bushes in the second phrase, on the contrary, indicate the negative nature of the situation due to their inconsistency with high style.

The beauty of contemporary literature relates to the interpretation of the linguistic form of texts, especially their most recognizable elements, such as rhythm or rhyme. They determine what Roland Barthes called “the pleasure of the text” [13, 462]. Serbian linguist Milosav Čarkić sees “hedonistic information” in various stylistic figures based on the phonetic relationships of words in the text – such as alliteration, assonance, dissonance, echolalia, etc. [14] Since phonemes are not signs, it is clear that their aesthetic value has nothing to do with mimesis.

Thanks to the formation of artistic style, it became possible to apply the aesthetic criterion to any discourse, regardless of its content. We consider any texts and phrases to be beautiful, refined, elegant, or, conversely, unattractive, ugly, deformed, if they comply or do not comply with a certain stylistic canon. Thus, the scope of application of the category of aesthetic value goes beyond verbal art and can concern texts (and discourses) of different types: scientific, journalistic, religious, official-business, everyday, etc.

The formation of an artistic style also significantly changes the aesthetic interpretation of a work: now what is important is the construction of signs that correspond to the aesthetic intention of the author. In this regard, Umberto Eco, defining an artistic text, writes that it presupposes a “stimulating manipulation of expression” [11, 276]. Since behind each construction of signs there is a specific (known or unknown) author, the beauty of a work of art indicates the artist's skill and, in particular, the efforts he has made to ensure that the work corresponds to the aesthetic canon:

Our sense of beauty has evolved to enable us to distinguish between the difficult and the simple, the rare and the common, the expensive and the cheap, the talented and the untalented, and the fit and the unfit [15, 400].

An example is traditional oriental painting, which has a monochrome character: a wide range of forms and compositions are achieved by diluting the ink and through filigree brushwork. One Ming Dynasty author listed twenty-six different ways of painting rocks and twenty-seven ways of representing leaves on trees (Hockney & Gayford, 2019).

This is why, as Jeffrey Miller writes,

Almost any thing can be made aesthetically pleasing: no product that has been made with special care can be counterfeited by a less diligent person. [...] Wanting to emphasize his superiority in the professional sphere, any specialist will call himself an artist of his craft (2000, 400, etc.).

This applies to almost all areas of human activity, from mathematics to the “art of war” – everywhere beauty is associated with intellectual perfection.

On the contrary, the lack of skill, and especially mastery, for example in the case of a speaker who is unable to construct a meaningful linguistic construction, evokes an anti-aesthetic reaction [16, 66]. Although a work of art requires an original form, the author’s artistic mastery is assumed to be formed in accordance with aesthetic norms and rules of language [17, 95].

3. Pragmatic criterion

The syntactic paradigm was eventually replaced by a pragmatic one: in the new model of aesthetic communication, the emphasis was shifted from the artist’s skill to his personality. In a work of art, as Hanna Konicka writes, there is a special kind of pragmatic directive – a reference to the “specific intention” of the author as the first condition for the success of any act of communication [18, 170]. John Searle (1999) writes in this regard that each genre (novel, comedy, poem, etc.) encodes a certain pragmatic intention of the author. The pragmatic criterion of art comes to the fore in the era of postmodernism.

When interpreting a work of art (as artistic) and determining its aesthetic value, the attitude and intention of the recipient also play an important role: aesthetic value is a phenomenon of a partly conventional, partly phenomenal series, when what is considered beautiful is beautiful [19, 108; 20, 162].

The pragmatic criterion in interpreting works of art is especially noticeable in situations where the cultural codes of the sender and the recipient of information differ and what is beautiful for the sender is not beautiful for the recipient [17, 92]. This is particularly observed in the relations between locals and newcomers. Thus, the traveler and photographer Sergei Karpushin describes his stay in the Eastern Sayan Mountains:

The village [...] is very well located for photographic tasks. [...] Morning fogs are a special decoration, forcing me to pay special attention to this moment. Local residents are in a hurry on business, passing by, they are interested in my occupation, ask permission to look through the viewfinder, say: - “Well, what's so beautiful here, fog and sun, we have this here every day” [21].

The evaluative statement *“What is beautiful here?”* is quite typical for different situations of intercultural communication.

The role of the sender’s communicative intention is also important in situations where the genre characteristic of the text is not defined. Stanislav Lem wrote on this subject: “If we are unable to relate a text to a certain subject area or a certain single image, we are dealing with the text of a madman or a poet” [12, 122]. Lem believed that in both cases there is an abuse of language and a certain deconstruction of it, while, however, the poet’s work is interpreted as a product of his intentional action, and it is this pragmatic criterion that is decisive.

This aspect of fiction was noted by the eminent Czech philologist Jan Mukařovský [22]. In his opinion, the main factor in the perception of a text as a holistic sign created to implement an aesthetic function is the intentionality of the author [23, 136]. Mukařovský believed that intentionality in art is equivalent to “semantic energy”, thanks to which the work is interpreted as a sign. This does not contradict the situations that Tomasz writes about Kunz: artistic discourses, in

his opinion, are characterized by deliberate ambiguity, which in extreme cases can border on complete incomprehensibility [24, 186]. However, this does not mean that, like noise in classical information theory, such ambiguity does not play any role - on the contrary, a message that creates the impression of deliberate disorder has a special value: it encourages the recipient to reflect. According to Kunz, noise in a work of art becomes a significant element precisely due to the author's intention (the recipient's awareness of such intention): an artistic sign is not so much a linguistic form as a material representation of the sender's point of view. Kuntz believes that each participant in artistic discourse is guided by the idea of a mandatory "mode of order" (the equivalent of "semantic energy" in Mukařovský) – a general criterion that gives the reader grounds to make efforts to seek some global meaning in every artistic message, regardless of its construction, as the semantic intention of the author.

Conclusion. In conclusion, it should be noted that the criteria of artistic quality (semantic, syntactic and pragmatic) operate differently in the activities of the sender and the receiver. The sender (the creator of the text) usually belongs to a certain artistic group and operates within the framework of a certain convention: classicism, romanticism, realism, modernism or postmodernism. Of course, there are eclectic works, including intentionally eclectic ones, but they are usually marginal.

The recipient finds himself in a different situation. On the one hand, he lives in a certain time and encounters texts and works that belong to the canon or standard of a given era. On the other hand, the recipient inevitably encounters texts and works from earlier eras, and therefore other artistic criteria. There are many such situations: these are required school works, museums, specialized painting exhibitions, retro festivals, folk art festivals, documentaries, etc. This second channel of art perception explains the phenomenon when the recipient rethinks the work considering his own artistic experience in a broader cultural (so-called "vertical") context.

References:

1. Tyupa, V.I. (2008). *Paradigmy khudozhestvennosti* [Paradigms of artistry]. In N.D.Tamarchenko (Ed.), *Poetika: Slovar' aktual'nykh terminov i ponyatiy* [Poetics: A dictionary of current terms and concepts] (pp. 155-158). Moskva: Izdatel'stvo Kul'turnaya revolyutsiya. [in Russian]
2. Solik R. (2019). *Od „miernoty” do arcydziela. Interpretacja a redefiniowanie sztuki*. In W.Jacykowa & R.Solik (Eds.), *(Re)interpretacje: między praktyką twórczą a dyskusem* (pp. 11-23). Katowice. [in Polish]
3. Richards I.A. (2004). *Principles of literary criticism*. London & New York.
4. Morris C. (1971). *Writings on the general theory of signs*. The Hague & Paris.
5. Warnke M. (2011). *Ästhetik des Digitalen*. In H. Gruber, D. Landwehr, & V. Sellier (Eds.), *Kultur digital: Begriffe, Hintergründe, Beispiele* (pp. 145-160). Basel. [in German]
6. Smith A. (2021). *Eseje filozoficzne*. Toruń. [in Polish]
7. Koshelev A.D. (2015). *O referencial'nom podkhode k leksicheskoy polisemii* [On the referential approach to lexical polysemy]. In A.A. Kibrik (Ed.), *Jazyk i mysl': sovremennaja kognitivnaja lingvistika* (pp. 287-349). Moskva. [in Russian]
8. Fankhauser R. (2008). *Visual literacy and science education: Results of a qualitative research project*. Forum Qualitative Sozialforschung, 10(1). <https://doi.org/10.17169/fqs-10.1.1183>
9. Frazer J.G. (1911). *The golden bough. Part 2: Taboo and the perils of the soul*. London.
10. Allan K. (1986). *Linguistic meaning*. London.
11. Eco U. (2009). *Teoria semiotyki*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego. [in Polish]
12. Lem S. (2010). *Filozofia przypadku. Literatura w świetle empirii*. Warszawa. [in Polish]
13. Bart R. (1989). *Izbrannye trudy. Semiotika, poetika* [Selected works. Semiotics, poetics]. Moskva. [in Russian]
14. Jarkic M. (2013). *Stih i jezik* [Poetry and language]. Belgrad. [in Russian/Serbian]

15. Miller D. (2000). *Soblaznitel'nyj razum: kak vybor polovykh partnerov povljal na evoljuciju chelovecheskoj prirody* [The seductive mind: How sexual mate choice shaped the evolution of human nature]. Moskva. [in Russian]
16. Piekarska J. (2014). *Komizm mimowolny w komunikacji dzieci z niepełnosprawnością intelektualną. Językoznawstwo: współczesne badania, problemy i analizy językoznawcze*, 8, 63-73. [in Polish]
17. Fieguth R. (1983). *O poetyckim znaczeniu nieznanego. Wiersz Norwida "Dwa guziki (z tyłu)". Studia Norwidiana*, 1, 89-103. [in Polish]
18. Konicka H. (2008). *Przeżycie literackie w dobie kultury medialnej. Kognitywistyczne przesłanki komunikacji. Teksty Drugie*, 3, 166-173. [in Polish]
19. Potocka M.A. (2007). *Estetyka kontra sztuka. Kompromitacja założeń estetycznych w konfrontacji ze sztuką nowoczesną*. Warszawa. [in Polish]
20. Kajtoch W. (2015). *Szkice polonistyczno-rusycystyczne*. Olsztyn. [in Polish]
21. Karpukhin S. (2024). LiveJournal post. Retrieved from <https://karpukhins.livejournal.com/84059.html> [in Russian]
22. Mukarovskiy J. (1966). *Studie z estetiky*. Prague. [in Polish]
23. Lotman Yu.M. (1970). *Struktura khudozhestvennogo teksta* [The structure of the fiction text]. Moskva. [in Russian]
24. Kunz T. (2019). *Więcej niż słowa. Literatura jako forma istnienia*. Kraków. [in Polish]

XFTAP 16.21.61

10.51889/2959-5657.2025.92.3.005

Пашан Д.М.¹ , Жұманқызы А.² , *Батырбекова К.А.³
^{1,2}Ахмет Байтұрсынұлы атындағы Тіл білімі институты
Алматы, Қазақстан
³М.Әуезов атындағы Оңтүстік Қазақстан университеті
Шымкент, Қазақстан
e-mail: pashan_dan@mail.ru
e-mail: altyn.zhumanova02@mail.ru
*e-mail: kamshat.batyrbek@mail.ru

ҚАЗАҚ ЕСІМДЕРІНІҢ ТАРИХИ ЖӘНЕ ЗАМАНАУИ ҚОЛДАНЫСЫ: ӘЛЕУМЕТТІК-МӘДЕНИ ФАКТОРЛАР ЖӘНЕ СТАТИСТИКАЛЫҚ ӨЗГЕРІСТЕР

Аңдатта

Кез-келген тілдегі белгілі бір лексикалық категорияны сипаттайтын жалқы есімдердің барлық түрін ғылыми зерттеу қазіргі таңда жалпыға бірдей танылды. Әлемдік тіл білімінің заманауи даму кезеңі ономастикалық ізденістердің жедел өсуімен сипатталады. Себебі ономастика бойынша зерттеулер археология, әлеуметтану, тарихи география сияқты ғылымдардың сұрақтарына жауап береді. Соңғы жылдары антропонимлер лингвистикалық нысан ретінде лингвист мамандардың назарын көп аударуда. Соңдықтан қазактардың антропонимиясына үçілу ұлттық әлеуметтік-лингвистикалық ортасың бір саласын зерттеумен параллар. Зерттеу жұмысының негізгі мақсаты қазактардың заманауи антропонимикалық жүйесінің күйі жауап бере алғын сұрақтар тізбегіне жауап іздеу қажеттілігінен туады. Қазақ есімдерінің тарихи-лингвистикалық, статистикалық, әлеуметтік түрде талдануының міндеттері келесідей нақтыланады: қолда бар антропонимикалық материалды жинау, өндөу; заманауи қазақ есімдерінің қалыптасуының тарихын, ерекшеліктерін көрсету, антропонимикалық жүйенің соңғы бес жылдықтағы даму

динамикасын қарастыру. Зерттеу жұмысының тақырыбын ашу кезінде тіл білімінің жалпы методологиялық принциптері, белгілі ономасттардың теориялық еңбектері негіз болды. Авторлар зерттеу барысында ономастикалық ғылымның қолданатын барлық дерлік әдістеріне жүгінді. Соның ішінде, бақылау, сипаттау, құрылымдық-этимологиялық тарихи-салыстыру талдау әдістері қолданылды. Жұмыстың маңыздылығы оның түркі ономастикасының дамуына қосатын үлесімен сипатталады. Нәтижелер қазақ антропонимикасына қосымша мәліметтер енгізу септігін тигізеді. Статистикалық мәліметтер үлттық білім мен үлттық тілдің қалыптасу үдерістері жөнінде лингвисттар мен әлеуметтанушыларға қорытынды жасауға жақсы. Сонымен қатар, окулықтар, сөздіктер, оқу әдістемелерін жасаған кезде де мақаладағы нәтижелерді қолданса болады.

Түйін сөздер: ономастика, әлеуметтік-мәдени фактор, статистика, антропонимика, лексикалық категория, түркі ономастикасы, әлеуметтік лингвистика

Алғыс: Бұл зерттеу КР ФЖБМ FK-нің қаржыландыруымен ЖТН BR20280984 «Қазақ тілінің жаңғыру алеуеті: жаңартпалар <лат. innovation>, үрдістер мен үдерістер» атты іргелі ғылыми зерттеу аясында әзірленді.

Пашан Д.М.¹ , Жуманқызы А.² , *Батыrbекова К.А.³

^{1,2}Институт языкоznания имени Ахмета Байтурсынова

Алматы, Казахстан

³Южно-Казахстанский университет им. Ауэзова

Шымкент, Казахстан

e-mail: pashan_dan@mail.ru

e-mail: altyn.zhumanova02@mail.ru

*e-mail: kamshat.batyrbek@mail.ru

ИСТОРИЧЕСКОЕ И СОВРЕМЕННОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КАЗАХСКИХ ИМЕН: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ И СТАТИСТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ

Аннотация

Научное изучение всех видов имен собственных, характеризующих определенную лексическую категорию в любом языке, в настоящее время общепризнано. Современный этап развития мирового языкоznания характеризуется ускоренным ростом ономастических поисков. Это связано с тем, что исследования ономастики отвечают на вопросы таких наук, как археология, социология, историческая география. В последние годы антропонимы как лингвистическая форма все больше привлекают внимание лингвистов-специалистов. Поэтому погружение в антропонимию казахов является парапаром изучения одной из областей национальной социолингвистической среды. Основная цель исследовательской работы состоит в том, чтобы состояние современной антропонимической системы казахов исходило из необходимости поиска ответов на ряд вопросов, на которые они могли бы ответить. Задачи тарийско-лингвистического, статистического, социального анализа казахских имен уточняются следующим образом: сбор, обработка имеющегося антропонимического материала; отражение истории, особенностей формирования современных казахских имен, рассмотрение динамики развития антропонимической системы за последние пять лет. В раскрытии темы исследовательской работы были заложены общие методологические принципы языкоznания, теоретические труды известных ономастов. Авторы обратились почти ко всем методам, которые ономастическая наука использует в своем исследовании. В том числе применялись методы наблюдательного, описательного, структурно-этимологического историко-сравнительного анализа. Важность работы характеризуется ее вкладом в развитие тюркской ономастики. Результаты будут

способствовать внедрению дополнительных данных в казахскую антропонимику. Статистические данные хороши для того, чтобы сделать выводы лингвистам и социологам о процессах формирования национального образования и национального языка. Кроме того, при создании учебников, словарей, методик обучения можно использовать результаты, содержащиеся в статье.

Ключевые слова: ономастика, социокультурный фактор, статистика, антропонимика, лексическая категория, тюркская ономастика, социолингвистика

Pashan D.M.¹ , Zhumankazy A.² , *Batyrbekova K.A.³

^{1,2}Akhmet Baitursynov Institute of Linguistics

Almaty, Kazakhstan

³Auezov South Kazakhstan University

Shymkent, Kazakhstan

e-mail: pashan_dan@mail.ru

e-mail: altyn.zhumanova02@mail.ru

*e-mail: kamshat.batyrbek@mail.ru

HISTORICAL AND MODERN USE OF KAZAKH NAMES: SOCIO-CULTURAL FACTORS AND STATISTICAL CHANGES

Abstract

The scientific study of all kinds of proper names that characterize a particular lexical category in any language is now universally recognized. The modern stage of development of World linguistics is characterized by the rapid growth of onomastic searches. This is because research on onomastics answers questions from sciences such as archeology, sociology, historical geography. In recent years, anthroponyms as a linguistic object have been attracting more and more attention of linguists. Therefore, looking at the anthroponymy of Kazakhs is a parapar with the study of one of the areas of the national socio-linguistic environment. The main goal of the research work is the need to find answers to a series of questions that the state of the modern anthroponymic system of Kazakhs can answer. The tasks of tarii-linguistic, statistical, social analysis of Kazakh names are as follows: collection, processing of available anthroponymic material; reflection of the history, features of the formation of modern Kazakh names, consideration of the dynamics of the development of the anthroponymic system over the past five years. When revealing the topic of the research work, the general methodological principles of linguistics, the theoretical works of well-known onomasts were taken as the basis. In the course of the study, the authors turned to almost all the methods used by onomastic science. In particular, methods of observation, description, structural and etymological historical and comparative analysis were used. The significance of the work is characterized by its contribution to the development of Turkic onomastics. The results will contribute to the introduction of additional information into Kazakh anthroponymy. Statistical data are good for linguists and sociologists to draw conclusions about the processes of National Education and formation of the national language. In addition, when creating textbooks, dictionaries, and teaching methods, you can use the results of the article.

Keywords: onomastics, socio-cultural factor, statistics, anthroponymics, lexical category, Turkic onomastics, sociolinguistics

Кіріспе. Қазақ халқы шыр етіп дүние есігін ашқан сәбиге арналып жасалатын әдет-ғұрып, міндеттерді бұлжытпай, мұқият орындауға тырысқан. Сондай ғұрыптардың бірі – сәбиге есім қою. Қазақ халқының даласында есім баланың болашағына әсер етеді деген көзқарас бар. Сондықтан, сәбиге ат таңдау кезінде ертеден бері есімнің шығу тарихына, мән-мағынасына аса назар аударады. Қазақ лингвистерінің де лингвистиканың ішінде жалқы есімдерді зерттейтін ономастика саласына көп көңіл болетіндері осыдан.

Ономастика кез-келген жанды немес жансыз заттардың не құбылыстардың есімін зерттейді. Грек тілінде «ономастика» – «ат қою өнері», яғни атауларды зерттейтін ғылым саласы деп аударылады. Ономастиканың құрделі саласы – антропонимика. Антропонимика кісі аттары, әке аттары, адамның тегі, дақап аттарды зерттейді. Қазақ мәдениетіндегі антропонимика ғылымының заманауи кісі есімдеріне қатысты дамуы, кеңеуі жұмыстың өзектілігін айқындайды. Қазақ ономастикасы жөнінде бөлек зерттеулер XX ғасырдың 60-70 жылдары пайда бола бастады. Т.Ж. Жанұзақов, О.А. Султанъяев, К.Есбаева, Е.А. Керимбаев еңбектерінде қазақ антропонимикасы лексика-семантикалық сипат бойынша жіктеліп, тарихи, этномәдени шығу тарихтары зерттелген [1].

Алайда, қазіргі таңда жинақталған ақпараттарды, тарихи мәліметтерді, еңбектерді жалпылайтын, жүйелейтін XIX ғасырдағы қазақ есімдерінің даму динамикасын көрсететін жұмыстар жоқтың қасы.

Қазақ есімдері XX ғасырдың 20-жылдары мен XXI ғасырға дейін көптеген ауысуларға тап болды. Жаһандану үдерістері мен халықтардың интеграциясы қазақтардың антропонимиясының тіларалық қеңістікте өз колоритті ерекшеліктерін сақтай отыра бейімделуге тырысқанын көрсетеді. Қазіргі заманауи қазақ есімдерінің сан жағынан мол болуы ғана емес, құрамы мен құрылыш жағынан да сан алуан болуы көп кездеседі. 1968 жылдан өзінде ономаст ғалым Т. Жанұзақов “Қандай есімді ұнатасты?” енбегінде қазақ есімдерінің көптүрлілігін ашып көрсеткен [2].

Әр халықтың тіл білімінде антропонимия ғылыми жан-жақсы зерттелген. Мысалы, Э.А. Бегматовтың “Өзбек есімдері, Г.Ф. Саттаровтың “Татар есімдері, Ю.М. Гусеваның “РСФСР халықтарының есімдері, О. Мирзаевтың “Әзіrbайжан есімдері, Ортиков Р. мен Калонтаев Я.-ның “Тәжік есімдерінің емлесі” атты еңбектері түркі халықтарының антропонимикасын тереңнен зерттеуге үлестерін тигізеді [3]. Зерттеу жұмысының міндеттері:

- антропонимикалық материалды жинау, өндөу, жүйелеу;
- антропонимикалық жүйенің құрылу мен қалыптасу ерекшеліктерінің тарихын көрсету;
- соңғы жылдардағы қазақ есімдерінің өзгеріс динамикасын көрсету;
- заманауи есімдердің қалыптасуына әсер еткен әлеуметтік-мәдени факторларды жүйелеу.

Әдістер мен материалдар. Зерттеу жұмысының тақырыбын ашу кезінде тіл білімінің жалпы методологиялық принциптері ескеріліп, Басқаков Н.А., Зинина С.И., Никонова В.А., Подольский Н.В., Саттарова Г.Ф., Жанұзақов Т., Мұсаев К.М. ғалымдарының теориялық тұжырымдамалары негіз болды. Бодуэн де Куртен И.А. “тілде барлығы қозғалады, бәрі ауысады”, “жалқы есімдерді әртүрлі дәуірлерге ажыратса алу керек” деген пікіріне сүйене отырып жұмыстың міндеттері халық тарихы мен динамикасының жақын байланысы түрінде қарастырылды. Мақаладағы зерттеу адам есімдерінің белгілі бір дәуірге жататынын зерттеу ономастикалық материалдың инвентаризация әдісін қолдануды қажет етті. Тарихисалыстырмалық, статистикалық талдау секілді әдістер заманауи қазақ есімдеріне талдау жасауда көмектесті.

Ұлт болмысының көрінісі іспеттес антропонимиканың пайда болу, қалыптасу, даму кезеңдері өте құрделі үдеріс. Мұндай кезеңдерден қазақ есімдері де өткені айдан анық. Себебі жалпытүркі халықтары үлкен толқулардан, тарихи жағдаяттардан, саяси-экономикалық тербелістердің бастан өткерген этностың бірі. Түркі халықтарының антропонимикасы көне дәуірден бері қарай бірнеше кезеңдерге бөлінеді. Қазақ антропонимикасы Т. Жанұзақовтың енбегі бойынша 5 дәуірді қамтиды [3]:

- I дәуір – көне түркі заманы;
- II дәуір – орта ғасырлар;
- III дәуір – 17-19 ғасыр аралығы;
- IV дәуір – Қазақ революциясынан кейінгі Кеңес үкіметінің заманы.

Ұ.А. Мұсабекова аталған төрт кезеңге бесінші кезең XX ғасырдың 90-жылдарынан бергі тәуелсіздік уақытын қосады. Бұл жіктелу логикалық көзқарас бойынша дұрыс саналады. Түркітанушы ғалымдарының жіктелуіне назар салсақ, олар тайпа атауларымен байланыстырады. Н.А. Басқаков түркі тілдері антропонимикасын былайша ажыратады [5]:

- алтай дәүірі;
- ғұн дәүірі;
- көне түркі дәүірі;
- орта түркі;
- жаңа түркі;
- ең жаңа дәүір.

Алтай дәүіріндегі есімдерге Еділ, Томирис, Шу батыр, Алып Ер Тұңға, Мөде сияқты есімдер тән. Көне түркі дәүіріне Бумын, Білге, Тонықөк, Құлтегін сияқты сол кезеңдегі батырлардың, хандардың есімдерін жатқызамыз. Ы.Ү. Тұранов жұмысында [5] орта түркі дәүірін исламдық өркениет кезеңі, орда дәүірі деп қарастырған. Исламдық өркениет кезеңі, яғни орта түркі дәүірінде тіліміз араб және парсы мәдениетінен енген сөздермен байытылған. Сондықтан, Мәдина, Фатима, Гаухар, Дүрия, Шерәлі, Ахмет, Жүсіп, Isa, Мұхаммед, Мұстафа, Ибраһим, Зиба, Рахметолла, Нығметолла сияқты есімдер жатады. Орда дәүірі деп Шыңғысхан империясының билік еткен кезеңі мен қазақ халқының толысу дәүірінің аралығын жатқызамыз. Шона, Ойрат, Сайын, Баян, Нојан, Сардар есімдері осы кезден бастау алады. 15-19 ғасырларды қамтитын аралықта Жәнібек, Әйгерім, Абылай, Ақтамберді, Тәуекел, Қазыбек, Қобыланды, Қасым, Жомарт, Махамбет, Ақан, Төле, Тоғжан есімдері жатады.

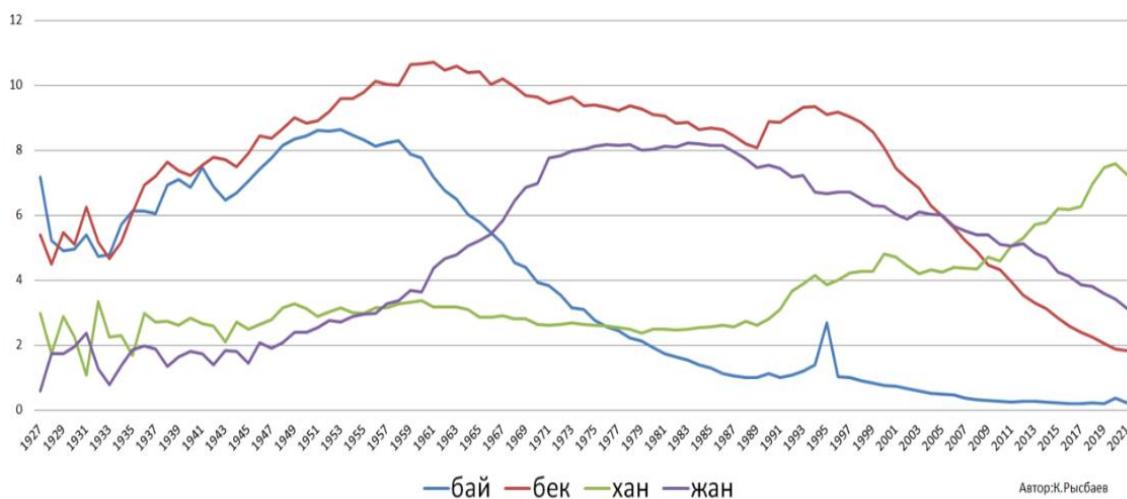
Интеллектуалдық ояну орын алған кезеңде 20-ғасырдың басында ұлттық сауаттанумен қатар ұлттың отарлануы да қатар жүріп жатқан еді. Бұл кезеңде Болыс, Мәриям, Мәрия, Роза, Советбек сыңды есімдер кенге жайылды. Тәуелсіздік кезеңінде мемлекетіміз басқа елдермен мәдени, сауда байланыстарын орнатты. Соның арқасында өркениет те, менталитет те дамыды. Қазақ халқы балаларына бұрынғы тарихи тұлғалардың есімдерімен қатар, Еуропадан келген есімдерді қоя бастаған еді. Мысалы, Әнел, Элеанор, Атилла, Алпамыс, Жанна және т.б.

Қазақ тіл біліміндегі есімдер байырғы қазақи мәдени-тарихи өмірдің бейнесін айқын көрсетеді. Антропонимдерге 1-кестедегідей жіктелу тән. Балаларға ат қою кезінде әдет-ғұрыппен қатар ырым тыйымдар да қатар жүрген. Мысалы, тіл-көз тимесін, жын-шайтаннан сақтау наным-сенімімен балаларға Құшікбай, Жаманбала, Көтібар, Ақбұт сияқты шорақтау естілетін есімдер берген.

Кесте 1. Қазақ есімдерінің лексика-семантикалық топтарға жіктелуі

Мал шаруашылығымен байланысты есімдер:	Бота, Әұқса, Аққозы., Құлышак, Жылқыбай, Қозы т.б.
Табиғат құбылсызымен байланысты есімдер:	Таубай, Боран, Толғанай, Айым т.б.
Аңдар мен үй хайуанаттары және құстармен байланысты есімдер:	Арыстан, Тұлқібай, Лашын т.б.
Асыл металдар мен қымбат заттар атауларына байланысты есімдер:	Алтын, Болат, Маржан т.б.
Өсімдік аттарына байланысты:	Қызылдақ, Райхан, Раушан, Гүлжан т.б.
Жеміс-жидек атауларымен байланысты:	Алма, Мейіз, Анар, Жаңғақ т.б.
Тұстық атаулармен байланысты:	Атабек, Баба, Туганбай, Жиенбай т.б.
Жер-су аттарына қойылған есімдер:	Алатау, Еділ, Орал, Алтай т.б.
Түрлі тағам аттарына байланысты есімдер:	Айранбай, Шырынбай, Шекер, Сұттібай т.б.
Үй-жиназдарымен, мұліктерге байланысты:	Шара, Табақбай, Айнагұл т.б.

Қазақтардың есімдерінің тағы бір тобы баланы жақсылыққа жетелеу мақсатында арман, тілек, мақсаттармен байланыстырылады. Бұл есімдердің тобы барлық дәүірлерде кездеседі. Мысалы, Батыр, Арыстан, Әсем, Көркем, Бақыт, Дәulet, Ботагөз, Мыңжасар, Ақыл және т.с.с. Ал есімдердің соңына “бек, хан, би, бегім, хан, сұлтан, бай, төре” компоненттерін қосу орта ғасырлар тарихының оқиғаларынан кейін көп орын алып, Кеңес үкіметі кезінде бәсендеп қалды (сурет 1). Ал қазіргі таңда бұл компоненттер қайта сәнгे айналған.

Сурет 1. 1927-2021 жылдары аралығындағы ер адамдардың арасында таралған жалғаулар

Нәтижелер және талқылау. Антропонимиканы халықтың тарихын зерттеусіз, ұлттық өзіндік танымның спецификалық ерекшеліктерін білмей, этностиң пайда болуының әлеуметтік, геополитикалық шартын түсінбей зерттеу мүмкін емес. Соңғы жылдардағы анықтаушы фактор ретінде төмендегі төрт түсінік қызмет етеді.

Бірінші фактор, қазақ тілінің түркі тілдер тобына жататындығы. Бірақ, түркішілдік қазақтардың өзіндік танымында абстракты ұғым болып саналады. Екінші фактор, ислам діні. Үшінші фактор көшпенделік өмір салты. Бұл қазақ халқының санасында эмоционалды және терең психологиялық орын қалдырыды. Ол өзіндік ерекше батысқа да, шығысқа да жатпайтын, орталық-европалық феномен іспеттес. Төртінші элемент – халықтың жермен байланысы. Аталған факторлардың әсерінен қазіргі таңда ұлттық тіл өзіндік лейбл түрінде нәтиже көрсетеді.

Антропонимикалық жүйенің қалыптасуына материалды және рухани мәдениет те өз әсерін тинізді. Мәдениет – қоғамның материалды, рухани дамуының жетістіктерінің жиынтығы, адам мен табиғаттың әрекеттесуінің нәтижесі. Табиғат адамға мәдениетті құруға қажетті материалдың қорын береді. Сондықтан, қазақ есімдері белгілі бір кезеңдегі оқиғамен, мәдениетпен байланысты.

Қазақтардың материалды мәдениеті тамырын өте тереңге жаяды. Қазақстандағы адамдардың алғашқы іздері ерте палеолит дәүіріне жататыны белгілі. Оған дәлел Тараз қаласының маңынан табылған Тәңірқазан, Бөріқазан тұрақтары. 6 ғасырдың алғашқы жартысында тайпалар қалыптаса бастады. Түрік қағанаты-Батыс-түркі қағанаты- Қарлұқ қағанаты- Оғыз мемлекеті- Қимақтар мен қыпшақтардың мемлекеті-Қараханидтер мемлекеті- біздің уақыт заманауи қазақ тілінің антропонимикалық жүйесінің қалыптасуы мен дамуының негізгі кезеңдері. Қазақ халқының қалыптасуының курделі кезеңі XV ғасыр мен XXI ғасыр базы. XV ғасырдағы қазақ халқының қалыптасуы Қазақ мемлекетінің бой түзеген уақыты. Аталған тарихи кезеңдерде пайда болған апеллятивтер антпроноимдерге өтту. Белгілі бір материалдық мәдениетті сипаттайтын антропонимикалық атауларды арнайы семантикалық ұяшықтарға бөлгенбіз:

Мысалы “Тұрмыс, тұрмысқа қажетті құралдар” семантикалық ұяшығы: Орақ-Орақ(бай), Табақ- Табақ(бай). “Мал шаруашылығы”тақырыбы: Мал- Малбай, бек, Қой- Қой(лы)(бай); Отырықшылық семантикалық ұяшығы: Бидай- Бидай(гүл), (Ақ) Бидай, Сабан – Сабан(бай), “Балық аулау, аңшылық”: Балық – Балық(бай),(бек); “Киім аттары”: Байпақ-Байпақ(бай), Қалпақ- (Ақ)Қалпақ.

Түркі халықтарының рухани мәдениеті туралы айтқан кезде, көне түріктердің өміріндегі пұтқа табынушылықты айта кету керек. Әлемнің барлық халықтары секілді ерте түркілер қоғамдық дамудың бастапқы сатысында пұтқа табынды. Ең ұлсы аспан құдайы – Тенгри болды. Бұл жөнінде Орхондық ескерткіштер – пратографтар бар. Ислам дінінің таралуы қазактардың рухани өміріне айтарлықтай әсер етті. Түріктердің орта ғасырлардағы антропонимиконында араб лексикасының компоненттері көп кездеседі.

Қазақтардың рухани мәдениеті моральдық, өнер, ұнамшылдық ұғымдарымен тығыз байланысты. Көшпелі түркітердің ғасырлар бойы жеке моралдық кодекстері қалыптасып, негізгі ұғымдары ақсақалдардан жас үрпаққа беріліп отырды. Бұл ұғымдарға ауызекі халық шығармашылығы дәлел. Олардың барлығы заманауи қазақтардың антропонимиконында көрсетілген. Мысал ретінде келесі семантикалық ұяшықты қарастырайық:

“Пұтқа табынуға байланысты”: Тенгри (Танир)- Тәнір(бай), (берген), “Исламға байланысты”: Алла(х)- (Габд)олла, Алла(берген), Мұхаммед- (Әл)мағамбет, Маханбет, (Аль)Мұхан, Махан (бай). Мораль, ұнамшылдық семантикалық ұяшығы: Әділет-Әділ(бек), Азат- Азат (бай). “Отбасы, ру, тайпа, халық” семантикалық ұяшығы: Ата- Ата(бек), Аға- Аға(бек). Өнерге байланысты. Өнер(бек), Сымбат(гүл).

Мұсаев К.М. заманауи қазақ есімдерін зерттеу үшін түркі антропонимдерінің бірыңғай жіктелуін қарастырған дұрыс деген пікір айтқан еді [6]. Бұл уақытта әртүрлі принциптер пайдаланылуы мүмкін. Соның бірі- пласттар бойынша жіктеу:

- бастапқы түркі пласт;
- кірме пласт (қазақтардың мәдени, рухани, әлеуметтік, экономикалық байланыстарын көрсетеді).

XIX ғасырдың қазақ есімдерін келесі этнолингвистикалық пласттарғы бөлу ұсынылады: 1. Жалпыалтай пласты; 2. Түркі пласты; 2. Қытай, Монғол, Араб, Славян, Парсы елдерінен енген кірме пласт; 4. Гибридтер; 5. Жаңа қазақша пласт.

I. Жалпыалтай пласты. Қазақ есімдерінің арасында Саттаров Г.Ф. зерттеуі бойынша алтай дәүіріне жататын есімдер жиі кездеседі [7]. Мысалы, Алтын, Алтынай,Алтынбай, Алтыншаш, Алтынбек. Мұндағы алтын сөзі тұңғұс-маньчжур тілдеріндегі алтан, бурят тіліндегі алта(н), монғол тіліндегі алтн сөздеріне ұқсас,әрі мағыналары бір. Қазақ тілінде бай, монғол тілінде баян, бурят тілінде баян, тұңғұс-маньчжур тілдерінде баж сөздері де ұқсас. Осыған қатысты есімдер: Байбек,Байболат, Байбөрі, Байтемір, Байбарыс, Байсұлу.

II. Түрік пласты:

- *көнетүркі пласты*. XX ғасырдан бері қазақ антропонимиконында көнетүркі есімдер бөлек пластты құрайды. Ертеде қазақтар, көптеген тарихшылардың дәлелдеуі бойынша, ислам дініне қарағанда пұтқа табынушылықты көбірек қолдаған. Сондықтан, көбіне сол наным-сенімдерге сай келетін есімдер көпtek кездеседі. В.А. Гордлевский көнетүркі пластының мұсылманға дейінгі деп атап, оның өзінің бірнеше семантикалық антропонимдердің тобын құрайтынын атап өткен [8].

Қазақтардың пұтқа табынушылығымен байланысты қазақ есімдері апеллятивті лексика негізінде жасалады. Ең көне қабатты табиғат құбылыстары, көне құдайлардың аттары құрайды. Мысалы: 1) “ай” түбірімен Айтуған,Айсұлу; 2) Құн түбірімен: Құнсұлу, Құнай және т.б.

Егер әйел есімдері қымбат бағалы тастармен, діни сенімдермен байланыстырылса, көнетүркі ер адамдардың есімдері көбіне жануарлар әлемімен байланысты: 1) “қасқыр” түбірімен: Бөрі, Бөрібай, Байбөрі; 2) “Барыс” түбірімен: Барысбек, Барыс және т.б.

Жанұзақов Т.Д. Бөрі, Бөрібай, Қасқырбай, Бөлтірік сияқты есімдердің болуын өртеде қазактар қасқырды өздерінің меценаты санаған [4]. Сонымен қатар, зерттелетін пластқа мынадай есімдерді жатқызуға болады: 1) Алпамыс (алп – батыр + мыс – мамыш “батыр”), Еркін (ерк < erk “күш”, “білік” + ін< an “сана”), Арыстан (ар “каштан”, арсіл+ ан “аң”); 2) Ораз (orus//rus “бақыт”), Құттыбай (құтты “бақыт, бақыты”+бай) және т.б.

Сонымен, көнетүркі қазақ есімдерін талдау кезінде олардың өртеде қоршаған ортанды көне діни наным-сенімдермен (тотемизм, анимизм және т.б.) қабылдағанын көрсетеді.

- қазақтардың жеке пласти

Қазақтардың жеке пластина жататын есімдер тобының шеңбері өте кең. Оларды мынадай екі негізгі топқа жіктеуге болады: 1) адамның материалды немесе рухани өмірі туралы ақпарат беретін есімдер: Балтабай, Ақмоншақ, Дауылбай; 2) адамның жеке тұлғасы туралы ақпарат беретін есімдер: Жайдарбек, Артықбай, Куандық және т.б. Бізben зерттелген есімдердің келесі тобы түркі тілдердің көбінде кездесетін, жалпы сөзден туындаған есімдер: Жиенбай, Елікбай, Қаламқас және т.б.

III. Кірме пласт.

- қытай пласти. Қытай тілінен енген қазақтардың есімдері бөлек сақталмаған. Оларды қазақ фамилияларында көбірек кездестіруге болады: Жамбыл- “ямынъ”- сот, иеленетін орын, Бақсыбай- бақсы+бай- қытай тілінде бақсы – мұғалім, тәлімгер және т.б.

- моңгол пласти. Араб-иран пластымен салыстырғандай моңгол пласти кең диапазонда тараплаған. Кеңесбаева С.К., Сарыбаева Ш.Ш зерттеулерінде моңгол-қазақ тілдерін зерттей отыра монголизмнің кіруі олармен көршилес болуымен қатар, моңғолдардың баса-көктеп кіруімен тығыз байланыстырылады. Бұндай антропонимикондарға: Бөкенбай – “бокун”, Жайсан- “зайсан”- “білеуші, басқарушы”, Жирен – “церен” - “ұзақ өмір”.

- иран (парсы) пласти. Түркі халықтарының тілдеріндегі иранизм Орта Азия мен Қазақстанды қамтып, арабизмге қарағанда ертерек енді. Ол соғды, тохар тайпаларымен түркі тайпаларының арасында қатынаспен түсіндіріледі. Құрамы бойынша парсы пласти біртекті пластты құрамайды. Парсы сөздерінің бірқатары көптеген қазақ есімдерінің пайда болуының компоненті: жан, гүл, болат және т.б. Мысалы: Гүлзапира, Жания, Тасболат және т.б. Қазақтардың есімдерінің арасында парсы күнтізбесінің атауларымен байланысты: Адина, Дүйсен, Жексенбай сияқты есімдер көп кездеседі. Көптеген парсы атаулары қазақ тілінде деэтимологияға ұшырап, экзотикалық болып естілмейді. Бұл туралы А. Гафуров “Шәкен деген қазақ есімінің парс-тәжіктердің Шахимардан деген атауының өзгерісінің нәтижесі екенін қайдан білуге болады” деп жазған [9].

- араб пласти. Араб антропонимиясы қазақтардың есімдерінің қалыптасуында үлкен рөл ойнайды. Араб кірме атаулары тек сыртқы факторларға ғана емес, әлеуметтік-экономикалық, мәдени, этникалық, тілдік үдерістерге қатты әсер етті. В.А. Гордлевский “мұсылмандардың есімдерінің шеңбері тар. Олар көбіне Пайғамбарлардың, сахабалардың аттарын таңдайды: Мұхаммед, Ахмед, Мұстафа, Омар және т.б. Пайғамбарлардың есімдері Мұхаммедтің сұннетік амалы ретінде орындалады”. Арабтардан енген есімдерін екі үлкен топқа жікtesе болады: мұсылман дінімен тікелей байланысты: Рахым, Хафиз, Рахман және т.б.; тұрмыстық ауызекі лексикадан пайда болған есімдер: Ақлима (ақыл), Жамиля (әдемі), Манағ (маяк) және т.б. Мұсылман дінімен тығыз байланысты есімдерді өз кезегінде 1) “ислам” компонентімен: Ислам, Исламхан, Исламбек және т.б. 2) “дин” – “дін, сенім” компонентімен Гайнетдин, Низаметдин және т.б. 3) “Алла, улла, олла” – “жалғыз” компоненттерімен: Набиулла, Ниетулла, Абдолла, Хамидолла және т.б. 4) “абд” – “құл, Аллахтың құлы” компонентімен: Әбдуали, Әбдікәрім және т.б. [10].

- славян және батыс еуропалық пласт. Орыс тілінен сөздердің енуі 18 ғасырдан басталып, 20 ғасырдың 20-жылдарында ауызекі тілмен қатар, іскерлік хаттармен байланысты. Орысша есімдердің кең таралуы 1940 жылдың 10 қарашасында орыс графикасы негізінде әліпбидің ену уақытымен парапар [11]. Сол жылдары отау құрған аралас ұлт

Әкілдері орыс тілінен енген есімдердің көптеп қоя бастады. Кірме аттардың арасында ағылшын, француз, неміс, испан, итальян, грек тілдері де кездесті: 1) Латын, грек тілдеріне жататын орысша есімдер: Марина, Елена, Маргарита және т.б. 2) Батысевропалық есімдер: Жанна, Эльвира, Марат және т.б. 3) Революциялық оқиғалардың көрсететін атаулар: Клара, Суньяцин, Октябріна және т.б. 4) Ақын, суретші, жазушылардың есімдері: Архимед, Мопассан, Гагарин және т.б. 5) Әдебиет кейіпкерлерінің аттары: Спартак, Изольда, Лаура және т.б. 6) Қала, өзен, тау аттарынан пайда болған есімдер: Марсель, Крым және т.б. 7) Орыс тілінің жалпы есімдерінен пайда болған аттар: Мина, Майор, Совхозбек, Завод және т.б. 8) Қысқартылған сөздерден немесе бірнеше сөздердің тіркесуінен: Ринат, Марлен, Мэлс және т.б.

III. Гибридтер. Монгол, орыс, араб, парсы пласттарының қазақ даласына еркін енуінің арқасында ерлер мен эйелдердің гибридті есімдерінің бірқатары пайда болды: 1) түркі-қазақ компоненті+ араб компоненті: Айғали, Аймағамбет және т.б. 2) араб компоненті+түркі-қазақ компоненті: Ақылбек, Аманбай және т.б. 3) түркі-қазақ компоненті+ парсы компоненті: Айдос, Айзат және т.б. 4) парсы компоненті+ түркі-қазақ компоненті: Анарбек, Базарбай және т.б. 5) араб компоненті+ парсы компоненті: Әлішер, Бақытжан және т.б. 6) парсы компоненті+ араб компоненті: Бабақожа, Жанахмет және т.б.

IV. Жаңа қазақи пласт. Әлеуметтік-саяси, экономикалық, ғылыми-техникалық, мәдени өмірдегі өзгерістер қазақ халықының ана тілінің лексика қабаттарының, сөздік қорының дамуына айтарлықтай әсер етті.

Антрапонимикалық қор жаңа есімдермен, семантикалық құрылымы бойынша ыңғайлы есімдермен толықтырылды: Әдемі, Әдемай, Әсем және т.б. Нақты көрсетілген материалдар бойынша, есімдердегі ауысулардан қаша алмайтыныз мәлім. Үрпақтардың ауысуы, заман талабына сай болатын әртүрлі өзгерістер халықтың есімдеріне әсерін тигізеді [12].

Әр ұлттың этносы лексика сияқты ұлттың менталды мәдениетімен байланысты. Антрапонимдердің құрамы ұлттық-мәдени спецификаға ие. Ұлттық антрапонимика өзінің бай құрамы мен ерекше есімдерге ие [13]. Оларды ғылымда “иллокутивті” деп атайды. Құрылымы бойынша, олар:

- 1) императив-етістік: Қуан, Жалғас, Жайна және т.б.
- 2) екінші құрамы императив-етістік композиттен: Байбол, Мықбас және т.б.

Сонымен қатар, тілек-есім саналатын есімдердің қызық әрі ерекше категориясы да бар. Мысалы, Ербол (Ер+бол), Қызтумас (Қыз+тумас). Тіпті қызы балаға келесі бала-ұл болсын деген ниетпен: Ұлболсын, Ұлбала, Ұлжалғас, Ұлбебек, Ұлжан деп қояды. Ал ұл балаға қызы туылсын деген ниетпен қойылатын есім аз. Сирек кездесетін есім: Қыздығой. Кейбір жағдайларда қызыға болашақта ұл туылсын деген тілекпен Ұлтуар деп те қояды. Көбінесе есімдер ұлттық дәстүр мен салттың негізінде қойылған. Балалары шетіней беретін отбасыларда Токтар, Тұрар, Тұрсын, Тоқтасын, Тұрсынбек, Бектүр (тірі қалсын, өмір сұрсін, өлім тоқтасын деген мағынада), Төлепберген, Өтеміс, Төлеген (ақысы бар, қайтарылған деген мағынады). Бұндай тілек-есімдер адамның өмірлік жолын басынан анықтап беретіндей. Ұзақ өмір сұрсін деген ниетпен: Өмірзак, Мыңжасар, Бекжан, Есенаман, Бектұрсын, Мұңайтпас, Бектүрган. Құштің, қуаттың иесі болсын деген ниетпен “Ер”, “батыр” компоненттерін қосып, құшті аң, құс, метал. қарулардың атауларын берген: Ербол, Батыржан, Ителгі, Жолбарыс, Қошқар, Нарбай, Тұлпар, Бүркіт, Тінібек, Болат, Темірбек, Найзабек, Семсер, Шоқпар, Балтабек. Байлық, молшылық ниетімен: Құнанбай, Дәркембай, Өзімбай, Кенгіrbай, Тайбағар, Айранбай, Жылқыайдар, Байжігіт, Кендебай, Бурахан, Қамысбай, Үргызбай, Байсал, Үркіmbай, Қарақан, Бердібай, Барлыбай, Баймұрат, Дәулет; ақыл, талант: Дағын, Ақылжан, Ақылбай, Есқали, Есмахан, Данышпан, Өнербай, Қаламбай, Фалым; жомарттық: Мырзабай, Фаиз, Сағи, Жомарт, Дархан, Азат, Алдияр, Ісмет, Шыңғыс, Шашубай, Қөрім, Жазира, Асия; бақыт, сәттілік: Жолан, Жолғай, Үріс, Бақдәулет, Жеміскүл, Асхат, Баян, Салтанат, Нұргұл, Нұрлан, Әурен, Береке, Думан; батылдылық:

Арынғазы, Шымыр, Ерболсын, Барлас, Ерасыл, Ерден, Ержан, Ерсайын; күш иесі болсын деген тілекпен: Дәрмен, Пәрмен, Қайрат, Қуат, Қамбар, Қобыланды, Қарасай, Шерхан, Толагай; сенімділік ниетімен: Бауken, Баубек, Ақтілек, Досай, Үміт; ұлылық: Ақшоқы, Асқар, Занғар, Шынар, Бексұлтан; мұқиятт, саналы болсын деген сенімде: Есназар, Есман, Ескен, Байсал, Абай, Жетес, Парасат, Зейін, Естияр; настойчивости: Қайсар, Таймас, Жігер, даналық: Бөжей, Шалахмет, Dana, Фалымжан, Лұқпан; шымырлық: Берік, Бектас, Бектемір; сұлулық: Айқызы, Айгерім, Құнке, Айман, Шолпан, Айгүл, Айбала, Айбарша, Айзия, Айзада, Айпара, Аружан, Айсұлу, Құнсұлу, Нақыш, Гұлжамал, Ажар, Айжамал, Әсем, Әдемі, Гүлдариға, Айбике, Перизат, Меруерт, Гүлназ; ата-анасының сүйеніші болсын деген ниетпен: Белберді, Нұртаза, Өмірсерік, Есмұрат, Медет, Демеу, Сүйеу, Жансая; татулықта өмір сұрсін деген ниетпен: Бейбіт, Бірлік; ұрпағы билеуші болсын деген ниетпен: Бибол, Бектемір, Раис, Әмірбек, Бектас, Бектілеу, Бедел, Құрмет, Абзal, Елеулі, Әкімжан; мінезі жайлы болсын деген сенімде: Жібек, Мақпал, Еркежан, Дүрия, Торғын [14].

Аталған есімдерді қазақ халқы қазір де балаларына қояды. Кейде заманауи ағымға сай ерекше есімдер де кездеседі. Қазақ есімдерін заманауи қолданудың да өзіндік ерекшеліктері: қазақ әліпбійнің нақты әріппері жоқ немесе аз болатын 5-6 әріптен тұратын 2 буынды атаулар беру сәнге айналған [15]. Ал 2023 жылғы Алматы қаласы бойынша екі сөзден тұратын есімдер көптеп берілген. Қыз балаларға: Сафие-Сұлтан, Ерке-Дара, Сафия-Неда, Аврора-Амелия, Сая-Ясмина, Сейида-Фатима, Серра-Рауза, Сәргөй-Жамал, Арина-Изабелла, Зейнеп-Ниса, Милат-Аниса, Мусилима-Фатих, Суламита-Саломия, Томирис-Ханшайым, Робби-Нур, Саль-Сабиль, Эссма-Нур, Шаха-Бану, Умму-Гульсум, Сайдата-Фаризад, Наз-Еркем, Құнім-Зада. Ер балаларға: Амир-хан, Абылай-Арман, Адам-Серж, Ата-Ман, Бай-Али, Тургут-Бей, Мир-Әлем, Марат-Бек, Хан-Дияр, Саян-Али, Нұр-Аян, Мухаммед-Аттила, Есет-Батыр, Ел-Арда [16].

2024 жылдың 30 сәуірінде 2021 жылғы Халық санағының қорытындысы бойынша есімдер мен фамилиялар туралы жарияланым Ұлттық статистика бюросының ресми сайтына шықты. Бұнда ең көп кездесетін 33 мың қазақ аты, 29 мың қазақ фамилиясы. 95% қазақтың аты мен 83% қазақтың фамилиясы бар. Бұдан басқа орыс және өзбек халықтарының есімдері мен фамилиялары берілген. Деректер 2021 жылғы Халық санағы нәтижесіне негізделген. Бұндай толыққанды антропонимика туралы жарияланым ТМД елдерінде бірінші рет шыққан. Есімдер бойынша толыққанды статистика негізі дамыған Еуропа елдерінде шығып тұрады [17].

Соңғы жылдағы мәліметтерге сүйенсек, халық арасынан төмендегі есімдерді беру сәнге айналған (2-кесте).

Кесте 2. Ұлттық статистика бюросының мәліметі бойынша 2024 жылы ең көп кездесетін есімдер [18]

Ұл бала есімдері	саны	Қыз бала есімдері	Саны
Әлихан	2848	Медина	5307
Омар	2362	Айша	4390
Айсұлтан	2268	Асылым	4139
Әмір	2162	Айлин	4063
Алдияр	2035	Раяна	3019
Мухаммед	1928	Томирис	2877
Алан	1900	София	2719
Али	1768	Амина	2471
Нұрислам	1549	Айым	2312
Хамза	1468	Аяла	2279

Егер қазіргі тізімді 2014 жылмен салыстыратын болсак, Әлихан, Әмір және Нұрислам есімдері үлдар арасында әлі де танымал. Қыздар үшін Айша мен Амина есімдері соңғы онжылдықта танымал болып қала береді.

Корытынды. Қазақ есімдері – мәдени және әлеуметтік тарихымыздың айнасы. Бұл зерттеу қазақ есімдерінің тарихи және қазіргі заманғы өзгерістерін, әлеуметтік-мәдени факторларды және статистикалық деректерді талдауға арналған. Қазақ есімдеріндегі өзгерістер, дәстүрлер мен жаңашылдықтардың ықпалы, сондай-ақ қоғамдағы трансформациялық үдерістер есімдердің таңдалуындағы басты факторларды анықтады.

Әлемдік тіл білімінің заманауи даму кезеңі ономастикалық ізденістердің жедел өсуімен сипатталады. Себебі ономастика бойынша зерттеулер археология, әлеуметтану, тарихи география сияқты ғылымдардың сұрақтарына жауап береді. Соңғы жылдары антропонимлер лингвистикалық нысан ретінде лингвист-мамандардың назарын көп аударуда. Сондықтан қазақтардың антропонимиясына үңілу үлттық әлеуметтік-лингвистикалық органдың бір саласын зерттеумен парапар болды. Қазақтардың заманауи антропонимикасы жүйесіне этностиң қалыптасу тарихы, саяси-экономикалық факторлардың көп әсер еткені белгілі болды. Сонымен қатар, соңғы 10 жылда қазақ антропонимикасындағы өзгерістер XXI ғасырдың басымен салыстырғанда айрықша көрінеді. Себебі, араб тілінен енген, ислам дінімен байланысты есімдерден кейін, қазақтардың өзіне тән ыңғайлыш сөздерден жасалатын есімдерді көп қолдануда. Корытындылай келгенде қазақ есімдерін зерттейде мына жайттар ескерілуі тиіс.

1. Тарихи факторлар мен үлттық сана: Қазақ есімдерінің тарихы терең тамырларға ие.

Есімдер көбінесе ұрпақтан-ұрпаққа жалғасқан, халықтың тұрмыс-тіршілігі мен дәстүрлерін бейнелейтін, сонымен қатар тарихи оқиғалар мен тұлғалармен байланысты болған. Кеңес кезеңінде коммунистік идеологияның ықпалымен қазақ есімдеріне де өзгерістер енгізілді, бірақ егеменді ел болған соң үлттық есімдерге деген сұраныс қайта арта бастады.

2. Әлеуметтік-мәдени өзгерістер: Заманауи қазақ қоғамында есімдер таңдауында әлеуметтік және мәдени факторлар ерекше рөл атқарады. Бұгінде қазақ есімдері көбінесе халықтың үлттық бірлігін, тәуелсіздігін және мәдени мұраларын көрсету мақсатында таңдалады. Сонымен қатар, дәстүр мен заманауи қоғамның ықпалы есімдердің жаңаша ұғымдар мен мәндерге ие болуына әкелді.

3. Статистикалық өзгерістер: Қазақстандағы есімдер статистикасы уақыт өте келе өзгеріп отырды. Мысалы, соңғы жылдары үлттық есімдердің санының артуы байқалады. Қазақ тіліндегі есімдер көбейіп, шетелдік және араб есімдеріне деген қызығушылық азайды. Сонымен қатар, есімдердің мағынасы мен дыбыстық ерекшеліктері қоғамдағы әлеуметтік ортаға байланысты өзгеріп отырады.

4. Жаңа есімдер мен трендтер: Заманауи қазақ қоғамында жаңа есімдер трендтері де қалыптасты. Мысалы, халықаралық деңгейде танымал есімдер, сондай-ақ қазақ тіліне тән ерекше есімдер көбейіп келеді. Алайда, үлттық дәстүр мен мәдениетке деген құрмет есімдерде сақталып отыр.

Қазақ есімдері тарихы мен әлеуметтік мәні арқылы халықтың мәдениеті, үлттық сана-сезімі, және әлеуметтік динамикасы туралы маңызды ақпарат береді. Заманауи кезеңде, әсіресе тәуелсіздік алғаннан кейін, қазақ есімдерінің мағынасы мен қолданылуында өзгерістер болды. Бұл өзгерістерді зерттеу, үлттық мәдениет пен әлеуметтік үрдістердің өзара байланысын түсінуге мүмкіндік береді.

Сондықтан, қазақ есімдерінің тарихи және заманауи контекстіндегі маңызы, қоғамның әртүрлі әлеуметтік, мәдени өзгерістеріне жауап ретінде үнемі жаңарып отырады.

Пайдаланылган әдебиеттер тізімі:

1. Құдабаев А.Ж. Қазақ тілінің энциклопедиясы. – Алматы: ИДК-ТИПО, 1998.
2. Жанұзақов Т.Ж. Есіміңіз кім? Ваше имя? – Алматы: Қазақстан, 1989.
3. Жанұзақов Т.Ж. Қазақ есімдерінің тарихы. – Алматы: Қазақстан, 1997.
4. Кенжина Б.А, Адипшева А.О. Қазақ антропонимдерінің этнолингвистикалық сипаты. Мақала. 2020. – б. б. [электронды ресурс] URL: <https://vestnik-kafu.info/journal/2/68/> (Пайдаланылған күні: 10.11.2024)
5. Тұранов Ы.Ә. Қазақ антропонимдерін дәүірлеу мәселелері. Мақала. 2012 – 56. [электронды ресурс] URL: <https://philart.kaznu.kz/index.php/1-FIL/article/view/1416/1368> (Пайдаланылған күні: 10.11.2024)
6. Кульдеева Г.И. Антропонимическая система современного казахского языка. Диссертациялық жұмыс – 160 б. [электронды ресурс] URL: <https://dspace.kpfu.ru/xmlui/bitstream/handle/net/116511/0724971-1.pdf?sequence=-1> (Пайдаланылған күні: 10.11.2024)
7. Шаймерденова Н.Ж., Аманжолова Д.Б. ономастикалық және терминологиялық Фитонимдер Қазақстан көңістігі. // Материалы международной научно-практической конференции «Тіл. Қоғам. Уақыты». – Шымкент, 2018. – Б.417.
8. Abildayeva K.M., Aiseeva N.N. Appellative name in the Kazakh language: name as a social gene. Bulletin of L.N. Gumilyov Eurasian National University. Philology Series. – 2020. 133 (4). – Р. 41-47.
9. Madiyeva G., Aliakbarova A. On Some Current Trends in Kazakh Anthroponymy. Voprosy Onomastiki. – 2020, Vol. 17, Issue 2. – pp. 312-322.
10. Rakimzhanov K., et al. Semiotics of Family in Kazakh Wedding Toasts in the Perspective of Intercultural Communication. Metaphor and the Social World. – 2022, Vol. 12. – pp. 1075-1090.
11. Таутаева Г.Б., Ниетбайтеги К.А. Қазақтың жеке есімдері «байлық» тұқымдық компонентімен // Халықаралық ғылыми-практикалық конференция материалдары бойынша ғылыми еңбектер жинағы «Әлеуметтік-гуманитарлық ғылымдардың өзекті мәселелері». – Белгород, 2017. - Б.86-89.
12. Сембиеев, Қ.З. Есімдер-композиттер қазақ антропонимдерінің ерекше формалары ретінде / Қ.З. Сембиеев, М.Т. Айтжанова // Актуальные проблемы современности. – 2021. – №. 3(33). – Р. 147-150.
13. Ниетбайтеги К.А. «Иллокутивные» имена казахской антропонимии // Альманах современной науки и образования. – 2009. – №8-2. – С. 120-121.
14. Хиналган Ж. Особенность наречения имён казахских невесток // «Актуальные проблемы исследования этноэкологических и этнокультурных традиций народов Саяно-Алтая»: материалы IV международной научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов, посвященная Году гостеприимства в Республике Тыва, Кызыл, 27 июня – 01 2016 года / Тувинский государственный университет. – Кызыл: Федеральное государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Тувинский государственный университет», 2016. – С. 48-49.
15. Дарibaева А.А., Рысбаева М.Қ., Алтысбай Н.А., Турғунбаев А.М. Антропонимы: казахские имена, отражающие благие пожелания // Лучшая студенческая статья 2020: сборник статей XXXIII Международного научно-исследовательского конкурса, Пенза, 25 ноября 2020 года. – Пенза: «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев Г.Ю.), 2020. – С. 123-125.
16. Калыбекова А.А. Народная мудрость казахов о воспитании. – Изд. 3-е . – Алматы: БАУР, 2011. – 510 с.
17. Қазақ есімдерінің анықтамалығы. Редакторлары Ш.Жамықаева, Ж.Естенбаев, М.Әбішева. – Алматы «Арыс», 2009.
18. Қазақ есімдерінің ұлттық статистикасы, 2024 жыл [электронды ресурс] URL: <https://stat.gov.kz/ru/instruments/name/> (Пайдаланылған күні: 10.11.2024)

References:

1. Kudaibaev A.Zh. (Ed.). (1998). *Kazak tilinin entsiklopediiasy* [Encyclopedia of the Kazakh language]. Almaty: IDK-TIPO. [in Kazakh]
2. Zhanuzakov T.Zh. (1989). *Esimiz kim? Vashe imia?* [What is your name?]. Almaty: Kazakhstan. [in Kazakh]
3. Zhanuzakov T.Zh. (1997). *Kazak esimderinin tarihy* [History of Kazakh names]. Almaty: Kazakhstan. [in Kazakh]
4. Kenzhina B.A., Adisheva A.O. (2020). *Kazak antroponimderinin etnolingvistikalyk sipaytys* [Ethnolinguistic features of Kazakh anthroponyms]. *Vestnik KAFU*, (2), 68, 6 p. Retrieved from <https://vestnik-kafu.info/journal/2/68/> (accessed 10.11.2024). [in Kazakh]
5. Turanov Y.A. (2012). *Kazak antroponimderin dauirleu maseleleri* [Periodization issues of Kazakh anthroponyms]. *PhilArt Journal*. 5 p. Retrieved from <https://philart.kaznu.kz/index.php/1-FIL/article/view/1416/1368> (accessed 10.11.2024). [in Kazakh]
6. Kuldeeva G.I. (2012). *Antroponimcheskaya sistema sovremennoogo kazahskogo yazyka* [Anthroponymic system of the modern Kazakh language]. (160 p.). Retrieved from <https://dspace.kpfu.ru/xmlui/bitstream/handle/net/116511/0724971-1.pdf?sequence=-1> (accessed November 10, 2024). [in Russian]
7. Shaimerdenova N.Zh., Amanzholova D.B. (2018). *Onomastikalyk zhane terminologiyalyk fitonimder Kazakstan kenistigi* [Onomastic and terminological phytonyms in Kazakhstan space]. In *Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Til. Kogam. Uakity"* [Proceedings of the International scientific-practical conference "Language. Society. Time"] (p. 417). Shymkent. [in Kazakh]
8. Abildayeva K.M., Aiseeva N.N. (2020). Appellative name in the Kazakh language: Name as a social gene. *Bulletin of L.N. Gumilyov Eurasian National University. Philology Series*, 133(4), 41-47.
9. Madiyeva G., Aliakbarova A. (2020). On some current trends in Kazakh anthroponomy. *Voprosy Onomastiki*, 17(2), 312-322.
10. Rakhimzhanov K., et al. (2022). Semiotics of family in Kazakh wedding toasts in the perspective of intercultural communication. *Metaphor and the Social World*, 12, 1075-1090.
11. Tautaeva G.B., Nietbaitegi K.A. (2017). *Kazaktyn zheke esimderi "bailyk" tukymdyk komponentimen* [Kazakh personal names with the "wealth" component]. *Sbornik nauchnykh trudov po materialam Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Aktualnye problemy sotsialno-gumanitarnykh nauk"* [Proceedings of the International scientific-practical conference "Current issues of social and humanitarian sciences"] (pp. 86-89). Belgorod. [in Kazakh]
12. Sembiev K.Z., Aitzhanova M.T. (2021). *Esimder-kompozitter kazak antroponimderinin erekshes formalary retinde* [Compound names as special forms of Kazakh anthroponyms]. *Aktualnye problemy sovremennosti*, 3(33), 147-150. [in Kazakh]
13. Nietbaitegi K.A. (2009). "Illokutivnye" imena kazahskoi antroponimii ["Illocutive" names of Kazakh anthroponomy]. *Almanakh sovremennoi nauki i obrazovaniya*, 8-2, 120-121. [in Russian]
14. Khinalgan Zh. (2016). *Osobennosti narecheniya imen kazahskikh nevestok* [Features of naming Kazakh daughters-in-law]. In *Aktualnye problemy issledovaniya etnoekologicheskikh i etnokulturnykh traditsii narodov Sayano-Altaya: materialy IV mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii molodykh uchenykh, aspirantov i studentov, posvyashchennaya Godu gostepriiumstva v Respublike Tyva, Kyzyl, 27 iyunya – 1 iyulya 2016 goda* (pp. 48-49). Kyzyl: Tuvinskii gosudarstvennyi universitet. [in Russian]
15. Daribaeva A.A., Rysbaeva M.K., Alpysbai N.A., Turgunbaev A.M. (2020). Antroponimy: kazahskie imena, otrazhayushchie blagie pozhelaniya [Anthroponyms: Kazakh names reflecting good wishes]. In *Luchshaya studencheskaya statya 2020: sbornik statei XXXIII Mezhdunarodnogo nauchno-issledovatelskogo konkursa*, Penza, 25 noyabrya 2020 goda (pp. 123-125). Penza: Nauka i Prosveshchenie. [in Russian]
16. Kalybekova A.A. (2011). *Narodnaya mudrost' kazakhov o vospitanii* [Folk wisdom of the Kazakhs on upbringing] (3rd ed.). Almaty: BAUR. 510 p. [in Russian]
17. Zhamykaeva Sh., Estenbaev Zh., Abisheva M. (Eds.). (2009). *Kazak esimderinin anyktamalygy* [Dictionary of Kazakh names]. Almaty: Arys. [in Kazakh]
18. Kazak esimderinin ulttyk statistikasy, 2024 zhyly [National statistics of Kazakh names, 2024]. Retrieved from <https://stat.gov.kz/ru/instruments/name/> (accessed 10.11.2024). [in Kazakh]

**ЭДЕБИЕТТАНУ
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
LITERARY STUDIES**

МРНТИ 17.82.93

10.51889/29595657.2025.92.3.006

Адибаева Ш.Т.¹ , *Абуова Б.П.²

¹Казахский национальный исследовательский технический университет им. Сатпаева

²Казахский национальный педагогический университет им. Абая

Алматы, Казахстан

e-mail:s.adibayeva@satbayev.university

*e-mail:bibizhan@mail.ru

**СИМВОЛИКА ЮРТЫ В СБОРНИКЕ
«КАЗАХСТАНСКИЕ СКАЗКИ» Ю.СЕРЕБРЯНСКОГО:
АПРОБАЦИЯ МЕТОДИКИ СОЦИАЛЬНОГО ЧТЕНИЯ**

Аннотация

В статье исследуется современная сказка «Пастухи-близнецы» из цикла «Казахстанские сказки» Ю.Серебрянского. Авторы анализируют такие фольклорные элементы как юрта и тюбетейка, которые служат не только символами культурной идентичности, но и приобретают новые значения в контексте современной жизни. Через мифологический мотив двойничества и использование архаичной символики, в сказке обнаруживается связь между традициями и современностью, что раскрывает глубину и многослойность казахского фольклора. Подчеркивается значимость жанра авторской сказки в формировании национальной идентичности и передачи культурных ценностей. В статье предпринимается попытка изучения и теоретизации различий между детским и взрослым контентом, что остаётся малоисследованной проблемой в Казахстане и в мире. Авторы рассматривают пример интерактивного формата приобщения молодежи к детской литературе в виде ивент-мероприятия, организованного в духе социального чтения. В качестве иллюстрации приводится опыт проведения мероприятия «Экологические чтения», почётным гостем которого выступил Ю.Серебрянский. Чтение рассматривается как феномен духовной коммуникации, позволяющий трактовать его не только как средство познания, но и как основу культурного и этического взаимодействия.

Ключевые слова: детская литература, символика, Ю.Серебрянский, казахстанское литературоведение, мифопоэтика, социальное чтение

Адибаева Ш.Т.¹ , *Абуова Б.П.²

¹Қазақ ұлттық зерттеу техникалық университеті

²Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті

Алматы, Қазақстан

e-mail:s.adibayeva@satbayev.university

*e-mail:bibizhan@mail.ru

**Ю.СЕРЕБРЯНСКИЙДІҢ «ҚАЗАҚСТАН ЕРТЕГІЛЕРІ»
ЖИНАҒЫНДАҒЫ КИЗ ҮЙ СИМВОЛИКАСЫ:
ӘЛЕУМЕТТІК ОҚЫЛЫМ ӘДІСТЕМЕСІН АПРОБАЦИЯЛАУ**

Аңдатпа

Мақалада Ю.Серебрянскийдің «Қазақстан ертегілері» циклінен алынған «Егіз шопандар» атты заманауи ертегі зерттеледі. Авторлар мәдени бірегейліктің символдары

былып қана қоймай, қазіргі өмірдің контекстінде жаңа мәнге ие болған киіз үй мен тәбетей сияқты фольклорлық элементтерді талдайды. Мифологиялық егіздік мотиві мен архаикалық символиканы қолдану арқылы ертеғіден дәстүр мен қазіргі заманның арасындағы байланыс көрініс тауып, қазақ фольклорының тереңдігі мен көпқабаттылығы ашылады. Үлттық бірегейлікті қалыптастыру мен мәдени құндылықтарды жеткізуде авторлық ертегі жаңрының маңызы ерекше екендігі атап көрсетіледі. Мақалада балаларға және ересектерге арналған контенттің айырмашылықтарын зерттеу мен теорияландыруға талпыныс жасалады, бұл Қазақстанда да, әлемде де аз зерттелген мәселе болып табылады. Авторлар жастарды балалар әдебиетіне тартудың интерактивті форматының мысалы ретінде әлеуметтік оқылым рухында үйимдастырылған ивент-іс-шараны қарастырады. Иллюстрация ретінде Ю.Серебрянский құрметті қонақ болған «Экологиялық оқылымдар» іс-шарасын өткізу тәжірибесі келтіріледі. Оку рухани коммуникация феномені ретінде қарастырылып, оны тек таным құралыған емес, мәдени және этикалық өзара әрекеттестіктің негізі ретінде түсіндіруге мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: балалар әдебиеті, символика, Ю.Серебрянский, қазақстандық әдебиеттану, мифопоэтика, әлеуметтік оқылым

*Adibayeva Sh.T.¹ , *Abuova B.P.² *

¹Kazakh National Research Technical University

²Abai Kazakh national pedagogical university

Almaty, Kazakhstan

e-mail: s.adibayeva@satbayev.university

*e-mail: bibizhan@mail.ru

THE SYMBOLISM OF THE YURT IN YURIY SEREBRIANSKY'S KAZAKH FAIRY TALES: TESTING THE METHODOLOGY OF SOCIAL READING

Abstract

The article examines the contemporary fairy tale “Twin Shepherds” from Yuriy Serebriansky’s cycle “Kazakh Fairy Tales.” The authors analyze such folkloric elements as the yurt and the skullcap, which serve not only as symbols of cultural identity but also acquire new meanings in the context of modern life. Through the mythological motif of duality and the use of archaic symbolism, the tale reveals a connection between tradition and modernity, uncovering the deep and multi-layered Kazakh folklore. The significance of the author’s fairy tale genre in shaping national identity and transmitting cultural values is emphasized. The article attempts to study and theorize the differences between children’s and adult content, an issue that remains insufficiently explored both in Kazakhstan and worldwide. As an example of an interactive format for engaging young people with children’s literature, the authors consider an event organized in the spirit of social reading. An illustration is provided by the experience of the “Ecological Readings” event, at which Yuriy Serebriansky was the guest of honor. Reading is viewed as a phenomenon of spiritual communication, allowing it to be interpreted not only as a means of cognition but also as the foundation of cultural and ethical interaction.

Keywords: Children's literature, symbolism, Yuriy Serebriansky, Kazakh literary studies, mythopoetics, social reading

Введение. Детская литература в современном независимом Казахстане требует осмыслиения и пристального изучения. Анализ русскоязычной детской литературы Казахстана на материале «Казахстанских сказок» писателя Ю. Серебрянского, на наш взгляд, является важным аспектом целостного понимания всего современного казахстанского литературного процесса. Изучение детской литературы в контексте казахстанской культуры

актуально как для отечественной филологии, так и для культурологии, психологии и педагогики, потому что именно сказки играют важную роль в воспитании детей и передаче культурных ценностей.

Личность Ю.Серебрянского является знаковой для современной казахстанской литературы. Автор не только активно работает в жанре прозы и поэзии, но и становится важной фигурой в процессе осмыслиения казахстанской национальной идентичности. Его творчество отражает размышления о мультикультурности и многоязычии Казахстана, о том, как культурные коды разных народов пересекаются в условиях глобализации.

«Казахстанские сказки» (рисунок 1) представляют собой сборник сказочных историй, посвященных современным казахстанским реалиям, культуре и традициям. Отметим, что эти сказки не только развлекают детей, но и выполняют важную роль в воспитании, передавая культурные и национальные ценности.

«Казахстанские сказки» стали четвёртой по счету книгой писателя Ю.Серебрянского. Книга впервые увидела свет в 2017 году в издательстве «Аруна» на русском языке (оригинал) с последующим переводом на казахский язык. В 2022 году состоялось переиздание книги, также выпущенное издательством «Аруна» в рамках государственной программы поддержки современной казахстанской литературы.

Отметим, что сборник «Казахстанские сказки» был хорошо воспринят как казахстанскими критиками, так и читателями, за счет её способности соединить традиционные сказочные мотивы с современной жизнью, а также благодаря удивительным иллюстрациям казахстанского художника Вячеслава Люй-Ко.

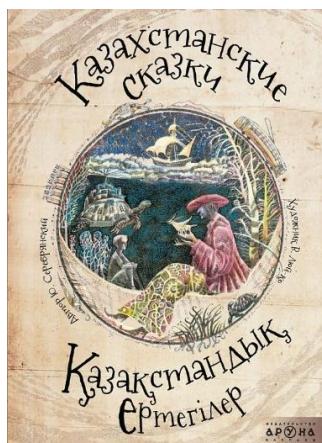

Рисунок 1. «Казахстанские сказки» Ю.Серебрянского

Методы и материалы. Авторы статьи вносят вклад не только в казахстанское литературоведение, но и в развитие методического направления педагогической деятельности. Исследователи применяли мифопоэтический, компараторный, герменевтический, структурный, семиотический, культурно-исторический методы анализа, которые позволяют обнаружить в архетипические образы и мотивы, вскрыть глубинные первоосновы архетипических структур в сборнике «Казахстанские сказки». Кроме того, в статье представлен опыт проведения ивента «Экологические чтения», связанный с практикой социального чтения, который открывает новые возможности для приобщения детей и подростков к литературе и формирует культуру совместного обсуждения художественных текстов.

Результаты и обсуждения. По признанию самого Ю. Серебрянского, сборник «Казахстанские сказки» был написан для дочери Вари. Автор почувствовал необходимость создать такие истории, которые могли бы помочь ей понять реальность окружающего мира, специфику казахстанского мироощущения. Серебрянский осознавал, что подходящих сказок

не было, поэтому сам заполнил этот пробел. Сказки стали попыткой доступным и понятным языком объяснить ребёнку специфические аспекты жизни в Казахстане, привить национальные и культурные ценности через занимательные истории. Этот факт подчеркивает не только личную мотивацию автора, но и отражает общую проблему современного детского литературного поля в Казахстане – недостаток литературы, которая могла бы актуализировать национальные темы для современных детей в доступной форме.

Жанр, исследуемой нами книги – это авторские сказки, которые рекомендованы для совместного чтения детей с родителями, предлагая интересные темы для обсуждения. В произведениях Серебрянского раскрывается важность сохранения культурных корней в условиях глобализации. Эти сказки не просто рассказывают истории, а становятся основой для воспитания будущих поколений в духе уважения и понимания культурных различий.

«Казахстанские сказки» соединяют в себе традиционные сказочные мотивы и современную жизнь. Как отмечает казахстанский искусствовед Ольга Батурина в предисловии к «Казахстанским сказкам»: «Сказка ведь не занимается незначительным, бытовым, самое простое в ней чудесным образом на ваших глазах обретает значение символического и бытийного» [3, 2]. Мифологический аспект воплощается в произведении через использование приемов иносказательности и архаичной символики. Так, например, в сказке «Пастухи-близнецы» возникает символ юрты. Вселенная этой сказки воплощается через мифологический мотив двойничества (два брата близнеца) и символику тюбетейки, которая вдруг становится огромной по прихоти горного бога: «Там он увидел свою тюбетейку. Стала она огромного размера. Размером с настоящий дом» [3, 31]. По мысли Гачева: «Дом – макет мирозданья, национальный космос в уменьшении... Устройство жилища, с одной стороны, есть отпечаток, отражение космоса вокруг нас; дом строится как схема того, что человек видит вокруг, так что по дому можно изучать воззрение народа на мир: как он его понимает» [2, 12]. Удивительно, что через символику своего жилища кочевники как бы угадывают и устройство самой планеты, которая имеет сферическую форму (именно эту форму повторяет и тюбетейка).

Как отмечает исследователь казахской культуры Когай Э.Р.: «Юрта – сакрализованный центр, на периферии которого располагается остальной мир» [1, 232]. Однако в авторской сказке Юрия Серебрянского мы видим не только сакральное значение юрты для семьи кочевника («он взял нож и, вырезав в тюбетейке дверь, вошёл внутрь. Здесь было сухо и тепло. Стали они жить в тюбетейке всей семьей»), но и объяснение ее происхождения. Авторская интерпретация заставляет современных казахстанских детей пробудить фантазию и задуматься над историей возникновения мира кочевого народа, его незамысловатого, но такого универсального быта. Если этот удивительный дом кочевника, юрту, в реальности можно разбирать и собирать, то почему нельзя вообразить, что он может уменьшаться и увеличиваться? Так и происходит на символическом уровне.

В сказке Серебрянского «Пастухи-близнецы» из цикла «Казахстанские сказки» переход тюбетейки в огромное пространство символизирует преобразование привычных объектов в нечто большее, чем они кажутся на первый взгляд. Это показывает, как в мире детской сказки все обыденное может стать загадочным и мистическим. Таким образом, через использование традиционных фольклорных символов и мифологических мотивов, автор создает уникальное соединение прошлого и настоящего. Сказки Серебрянского не только отражают важные элементы казахской культуры, но и находят новые способы их интерпретации в контексте современных реалий.

Отметим, что детская литература играет ключевую роль в формировании личности подростков. Особенno это актуально в контексте изменений, происходящих в культуре и обществе современного Казахстана, а также и во всем мире. Детская литература служит важным инструментом воспитания, она способна повлиять на мировоззрение молодежи. Для детей и подростков она становится хорошей возможностью разобраться в своих чувствах и понимании окружающего мира.

Тема влияния детского контента и разграничения между детским и взрослым до сих пор остаётся недостаточно исследованной. Чтение как феномен культуры рассматривается в гуманитарных науках в разных ракурсах и до настоящего времени не имеет однозначного определения. В междисциплинарном поле, связанном с коммуникативистикой, особый интерес представляет понимание чтения как духовной коммуникации, что позволяет рассматривать его не только как средство познания, но и как основу культурного и этического взаимодействия.

В связи с вышеуказанным, нами был проведен опрос среди студентов бакалавриата. В опросе приняли участие более 200 студентов из трех университетов города Алматы:

- КазНПУ им. Абая
- КазНИТУ им. К.И. Сатпаева
- УИБ имени К. Сагадиева

Опрос охватывал тему восприятия произведений (детских и взрослых) среди подростков.

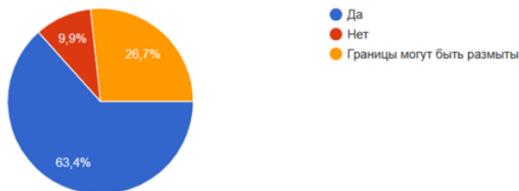
Опрос показал, что студенты поддерживают разграничение взрослого и детского контента:

- 63,4% респондентов ответили, что границы должны быть четкими
- 26,7% придерживаются мнения, что границы могут быть размыты
- 9,9% ответили «нет»
- 93,1% опрошенных планируют следить за тем, что читают их дети

Считаете ли вы, что границы между детской и взрослой
литературой должны быть четко определены?

202 ответа

Копировать

Будете ли следить за тем, что читают ваши дети?

202 ответа

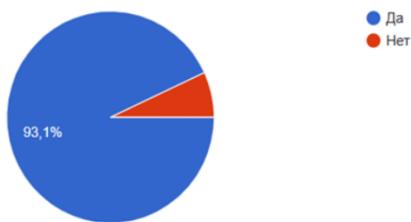

Рисунок 2. Разграничение взрослого и детского контента

В опросе был также вопрос о том, какую функцию должна выполнять литература: 50% ответили, что она должна развивать моральные ценности и передавать опыт, 35,6% – обучать и развивать.

Какую основную функцию должна выполнять детская литература?

Копировать диаграмм

202 ответа

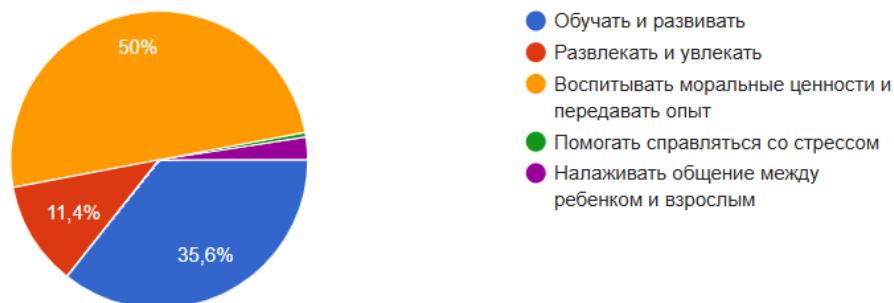

Рисунок 3. Основная функция детской литературы

Очевидно, что эти показатели демонстрируют восприятие литературы прежде всего как средства воспитания и образования. Значительно меньшая часть респондентов выделила её развлекательную и эстетическую функцию, что указывает на доминирование в студенческой среде представлений о литературе как о социально значимом инструменте формирования личности. Таким образом, результаты опроса подтверждают вывод о том, что современная аудитория склонна рассматривать литературу не только как источник удовольствия, но и как важный канал трансляции культурных и этических ценностей.

Одним из показательных примеров интерактивного взаимодействия в формате социального чтения стало мероприятие «Экологические чтения», проведённое в Казахском национальном исследовательском техническом университете имени Каныша Сатпаева 26 февраля 2025 года. Ивент был организован кандидатом филологических наук Ш.Т. Адибаевой в рамках воспитательной работы и в соответствии с целями устойчивого развития (ЦУР). Почётным гостем мероприятия стал писатель Ю. Серебрянский.

Рисунок 4. «Экологические чтения» с Ю.Серебрянским

Формат «Экологических чтений» предполагал, что преподаватели кафедры казахского и русского языков зачитывали истории из сборника «Казахстанские сказки» на трёх языках – русском, казахском и английском, после чего студенты активно включались в обсуждение

прочитанного. Особое внимание уделялось экологической проблематике, которая является одной из ключевых тем сборника. Встреча вызвала живой отклик у студенческой аудитории. Сам автор активно участвовал в дискуссии, делился комментариями и отвечал на вопросы, что позволило слушателям глубже понять смысл и художественные особенности произведений.

На мероприятии выступили представители регионального аналитического центра CAPS Unlock, которые рассказали о своем конкурсе для молодежи стран Центральной Азии «Turn it around»: Центральноазиатская колода климатических карточек в партнерстве с Региональным офисом ЮНЕСКО в Алматы и Университетом Аризоны (США). Мадина Нұржанова и Сауле Каликова призвали студентов активно участвовать в экологических инициативах.

Заключение. В «Казахстанских сказках» Ю. Серебрянский переосмысливает традиционные сказочные мотивы через призму современной казахстанской действительности, что делает его произведения уникальными и актуальными для изучения. Оппозиция «Казахские сказки» и «Казахстанские сказки» в контексте творчества Ю. Серебрянского отражает важное различие в восприятии национальной идентичности и культуры. «Казахские сказки» традиционно воспринимаются как фольклорный пласт, сосредоточенный на казахском народе, его обычаях, мифах и легендах. Эти сказки передают многовековые культурные ценности и историю, которые были распространены среди казахов как этнической группы. «Казахстанские сказки» Серебрянского, напротив, стремятся отразить мультикультурную и полизначную природу современного Казахстана. Это произведение написано не только для казахского народа, но и для всего многообразия народов страны. Серебрянский пишет свои сказки для детей Казахстана, для народа с уникальной культурной идентичностью. Эта оппозиция, на наш взгляд, подчёркивает переход от узкоэтнического к национально-государственному контексту, что делает «Казахстанские сказки» значимым произведением, отражающим современный культурный ландшафт страны. Отдельное внимание заслуживает опыт интерактивного формата социального чтения, реализованный в ивенте «Экологические чтения». Это мероприятие, проведённое с участием самого Ю. Серебрянского, продемонстрировало, что «Казахстанские сказки» способны стать не только предметом литературоведческого анализа, но и эффективным инструментом воспитательной работы. Обсуждение текстов на русском, казахском и английском языках позволило студентам глубже проникнуть в содержание произведений и выявить их экологическую направленность, что подтвердило значимость сказок для формирования ценностей устойчивого развития и расширения культурного диалога.

Список использованной литературы:

1. Абшиева У.К., Абдуллина Л.И., Мучник Г.М., Когай Э.Р., Мухамадиев Х.С., Г.Б. Шаинова; под ред. У.К. Абшиевой / Проза и поэзия Казахстана 1970-200-х годов контексте литературы Центральной Азии. – Алматы: Қазақ университеті, 2014. – 254 с.
2. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Евразия – космос кочевника, земледельца и горца. – М.: Институт ДИ-ДИК, 1999. – 368 с.
3. Серебрянский Ю. Казахстанские сказки = Қазақстандық ертегілер. – Алматы: Аруна, 2021. – 96 с.
4. Баянбаева А.А. и др. Жанр как семиотическая структура: на материале русской казахстанской повести // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2023. – Т. 14. – №3. – С. 910-930
5. Детская литература в Казахстане: от дискуссий к решениям // Коллективная монография. Под ред. Н.Ж. Шаймерденовой. – Москва: Флинта: Наука, 2018. – 172 с.
6. Амангазыкызы М. Дифференциация понятия «архетип поэта» на примере личности и творчества Абая Кунанбаева // Известия. Серия: Филологические науки. – 2023. – Т. 68. – №1. – С. 316-328.
7. Александрова-Осокина О.Н. Вопросы геopoэтики в современном литературоведении // Научный диалог. – 2020. – №5. – С. 216-241.

References:

1. Abisheva U.K., Abdullina L.I., Muchnik G.M., Kogai E.R., Mukhamadiev Kh.S., Shainova G.B. (2014). *Proza i poeziya Kazakhstana 1970-200-kh godov v kontekste literatury Tsentral'noi Azii* [Prose and poetry of Kazakhstan in the 1970s – 2000s in the context of Central Asian literature]. Almaty: Kazak universiteti. 254 p. [in Russian]
2. Gachev G.D. (1999). *Natsional'nye obrazy mira. Evraziya – kosmos kochevnika, zemledel'tsa i gortsya* [National images of the world. Eurasia – the cosmos of the nomad, the farmer, and the highlander]. Moscow: Institut DI-DIK. 368 p. [in Russian]
3. Serebriansky Yu. (2021). *Kazakhstanskie skazki = Kazakstandyk ertegiler* [Kazakh fairy tales]. Almaty: Aruna. 96 p. [in Russian]
4. Bayanbayeva A.A., Zhumadullayeva S.B., Shalekenova R.K. (2023). *Zhanr kak semioticheskaya struktura: na materiale russkoi kazakhstanskoi povesti* [Genre as a semiotic structure: On the material of the Russian Kazakhstani novella]. Vestnik RUDN. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika [RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics], 14(3), 910-930. [in Russian]
5. Shaymerdenova N.Zh. (Ed.). (2018). *Detskaya literatura v Kazakhstane: ot diskussii k resheniyam* [Children's literature in Kazakhstan: From discussions to decisions]. Moscow: Flinta: Nauka. 172 p. [in Russian]
6. Amangazykyzy M. (2023). *Differentsiatsiya ponyatiya «arkhetip poeta» na primere lichnosti i tvorchestva Abaya Kunanbayeva* [Differentiation of the concept “poet’s archetype” on the example of Abai Kunanbayev’s personality and works]. Izvestiya. Seriya: Filologicheskie nauki, 68(1), 316-328. [in Russian]
7. Aleksandrova-Osokina O.N. (2020). *Voprosy geopoetiki v sovremenном literaturovedenii* [Issues of geopolitics in contemporary literary studies]. Nauchnyi dialog, (5), 216-241. [in Russian]

МРНТИ 17.09.00

10.51889/2959-5657.2025.92.3.007

Alekseev P.V.
Gorno-Altaisk State University
Gorno-Altaisk, Russian Federation
e-mail: pavel.alekseev.gagu@gmail.com

THE IMAGE OF THE KAZAKH STEPPE IN ANNETTE MEAKIN'S “A RIBBON OF IRON” (1901)

Abstract

This article examines the representation of the Kazakh steppe in Annette M. B. Meakin's travelogue “*A Ribbon of Iron*” (1901), one of the earliest English female-authored accounts of Siberia at the turn of the twentieth century. Situating Meakin's narrative in the political context of the Boxer Rebellion and the Blagoveshchensk massacre, the study analyses how her descriptions of Omsk and its surroundings construct the Kazakh steppe as an imperial periphery. Particular attention is paid to Meakin's ethnographic sketches of the Kazakhs, whom she calls “Kirgiz,” and to the ways in which their everyday practices – yurts, kumys, horsemanship, clothing – are aestheticised and framed within orientalist categories. The article also highlights the role of mediating figures – Jewish residents, German settlers, Russian officials – in shaping her access to Kazakh life. By reading Meakin's text through imagological and postcolonial approaches, the study argues that European travel writing inscribed Siberia into Western discourse as a multiethnic contact zone marked by hierarchy, ambivalence, and imperial tension.

Keywords: Annette Meakin, A Ribbon of Iron, Kazakh steppe, Siberia, travel writing, orientalism, interethnic relations

Acknowledgment: This work has been supported by the grants the Russian Science Foundation, №25-28-20397 (<https://rscf.ru/project/25-28-20397/>)

Алексеев П.В.

Горно-Алтайск мемлекеттік университеті

Горно-Алтайск, Ресей Федерациясы

e-mail: pavel.alekseev.gagu@gmail.com

АННЕТ МИКИННІҢ “A RIBBON OF IRON” (1901) ЕҢБЕГІНДЕГІ ҚАЗАҚ ДАЛАСЫНЫҢ БЕЙНЕСІ

Аннотация

Бұл мақалада Аннетт М.Б. Микиннің “A Ribbon of Iron” (1901) атты травелогындағы қазақ даласының репрезентациясы қарастырылады. Бұл еңбек XX ғасырдың басындағы Сібір туралы ағылшын әйел авторларының алғашқы еңбектерінің қатарынан орын алады. Зерттеу Микиннің баяндауын Ихэтуань көтерілісі мен Благовещенскідегі қырғын сияқты саяси оқиғалар контекстінде қарастырады және оның Омбы мен маңайын сипаттауды қазақ даласын империялық шеткөрі аймақ ретінде қалай бейнелегенін талдайды. Ерекше назар Микин «қырғыздар» деп атаган қазактардың этнографиялық сипаттамаларына аударылады: киіз үйлер, қымыз, атқа міну мәдениеті, киім үлгілері – барлығы ориенталистік категорияларда эстетикалық түрғыда әсемделіп көрсетіледі. Сондай-ақ мақалада делдал тұлғалардың – еврей түрғындарының, неміс қоныстанушыларының, орыс шенеуініктерінің – қазақ өміріне жол ашу дағы рөлі айқындалады. Имагологиялық және постколониялық тәсілдерді қолдана отырып, зерттеу европалық травелогтар Сібірді иерархия, екіұштылық және империялық шиеленіс белгілеген көпэтности «байланыс аймагы» ретінде Батыс дискурсына енгізгенін дәлелдейді.

Түйін сөздер: Аннетт Микин, A Ribbon of Iron, қазақ даласы, Сібір, травелог, ориентализм, этносаралық қатынастар

Алексеев П.В.

Горно-Алтайский государственный университет

Горно-Алтайск, Российская Федерация

e-mail: pavel.alekseev.gagu@gmail.com

ОБРАЗ КАЗАХСКОЙ СТЕПИ В ТРАВЕЛОГЕ АННЕТ МИКИН “A RIBBON OF IRON” (1901)

Аннотация

Статья посвящена репрезентации казахской степи в травелоге Аннетт М.Б. Микин “A Ribbon of Iron” (1901), одном из первых англоязычных женских описаний Сибири рубежа XIX-XX вв. Рассматривая повествование А. Микин в политическом контексте Ихэтуаньского восстания и Благовещенского погрома, автор статьи анализирует, как в её описании Омска и его окрестностей конструируется образ казахской степи как имперской периферии. Особое внимание уделяется этнографическим зарисовкам Микин о «киргизах» – их быте, юртам, кумысу, коневодству, одежде, которые эстетизируются и вписываются в ориенталистские категории. Отдельно рассматривается роль посредников – еврейских жителей, немецких колонистов, русских чиновников, – определявших её доступ к казахской жизни. В оптике имагологии и постколониальных исследований показано, что европейские травелоги вписывали Сибирь в западный дискурс как многоэтничную «зону контакта», отмеченную иерархией, амбивалентностью и напряжённостью имперских взаимодействий.

Ключевые слова: Аннетт Микин, A Ribbon of Iron, казахская степь, Сибирь, травелог, ориентализм, межнациональные отношения

Introduction. At the turn of the twentieth century, Siberia occupied a paradoxical place in the imagination of European travellers. On the one hand, it was perceived as a land of exile, hardship, and imperial violence; on the other, as a space of cultural diversity, where multiple ethnic groups coexisted under Russian rule. This multiethnic composition – Tatars, Kazakhs, Jews, Germans, and other communities – made Siberia not only a geographic frontier but also a laboratory of interethnic contact. For European observers, travel across Siberia thus became an encounter with the imperial periphery as a site where ethnic diversity and imperial authority intersected in complex ways.

Among the voices that documented this world was Annette M. B. Meakin (1867-1959), a British traveller and writer who journeyed across Russia and Siberia in 1900 with her mother, publishing her impressions in “*A Ribbon of Iron*” (1901) [1]. Meakin was among the first European women to travel along the newly constructed Trans-Siberian Railway, undertaking the journey, as she herself emphasized in her book, after being inspired by the presentation of the railway at the Exposition Universelle of 1900. She relied on the *Guide to the Great Siberian Railway* prepared under the editorship of A.I. Dmitriev-Mamonov and A.F. Zdziarski, translated into English by Miss L. Kukol-Yasnopolsky and revised by John Marshall, which had been issued precisely for the purpose of promoting the line to an international audience [2]. Many other travellers followed this model of combining personal impressions with official materials – among them the American Michael M. Shoemaker, who undertook a Trans-Siberian voyage two years later and published his account in *The Great Siberian Railway from St. Petersburg to Pekin* (1903) [3].

Her intellectual background was equally remarkable: between 1897 and 1900 she attended Latin classes at University College London under the distinguished classicist A.E. Housman. In his reference letter, Housman praised her “intelligence”, “enthusiasm”, and unusual zeal for Latin composition, including verse – qualities that he “had seldom known” among his students [4, 30]. Although she did not complete a degree, Housman’s testimony illustrates her scholarly discipline and literary ambition, which later shaped the precision and attentiveness of her travel writing. She went on to publish two further volumes on Russia and its borderlands – *In Russian Turkestan: A Garden of Asia* (1903) and *Russia: Travels and Studies* (1906) – which together with “*A Ribbon of Iron*” form a coherent corpus of her travel writing on the Russian Empire.

Despite its originality, “*A Ribbon of Iron*” has remained virtually unexplored in scholarship. Apart from scattered mentions in works on English and American travelogues about Siberia [5], women’s travel writing in Russia [6], anthologies of Trans-Siberian narratives [7], or broader discussions of railway imaginaries [8], Meakin’s travelogue has never been the subject of a comprehensive study. Her Siberian journey, in particular, is still waiting for close academic attention. A somewhat greater degree of recognition has been given to her writings on Central Asia, yet even those have not been systematically analysed or fully translated into Russian or into the languages of the region. This lacuna underscores the significance of revisiting *A Ribbon of Iron* as a unique source for understanding how European travellers perceived interethnic relations on the imperial frontier.

What distinguishes Meakin’s account is precisely this mediated perception of the Kazakh steppe. Her encounters with Kazakh communities are filtered through Jewish guides, German settlers, and Russian officials, reflecting the multi-layered structure of contact in Siberia. At the same time, her descriptions reproduce orientalist and imperial frames: Kazakhs are presented as hospitable and “best-natured,” yet accused of horse theft; their yurts and kumys are carefully described but framed in terms of primitiveness or exotic spectacle. The Kazakh steppe thus becomes a cultural frontier, legible only through the combined lenses of empire and orientalism.

The aim of this article is to analyse how Annette Meakin’s “*A Ribbon of Iron*” represents the Kazakh steppe and its inhabitants within the broader context of interethnic relations in Siberia as perceived by European travellers at the fin de siècle. Drawing on imagological and postcolonial approaches, I argue that Meakin’s narrative exemplifies the ways in which European travel writing constructed Siberia as both an imperial periphery and a multiethnic contact zone. By examining her depictions of Kazakhs and the mediating roles of other communities, this article contributes to our

understanding of how Siberia's ethnic diversity was inscribed into Western discourses of empire, otherness, and borderlands.

Methods and materials. The primary material for this study is Annette M.B. Meakin's "A Ribbon of Iron", a travelogue based on her journey along the newly constructed Trans-Siberian Railway. Particular attention is paid to the *Preface*, which situates the narrative in the political context of 1900, and to Chapter III (*Omsk—A Visit to the Kirgiz*), where Meakin offers her most detailed account of Kazakh life and of the multiethnic environment of Omsk and its surroundings.

The text is considered not in isolation but as part of a wider **corpus of European travel writing about Siberia** at the turn of the twentieth century (e.g., Michael Shoemaker, Ella Christie, John Fraser, Francis Clark, Henry Norman, Bassett Digby and Richardson Wright). Within this corpus, Meakin's account is distinctive for its female authorship and for its particular focus on everyday practices and interethnic encounters.

The study also builds on scholarship in the history and ethnography of the Kazakhs under Russian rule. Martha Olcott's *The Kazakhs* (1986) [9] provides a broad overview of Kazakh social and political transformation; Virginia Martin's *Law and Custom in the Steppe* (2001) [10] examines the legal pluralism of Kazakh society in the nineteenth century; Steven Sabol's *Russian Colonization and the Genesis of Kazak National Consciousness* (2003) [11] analyses the colonial dynamics that shaped identity. These works help to situate Meakin's ethnographic sketches – yurts, kumys, horsemanship, and Islamic practices – within the broader context of Kazakh life under empire.

For the imperial and postcolonial framework, the article uses studies on the Russian steppe frontier and Central Asian conquest: Michael Khodarkovsky's *Russia's Steppe Frontier* (2002) [12], Willard Sunderland's *Taming the Wild Field* (2004) [13], and Alexander Morrison's *The Russian Conquest of Central Asia* (2020) [14]. These works conceptualise the steppe not simply as geography but as a frontier – a space of asymmetrical encounters and a laboratory of empire.

The religious and interethnic dimensions of Meakin's narrative are interpreted through Robert D. Crews's *For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia* (2006) [15] and Adeeb Khalid's *The Politics of Muslim Cultural Reform* (1998) [16], which show how Islam shaped interethnic interactions in the imperial borderlands. Urban contact zones are further illuminated by the collective volume *Everyday Life in Central Asia* (2007) [17], both of which highlight the role of mediating figures – settlers, officials, and minority groups – in structuring access to local populations.

Finally, the study engages with broader discussions of Russian orientalism (Schimmelpenninck van der Oye, 2010, Pavel Alekseev, 2020) [18; 19], in order to show how Meakin's narrative simultaneously reproduces imperial categories and contributes to the orientalist imagery of the Kazakh steppe in Western discourse.

The study proceeds through close reading of Meakin's narrative, with emphasis on descriptive strategies, metaphors, and characterisation of ethnic groups. At the same time, it situates the text within the broader European discourse on Siberia, thereby allowing us to see how Meakin's representation of the Kazakhs contributes to the construction of Siberia as both an imperial periphery and a multiethnic contact zone.

Results and Discussion

1. Political Context and the Framing of the Periphery. Annette Meakin begins her narrative with a strikingly political Preface, which recalls the events in Blagoveshchensk in July 1900. As she notes, "within twenty days of our visit to Blagovestchensk, that town was the scene of a massacre, the descriptions of which were received with horror throughout the civilized world" [1, 5]. Although she and her mother departed shortly before the killings, her retrospective commentary anchors the travelogue in the wider upheavals of the Boxer (Ihetuan) Rebellion. This starting point is not incidental: it situates Siberia within a geography of imperial crisis, where the Russian Far East, Manchuria, and the steppe were bound together by military mobilization and interethnic violence. Later historiography confirms that Meakin's sense of shock was well founded.

The Preface reveals how precarious the balance of power on the Amur frontier appeared to a European observer. Meakin emphasises the vulnerability of Blagoveshchensk, abandoned by most of its troops who were sent across the border: “*only one reserve battalion and one battery were left to guard the town*” [1, 5]. The city’s Chinese population, far outnumbering the Russians, is described as a potential threat, while the Cossacks who carried out the expulsions are characterised as “*little better than savages*” [1, 7]. The massacre itself – “*the river was black with dead bodies for weeks afterwards*” [1, 7] – becomes emblematic of the brutality of borderland encounters. Archival reconstructions confirm that such brutality combined racial animosity with material interest: peasant militias and townspeople not only expelled and killed Chinese and Manchus, but also seized their lands, shops, and even the bricks of abandoned factories [20, 218-219]. In this light, Meakin’s preface captures not only the horror of an atrocity but also the structural insecurities and rivalries that defined the Amur frontier at the *fin de siècle*.

From the standpoint of European reception, this passage is significant for two reasons. First, it frames the Russian Empire not as a stable civilising force but as a power locked in violent confrontation with its neighbours and with the ethnic minorities under its rule. The juxtaposition of Russian military weakness, Cossack cruelty, and Chinese victimhood creates a picture of instability that prefigures the rest of the narrative. Second, the massacre is narrated through the lens of “eyewitnesses,” which gives the travelogue an aura of documentary authority. For Meakin’s British readers, the episode would have underscored the volatility of Russia’s Asian frontier and the dangers inherent in its multiethnic composition.

In the context of interethnic relations, the *Preface* demonstrates how European travellers perceived Siberia as part of a continuum of contested spaces stretching from the Kazakh steppe to Manchuria. The Chinese, the Cossacks, and the Russian military emerge as actors in a violent drama, but the implications reach further: the scene preconditions the reader to interpret subsequent encounters with other non-Russian groups, including the Kazakhs, within a framework of danger, subordination, and imperial fragility. The narrative thus inscribes the Kazakh steppe into a geography of borderland unrest, where ethnic diversity is not neutral background but a source of tension and anxiety.

2. Omsk as a Multiethnic Frontier. Arriving in Omsk, Meakin immediately confronts the dual nature of the city: a space of imperial administration and modernisation, yet also a frontier settlement where multiple ethnic groups coexist uneasily. Her first impressions are ambivalent. By night the landscape appears bleak – “*the only buildings in sight looked like barns and cattle sheds*” [1, 33] – temporary shelters for migrants moving eastward. But this unpromising picture quickly gives way to acts of hospitality: a Jewish resident assists the travellers, ensuring their comfort and later facilitating their excursion into the steppe. This figure, described with warmth and sympathy, identifies himself emphatically: “*I am a Jew*” [1, 34]. The episode foregrounds both the presence of Jewish life in Omsk and its ambiguous social status – Meakin later notes that Jews were “*not admitted into society here*” [1, 35]. The contrast between exclusion and individual kindness becomes a microcosm of Siberian interethnic realities.

Equally prominent are German settlers, represented by the Lutheran pastor and his wife, who instruct Meakin on local customs. The pastor’s wife explains the economic use of camels among the Kazakhs, noting that “*intelligent people do not mount camels... they are beasts of burden*” [1, 37]. Here, ethnographic knowledge about the steppe is filtered through a German intermediary, who positions herself as both insider to the local environment and representative of European rationality. Germans in Siberia, long integrated as colonists and administrators, thus appear as authoritative voices mediating between empire and nomadic populations.

The Russian imperial frame is equally present. Omsk’s identity as a fortress town is recalled in terms that emphasise its military origins: “*built to instil awe into the hearts of the neighbouring Kirgiz and all other Asiatics who might prove troublesome*” [1, 36]. This historical memory inscribes the city into a geography of domination, where the Kazakh steppe is cast as a source of

recurrent threat. At the same time, Meakin is attentive to signs of modernisation: cadet schools, gymnasia for boys and girls, government efforts to beautify streets and plant trees. These features allow her to reassure her readers that Omsk is “not yet outside the pale of civilization” [1, 38].

Religious plurality further underscores the city’s multiethnic character. A Tatar mosque stands so prominently that Meakin initially mistakes it for a Russian church, only realising her error when she hears the muezzin’s call to prayer: “*Then, too, I noticed the golden crescent glittering in the sunlight above the ‘Mullah’s’ head*” [1, 40]. She observes that “*the Kirgiz, who are Mohammedans, also come to the mosque. They, like the Tatars, belong to the Turki race, and speak a Turkish dialect*” [1, 41]. This brief ethnographic aside situates Kazakhs within the Islamic landscape of Siberia, linked to Tatars through religion and language, while remaining distinct in their nomadic lifestyle.

Thus, Omsk in Meakin’s account appears not merely as a Russian stronghold but as a **multiethnic contact zone** where Jews, Germans, Tatars, Kazakhs, and Russians intersect. Each group is ascribed a role within the imperial hierarchy: Jews as industrious but socially marginal; Germans as carriers of knowledge and culture; Tatars and Kazakhs as representatives of Islam and the steppe; Russians as administrators and modernisers. For Meakin’s readers, this tableau of coexisting yet stratified communities would have exemplified the complexity of interethnic relations in Siberia at the fin de siècle, reinforcing the perception of the region as a frontier space of cultural diversity and imperial tension.

3. Ethnographic Portrait of the Kazakhs within the Multiethnic Frontier. When Annette Meakin travels outside Omsk into the surrounding steppe, her attention turns to the Kazakhs, whom she consistently calls “Kirgiz,” following the Russian imperial terminology of the time. Her description of their material culture and everyday life provides one of the earliest English female-authored portrayals of this community. Yet this ethnographic detail is never neutral: it is framed by categories that reflect both Russian colonial discourse and the expectations of a European readership.

The *yurt* is at the centre of her depiction. Meakin likens it to “*the shape of our beehives, with a round hole in the centre, which serves both as a chimney and an air hole*” [1, 44]. The metaphor of the beehive domesticates the unfamiliar for her British audience, while simultaneously evoking simplicity and primitivism. By converting the cost of yurts into pounds sterling – “£5... whilst one of the richer class... will sometimes cost £15” [1, 45]– she renders the nomadic economy intelligible in European terms. This strategy exemplifies how European travellers mediated cultural otherness through their own frames of reference, translating local realities into familiar categories while reinforcing perceptions of difference.

Her observations on food and household practices follow a similar pattern. Kumys, made from mares’ milk, is described not only as a local staple but as a commodity circulating between Kazakhs and Russians: “*Russians buy it from them and drink it as a tonic in spring time*” [1, 47]. This detail illustrates the economic interdependence between nomads and settlers, but it is framed through a language of exotic curiosity. Cooking practices are depicted in terms that border on the grotesque: an outdoor oven is at first mistaken for “*a freshly dug child’s grave*” [1, 47]. Such comparisons, striking for their morbid imagery, cast everyday practices as primitive and strange, thereby reinforcing a sense of cultural distance.

When turning to character, Meakin reproduces a familiar ambivalence: “*The Kirgiz are acknowledged by all who come in contact with them to be the best-natured people on the face of the earth. The only sin of which I have heard them accused is horse stealing*” [1, 45]. This juxtaposition of hospitality with criminality is emblematic of orientalist discourse, where the “noble” qualities of indigenous groups are consistently shadowed by accusations of backwardness or immorality. For Meakin’s British audience, such portrayals confirmed both the attractiveness and the untrustworthiness of nomadic peoples.

Horsemanship, central to Kazakh identity, is aestheticised in terms that underline vitality and wildness. Kazakh horses “*fly like the wind, and are restrained with difficulty*” and can endure “*ten hours without food*” [1, 45]. By repeating anecdotes of governors struggling to control these animals, Meakin extends the metaphor of untamed energy to the people themselves, situating the Kazakhs as figures of exotic vigour on the imperial margins.

Gendered aspects reinforce the exotic frame. Women’s attire is described as “*a strange white linen covering the greater part of the face, with openings for eyes, nose and mouth*” [1, 46]. This detail situates Kazakh women within an orientalist repertoire of veiling and concealment, highlighting their alterity rather than individuality. Musical instruments – “*a roughly made and very primitive guitar*” [1, 46] – are interpreted as cultural curiosities rather than as markers of a sophisticated oral tradition.

Read in the context of interethnic relations, Meakin’s portrait of the Kazakhs is less an isolated ethnographic sketch than part of a broader tableau of the Siberian frontier. The Kazakhs appear as indispensable economic partners of Russians (producers of kumys, suppliers of horses) and as part of the Islamic landscape shared with Tatars, yet simultaneously as a people framed by stereotypes of primitivism and criminality. Their image emerges at the intersection of admiration and condescension, integration and exclusion.

4. Orientalist Frames and Imperial Optics. Meakin’s portrayal of the Kazakhs is embedded in a set of orientalist and imperial optics that structured how European travellers approached the Russian periphery at the turn of the twentieth century. Her account constantly negotiates between two poles: fascination with the exotic and reassurance of imperial authority. This ambivalence is precisely what renders her text valuable for understanding the European reception of Siberian interethnic relations.

The memory of Omsk as a fortress town offers an exemplary case. The city, she recalls, was originally built in 1765 “*to instil awe into the hearts of the neighbouring Kirgiz and all other Asiatics who might prove troublesome*” [1, 36]. The phrasing here is revealing: Kazakhs are subsumed under the broader category of “Asiatics,” defined not by their culture or history but by their potential to disrupt imperial order. By uncritically reproducing this formula, Meakin imports Russian colonial categories into her own text, reinforcing the image of the steppe as a zone of latent danger.

At the same time, her ethnographic detail is couched in aestheticising language. The landscape is described through metaphors of delicacy and refinement: “*the slender stems of these graceful trees are covered with a delicate white bark resembling the kid of a lady’s glove*” (Meakin 1901, p. 43). Horses “*fly like the wind*” [1, 44], yurts resemble beehives, and camels cry “*just like children at night*” [1, 37]. Such comparisons transform the steppe into a picturesque tableau, reducing cultural practices and natural phenomena to objects of visual or emotional spectacle. This aestheticisation is a hallmark of orientalist discourse, where unfamiliar realities are mediated through metaphors that render them legible to metropolitan readers while denying them complexity.

The logic of contrast reinforces this framing. Omsk is associated with cadet schools, gardens, and public ceremonies; the steppe with yurts, veiled women, and kumys-making. The juxtaposition suggests a spatial hierarchy: the town as a bulwark of civilisation, the steppe as a realm of arrested development. Kazakhs are explicitly divided into those “*who have not yet become ‘Russianized’*” [1, 43] and those closer to assimilation. This binary, inherited from Russian colonial discourse, naturalises the idea that the value of indigenous populations lies in their capacity to be absorbed into imperial structures.

What complicates the picture is Meakin’s repeated insistence on Kazakh hospitality. To her, they are “*the best-natured people on the face of the earth*” [1, 45]. Such affirmations do not negate the stereotypes of criminality or primitivism, but they inflect them with ambivalence. The Kazakhs appear simultaneously as noble nomads and potential horse thieves, as hospitable neighbours and exotic curiosities. For Meakin’s British audience, this ambivalence would have resonated with familiar orientalist tropes of the noble savage [21] – a figure to be admired yet firmly contained within a civilisational hierarchy.

In this sense, Meakin's travelogue exemplifies how European representations of Siberia's indigenous peoples were shaped by a **double optic**: they are at once aestheticised as part of a colourful frontier landscape and subordinated within imperial categories of knowledge. This duality is crucial for understanding how interethnic relations in Siberia entered the European imagination: not as encounters between equals, but as spectacles framed by the intersecting lenses of Russian colonial discourse and Western orientalism.

5. Intercultural Mediations. One of the defining features of Annette Meakin's account is that her perception of the Kazakhs is never based on direct dialogue or extended self-representation. Instead, her encounters are consistently refracted through intermediaries – Jews, Germans, Russian officials – who already occupied specific niches within the imperial and colonial order of late imperial Siberia. This fact is not incidental: it reveals a structural condition of frontier life, where access to indigenous groups was shaped by layers of mediation and translation. As Mary Louise Pratt has argued in relation to other colonial peripheries, the “contact zone” is never symmetrical, but is constituted by hierarchies that privilege some voices and silence others. Meakin's *A Ribbon of Iron* offers a vivid example of this mechanism in the Siberian context.

5.1. Jewish mediation. The role of Jewish residents in Omsk illustrates how marginalized groups could become indispensable cultural brokers. Excluded from official society, yet deeply embedded in everyday commerce and mobility, Jewish intermediaries often acted as practical facilitators of contact with steppe populations. In Meakin's account, the figure of the Jewish guide is emblematic: his very self-identification underscores both his marginal status and his active agency. For European travellers, such figures provided the crucial link between urban centres and nomadic villages, demonstrating how knowledge of Kazakhs circulated not directly, but through actors whose own position in the imperial hierarchy was precarious. This paradox – marginality combined with indispensability – was a recurring feature of the Russian frontier, as shown in Jeff Sahadeo's work on Central Asian urban societies [17, 129].

5.2. German mediation. German settlers, by contrast, appear as authoritative interpreters rather than marginalised guides. Long established in Siberia, they occupied a distinct position as colonists, teachers, and pastors, often serving as bearers of European rationality in the imperial periphery. Their interpretations of Kazakh customs – whether in agriculture, animal husbandry, or religious practice – presented these as legible phenomena within a European epistemological framework. In Meakin's narrative, such voices effectively “translated” nomadic life into categories intelligible to outsiders. This reflects a broader dynamic identified by W. Sunderland [13]: the steppe was not only colonised militarily but also epistemologically, through settler groups who positioned themselves as mediators of knowledge between empire and nomads.

5.3. Russian mediation. A third layer of mediation emerges through Russian officials and institutions. The fortress origins of Omsk, the photographic albums of “types” commissioned by the Tsar, and the classificatory schemes distinguishing “Russianized” from “authentic” Kazakhs all exemplify how the state codified ethnic diversity into taxonomies. As A. Khalid and R. Crews have shown in the Central Asian context [15;16], imperial authorities used both religion and ethnicity as administrative categories, simultaneously recognising plurality and subordinating it to the logic of control. In Meakin's travelogue, this institutional mediation is visible in the way she adopts Russian colonial terminology (“Kirgiz”) and frames Kazakh life through categories already embedded in imperial discourse.

Taken together, these mediations demonstrate that the image of the Kazakh steppe in *A Ribbon of Iron* is not simply the product of Meakin's personal impressions. It is the outcome of a layered process of translation in which Jews, Germans, and Russians each acted as filters, shaping what could be seen, what could be explained, and how it was framed for a European readership. The Kazakhs appear not as direct interlocutors but as figures refracted through multiple discourses, their voices subsumed under the authority of intermediaries.

For Meakin's readers in Britain, this multi-layered mediation reinforced the perception of the Kazakh steppe as a space of otherness, legible only through imperial and colonial grids of knowledge. The very structure of her narrative thus exemplifies the dynamics of the frontier as a "contact zone": a palimpsest of voices, hierarchically ordered, in which marginal groups could act as mediators, settler communities as interpreters, and imperial institutions as classifiers. In this sense, *A Ribbon of Iron* does not simply depict Kazakh life but also reveals the mechanics by which European observers accessed and represented it.

Conclusion. Annette Meakin's *A Ribbon of Iron* (1901) provides a particularly valuable case for studying the reception of Siberia's interethnic landscape in European travel writing at the turn of the twentieth century. Her journey, framed by the political upheavals of 1900, situates Siberia not as a neutral transit zone but as an imperial frontier marked by instability, ethnic diversity, and contested authority. The *Preface*, with its references to the Blagoveshchensk massacre, foregrounds the entanglement of military mobilisation and interethnic violence, preconditioning the reader to view the empire's eastern peripheries as volatile and fragile.

Within this framework, Omsk emerges as a paradigmatic frontier city – at once a symbol of Russian modernisation and a reminder of its origins as a fortress against "troublesome" nomads. Meakin's depiction of its multiethnic composition – Jews, Germans, Tatars, Russians, and Kazakhs – reflects the layered nature of everyday interactions in Siberia. Each group is assigned a position within an implicit hierarchy. Her ethnographic sketch of the Kazakhs encapsulates the ambivalence of European perceptions. This dual optic – admiration coupled with condescension – reflects the orientalist logic that shaped Western representations of Siberia's indigenous peoples.

Equally important is the mediated character of Meakin's encounters. Access to Kazakh life is provided through Jewish hosts, German settlers, and Russian officials, illustrating how knowledge of indigenous communities was filtered through layers of intermediaries. This mediation is not an incidental narrative detail but a structural feature of the Siberian frontier, where interethnic relations were constituted by networks of interaction rather than direct encounters.

As part of a broader inquiry into European travel writing, this case study underscores that Siberia was imagined not merely as a geographic periphery but as a multiethnic contact zone, where Jews, Germans, Tatars, Russians, and indigenous peoples interacted within asymmetrical structures of power. Meakin's narrative thus exemplifies the ways in which European observers perceived interethnic relations in late imperial Siberia – as complex, stratified, and deeply entangled with the imperial project itself.

References:

1. Meakin A. (1901). *A ribbon of iron*. Westminster: A. Constable & Co., Ltd.; New York: E. P. Dutton & Co. 319 p.
2. Dmitriev-Mamonov A.I., Zdziarski A.F. (Eds.). (1900). *Guide to the Great Siberian Railway* (English translation by Miss L. Kukol-Yasnopol'sky; revised by John Marshall). St. Petersburg: Ministry of Ways of Communication.
3. Shoemaker M.M. (1903). *The Great Siberian Railway from St. Petersburg to Pekin*. New York; London: G. P. Putnam's Sons, The Knickerbocker Press.
4. Stray C. (2021). Housman and Annette Meakin: An epistolary relationship. *The Housman Society Journal*, 47, 30-48.
5. Senyukhin A.A. (2020). *Obrazy Sibiri v angliyskikh i amerikanskikh travelogakh rubezha XIX-XX vv. [Images of Siberia in English and American travelogues at the turn of the 19th-20th centuries]*. Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya, 6, 109-117. [in Russian]
6. Cherpak E.M. (Ed.). (2023). *Artists, writers, and diplomats' wives: Impressions of women travelers in Imperial Russia*. Bloomsbury Publishing PLC.
7. Manley D. (2011). *The Trans-Siberian Railway: A traveller's anthology*. Andrews UK Limited.

8. Braden K. (2024). *Myth-making journeys on the Trans-Siberian Railway. In Geography of time, place, movement and networks, Volume 2: Mapping heritage journeys and sameness* (pp. 21-45). Cham: Springer Nature Switzerland.
9. Olcott M. B. (1995). *The Kazakhs*. Stanford: Hoover Institution Press.
10. Martin V. (2001). *Law and custom in the steppe: The Kazakhs of the Middle Horde and Russian colonialism in the nineteenth century*. Richmond: Curzon Press.
11. Sabol S. (2003). *Russian colonization and the genesis of Kazak national consciousness*. London: Palgrave Macmillan.
12. Khodarkovsky M. (2002). *Russia's steppe frontier: The making of a colonial empire, 1500-1800*. Bloomington: Indiana University Press.
13. Sunderland W. (2004). *Taming the wild field: Colonization and empire on the Russian steppe*. Ithaca; London: Cornell University Press.
14. Morrison A. (2020). *The Russian conquest of Central Asia*. Cambridge: Cambridge University Press.
15. Crews R.D. (2006). *For prophet and tsar: Islam and empire in Russia and Central Asia*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
16. Khalid A. (1998). *The politics of Muslim cultural reform: Jadidism in Central Asia*. Berkeley: University of California Press.
17. Sahadeo J., Zanca R. (Eds.). (2007). *Everyday life in Central Asia: Past and present*. Bloomington: Indiana University Press.
18. Schimmelpenninck van der Oye D. (2010). *Russian orientalism: Asia in the Russian mind from Peter the Great to the emigration*. New Haven: Yale University Press.
19. Alekseev P.V. (2020). Notes on Russian orientalism as a phenomenon of cultural transfers. Tomsk State University Journal of Philology, 67, 189-203.
20. Glebov S. (2023). *Blagoveshchensk massacre and beyond: The landscape of violence in the Amur Province in the spring and summer of 1900*. In J. B. Perkins & S. Glebov (Eds.), *Russia's North Pacific: Centres and peripheries* (pp. 211-228). Heidelberg: Heidelberg University Publishing.
21. Sultangalieva G., Tuleshova U., Werth P.W. (2022). *Nomadic nobles: Pastoralism and privilege in the Russian Empire*. Slavic Review, 81(1), 77-96.

Андасова М.М.

Казахский национальный университет им. Аль-Фараби
Алматы, Казахстан
e-mail: andassova872@gmail.com

МЕТАМОРФОЗЫ МИРОВ В «КОДЗИКИ» (ЗАПИСИ О ДЕЯНИЯХ ДРЕВНОСТИ)»

Аннотация

Статья посвящена анализу первого памятника письменной литературы Японии, «Кодзики (Записи о действиях древности, 712 г.)». Рассмотрены теоретико-методологические положения по проблематике структурного анализа и его преодоления в европейской и японской науке; применены методы анализа литературного текста, основанные на идеях постструктурализма. Методика данного исследования опирается на применении методов анализа литературного текста, основанных на идеях постструктурализма. В научном исследовании применены теоретико-методологические положения по проблематике структурного анализа и его преодоления в европейской и японской науке. Результатом исследования явилось построение нового подхода к прочтению «Кодзики», который основываясь на анализе динамики повествования выявил метаморфозы миров, а также, акцентируя внимание на значимости контекста, определил динамику нарратива. Полученные результаты могут быть полезны в связи с необходимостью осмыслиения древних письменных памятников Востока в казахстанской науке, и вовлечения данной темы в оборот филологических исследований.

Ключевые слова: древняя японская литература, «Кодзики», структурный анализ, постструктурализм, бинарные оппозиции, метаморфозы, динамика нарратива

Андасова М.М.

Аль-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті
Алматы, Қазақстан
e-mail: andassova872@gmail.com

«КОЖИКИ» («ЕЖЕЛГІ ЗАМАННЫҢ ІСТЕРІ ТУРАЛЫ ЖАЗБАЛАР») ШЫҒАРМАСЫНДАҒЫ ӘЛЕМДЕРДІҢ МЕТАМОРФОЗДАРЫ

Ақдатта

Мақала Жапонияның алғашқы жазба әдебиетінің ескерткіші талдауға арналған, «Кожики (Ежелгі заманның істері туралы жазбалар, 712 ж.)». Еуропалық және жапондық ғылымында ондағы мәселелердің құрылымдық талдау және шешу туралы теориялық және әдіснамалық ережелер қарастырылды; постструктурализм идеяларына негізделген әдеби мәтінді талдау әдістері қолданылды. Зерттеудің нәтижесі «Кожики» оқудың жаңа тәсілін құру болды, ол баяндау динамикасын талдауға сүйене отырып, әлемдердің метаморфоздарын анықтады, сонымен қатар контексттің маңыздылығына назар аудара отырып, баяндау динамикасы анықталды. Алынған нәтижелер Қазақстан ғылымындағы Шығыстың ежелгі жазба ескерткіштерін түсінуде және осы тақырыпты филологиялық зерттеулерде қолдану қажеттілігіне байланысты пайдалы болуы мүмкін.

Түйін сөздер: ежелгі жапон әдебиеті, «Кожики», құрылымдық талдау, постструктурализм, екілік оппозициялар, метаморфоздар, баяндау динамикасы

Andassova M.M.
Al-Farabi Kazakh National University
Almaty, Kazakhstan
e-mail: andassova872@gmail.com

МЕТАМОРФОЗЫ МИРОВ В «КОДЗИКИ» (RECORDS OF ANCIENT MATTERS)»

Abstract

This article analyzes Japan's first written literary monument, *Kojiki* (*Records of Ancient Matters*, 712). It examines theoretical and methodological positions on the issue of structural analysis and its overcoming in European and Japanese scholarship; and methods of literary text analysis based on poststructuralist ideas are applied. The result of the study was the development of a new approach to reading the *Kojiki*, which, based on an analysis of the dynamics of the narrative, revealed the metamorphoses of worlds and, emphasizing the importance of context, determined the dynamics of the narrative. The results obtained may be useful in connection with the need to understand ancient written monuments of the East in Kazakhstani science and to involve this topic in philological research.

Keywords: Ancient Japanese literature, “Kojiki”, structural analysis, poststructuralism, binary oppositions, metamorphoses, narrative dynamics

Введение. В современную эпоху глобализации особое значение приобретают вопросы национальной и культурной самоидентификации. В нынешнее время не только в казахстанском, но и мировом научном пространстве усиливается интерес к древним памятникам народов Востока, в которых заложен культурный код, осмысление которого необходимо для построения межкультурного диалога Запада и Востока.

Данное исследование направлено на анализ первого памятника письменной литературы Японии, «Кодзики (записи о действиях древности)», которые были составлены в 712 г. В этом трактате отражены мифы и легенды, которые повествуют о создании вселенной, об образовании японских островов, о рождении божеств и о происхождении японского императорского рода.

В западной и российской науке получили освещение различные аспекты изучаемой проблемы. В частности, это работы Г.Лори, Э.Шарондон, Н.И. Конрада, Л.М. Ермаковой. Немаловажную роль в изучении «Кодзики» занимают переводы первоисточника, которые сами по себе являются самостоятельными исследованиями, основанными на анализе иероглифики и грамматической структуры древне-японского языка. К таким работам относятся переводы на английский язык Б.Х. Чемберлена, Д.Л. Филиппай, Г.Хелдта, переводы на русский язык А.Н. Мещерякова, Л.М. Ермаковой и Е.М. Пинус.

Однако перевода на казахский язык или же научных работ, основанных на изучении первоисточника, не проводилось. До настоящего времени в казахстанском японоведении преобладали исследования политического, социального, экономического, культурологического характера, однако исследований, основанных на анализе древних литературных памятников, проведено не было.

Львиная доля исследований приходится на японских ученых. Изучение «Кодзики», как трактата об истоках нации, отражено в достаточно большом научном материале от эпохи Эдо (1603-1868) до современности. Первым исследователем «Кодзики» был М. Норинага, который провел анализ иероглифики первоисточника и обосновал особенности древне-японского письма, которое основываясь на системе китайского письма несло в себе элементы характерные для японского грамматического строя. Был осуществлен детальный перевод каждого параграфа рукописей всех трех свитков на японский язык эпохи Эдо [1, 64-

90]. М.Норинага заложил основы и задал конструктивное направление в исследовании «Кодзики» в свете литературоведения, текстологии, источниковедения.

В начале 20-го века в изучении «Кодзики» преобладал подход сравнительного анализа, где японские легенды сравнивались с легендами греческой и римской мифологии. Представителями этого подхода являются Б. Такаги, И. Мацумура, А. Есида. В 60-е годы популярность обретает методология структурного анализа, основоположником которого считается французский ученый К.Л. Стросс [2, 443-450]. В качестве ярчайшего представителя японских структуралистов можно выделить Н. Сайго, который одним из первых применил данный подход в изучении «Кодзики» [3, 30-48].

В 80-90 годах зарождается новое теоретико-методологическое направление «Сакухинрон» - «Методология целостного анализа литературного произведения». Т. Коноси, М. Моури, М. Танигучи, совершенствуют методологическую основу структурализма применяя ее непосредственно к прочтению текста. При этом сам текст воспринимается как закрытая система, компоненты которой, взаимодействуя друг с другом являются элементами устойчивой структуры [4, 1-8]. Эта методология заложила основы изучения «Кодзики» как цельного литературного произведения, обрела много последователей и являлась господствующей в японском литературоведении последних лет.

Теоретический анализ научной литературы выявил, что накоплен богатый теоретический материал и практический опыт в прочтении первоисточника. Как показал анализ в конце 20 – го и начале 21-го века в основе исследований лежал метод структурного анализа, который воспринимал текст как закрытую систему, что привело к стагнации исследований.

Практика чтения первоисточника показала, что повествование выходит за рамки структуры, так как существует контекст, как внутри текста, так и снаружи; также повествование динамично, т.е. не вписывается в цельную, устойчивую структуру. Таким образом возникает необходимость акцентировать внимание том, что не схватывается структурой, но является важным аспектом для раскрытия сути текста

В этой связи важным является построение такого подхода к изучению «Кодзики», который бы, основываясь на анализе динамики повествования выявил метаморфозы миров, то есть неустойчивость и изменчивость значений Небесного и Земного мира, Ямато и Изумо, а также акцентируя внимание на значимости контекста определил бы динамику нарратива через призму шаманистических верований в древней Японии. Разработка данной методологии привела бы к переосмыслинию мифологических истоков древнего государства Ямато и преодолению традиционного структуралистского подхода в изучении «Кодзики».

Этот подход на данный момент не раскрыт и не получил освящения в специальной литературе японских, англоязычных, русскоязычных и казахстанских авторов, поэтому нуждается в дальнейшей разработке. Поиск путей обоснования и решения данной проблемы составил суть данного исследования.

Таким образом, *объектом исследования является* первый памятник японской письменной литературы «Кодзики (записи о деяниях древности)». *Предметом исследования является* анализ метаморфоз миров в «Кодзики». *Целью исследования является* анализ разработки новой методологии к изучению «Кодзики», основанной на анализе метаморфоз миров.

Методы и материалы. В конце 20 – го и начале 21-го века в основе исследований лежал метод структурного анализа, теоретическая основа которого была заимствована японскими учеными у европейских структуралистов. Структуралистский подход предполагает наличие устойчивой структуры, компоненты которой, взаимодействуя друг с другом, образуют единое целое, таким образом текст воспринимается как закрытая система. Компонентами структуры являются противоположные друг другу элементы. Эти противоположности составляют бинарные оппозиции А и В (В1), где А обозначает центр, порядок, священность, В обозначает периферию, хаос, мирское [4, 174].

Один из первых структуралистов Н. Сайго провел структурный анализ, вследствие которого выявил в «Кодзики» цельную структуру, состоящую из противоположных друг другу элементов. Н. Сайго утверждает, что миры, божества, о которых ведется повествование, обретают свое значение только будучи встроеными в это структуральное взаимодействие. В качестве примера можно привести оппозицию мира Высоких Небесных Полей (高天原 *Takama-no Hara*), где рождаются и правят божественные предков императора, и Серединной страны тростниковых полей (葦原中国 *Acuhara-no Nakau Kuни*), т.е. страны земных богов [3, 44-45]. В данной оппозиции мир Высоких Небесных Полей олицетворяет центр, порядок, священное, а Серединная страна тростниковых полей означает периферию, хаос, мирское. То же самое можно сказать о противостоянии государства Ямато и племенного объединения Изумо, где Ямато обозначает центр и порядок, а Изумо олицетворяет периферию и хаос Н. Сайго выдвигает трех-ступенчатую структуру вселенной, где Верхним миром является мир Высоких Небесных Полей (高天原 *Takama-no Hara*), Серединым миром является Серединная страна тростниковых полей (葦原中国 *Acuhara-no Nakau Kuни*), страна, которую населяют земные боги и духи, а в Нижний мир входят Страна Желтых Вод (黄泉国 *Emi-no Kuни*), Страна на Твердых Корнях (根堅州国 *Nэ-но-катасукуни*) и Морская равнина (海原 *Una bara*). Верхний мир олицетворяет центр, святость и порядок, т.е. соответствует элементу А, Серединый мир олицетворяет периферию, хаос и мирское, соответствуя элементу В. А Нижний мир усиливает структурные значения В, таким образом вписываясь в единое целое. Н. Сайго утверждает, что эта схема взаимодействий пронизывает повествование «Кодзики», тем самым наполняя единым смыслом всю структуру древнего произведения. Без оппозиционного взаимодействия этих противоположностей, этих символических схем понимание «Кодзики» как целого произведения невозможно [3, 23].

Одним из основных последователей Н.Сайго является Т.Коноси, чьи исследования сохранили актуальность по сей день. Т.Коноси так же, как и Н.Сайго основывается на противостоянии бинарных оппозиций, но в отличии от Н.Сайго выдвигает двухступенчатую картину вселенной. Следя Т.Коноси вселенная в японской мифологии состоит из двух миров – Верхнего и Серединного, где Верхним миром является мир Высоких Небесных Полей (高天原 *Takama-no Hara*), А Серединый мир включает в себя все остальные миры [6, 63-74].

Структуралистский подход понимал текст как закрытую систему, что привело к стагнации исследований. Таким образом возникла необходимость акцентировать внимание том, что не схватывается структурой, но является важным аспектом для раскрытия сути текста. Проблематика преодоления структурного анализа в отношении изучения «Кодзики» не раскрыта и не получила должного освещения в специальной литературе японских, англоязычных, русскоязычных и казахстанских авторов, поэтому нуждается в дальнейшей разработке. Поиск путей решения данной проблемы обусловил выбор направления настоящего исследования.

В этой связи основным направлением данного исследования явилось построение нового подхода к прочтению «Кодзики», который основываясь на анализе динамики повествования выявит метаморфозы миров, то есть неустойчивость и изменчивость значений Небесного и Земного мира, Ямато и Изумо, а также, акцентируя внимание на значимости контекста, определит динамику нарратива.

Данный подход опирается на применении методов анализа литературного текста, основанных на идеях постструктурализма, то есть теоретико-методологические положения по проблематике структурного анализа и его преодоления в европейской и японской науке, такие как Ж. Деррида, М. Фуко, Р. Барт, Т. Коноси, С. Миура [7, 19-34].

Таким образом, методика данного исследования опирается на применении методов анализа литературного текста, основанных на идеях постструктурализма. В научном

исследовании применены теоретико-методологические положения по проблематике структурного анализа и его преодоления в европейской и японской науке. При выполнении исследования использована обширная информационная база, включающая в себя шесть вариантов перевода иероглифики и трактовки грамматики древне-японского языка, существующих с эпохи Эдо, такие как трактовки Н.Мотоори, К.Курено, Н.Сайго, К.Нисимия, Т.Коноси. Также были изучены уникальные рукописи 1, 2, и 3-го свитков «Кодзики», хранящиеся в Национальной библиотеке Японии в г.Токио и в Исследовательском центре изучения японской литературы (г.Токио).

Результаты и обсуждение. Следующие результаты были получены при проведении данного исследования:

1. Миры, о которых ведется повествование в «Кодзики», претерпевают постоянные метаморфозы, то есть меняют свои значения в процессе повествования.

2. Элементы нарратива подвижны и изменчивы, они не схватываются в цельную и устойчивую структуру произведения.

3. Бинарные оппозиции, как центр и периферия, священное и мирское, порядок и хаос, на которых основывается метод структурного анализа не актуальны в изучении «Кодзики»; изменение и динамика схем взаимодействия миров составляет основы повествования «Кодзики».

4. Построена новая практика чтения, в результате которой обосновано положение, что элементы целого не сохраняют устойчивое значение, претерпевают постоянные изменения, что неизбежно приводит к распаду структуры.

5. Разработан и введен новый подход к интерпретации текста, который позволяет преодолеть ключевые понятия структуралистского подхода как структурность, бинарные оппозиции.

В этой главе мы проведем детальный анализ миров, о которых ведется повествование в «Кодзики». 1-й свиток «Кодзики» начинается со слов о том, что когда зародились Небо и Земля на Высоких Небесных Полях появились первые боги: Амэ-но-минака-нуси-но ками – Бог-Правитель Священного Центра Небес; за ним Така-ми-мусуби-но ками – Бог Высокого Священного Творения; за ним Камимусуби-но ками – Бог Божественного Творения. После них появились еще трое божеств, которые составили пять поколений особых небесных богов. После них появилось семь поколений парных богов, в общем количестве двенадцати богов.

Здесь нужно отметить, что действие богов, явившихся в самом начале, распределяется между Небом и Землей, таким образом Така-ми-мусуби-но ками олицетворяет животворящую силу Неба, а Камимусуби-но ками олицетворяет животворящую силу Земли. Появление каждого из богов символизирует поэтапное формирование вселенной, зарождение небесной и земной основ, а также основ, созидающих дух и тело.

В начале повествования 1-го свитка «Кодзики» мы не видим разделения между Небесным и Земным мирами, в данном контексте Высокие Небесные Поля играют роль места появления богов, места, где зарождается животворящая энергия, которая дает начало вселенной. Но по мере появления других миров значение Высоких Небесных Полей будет неизбежно меняться.

Последней парой семи поколений богов появляются брат и сестра Изанаги и Изанами. Они женятся друг на друге и Изанами рожает японские острова, моря, реки, деревья, травы. Когда Изанами рожает бога огня, он опаляет ее внутренности, и богиня Изанами умирает, что в «Кодзики» описывается как переход в Страну Желтых Вод – мир мертвых. Ее супруг, бог Изанаки отправляется за ней, однако увидев ее разлагающееся тело, он пугается и возвращается назад. Здесь мы видим первое упоминание о Серединной Стране Тростниковых Полей, в данном контексте эта страна символизирует мир живых людей, куда вернулся Изанаки после пребывания в мире мертвых.

Изанами догоняет Изанаки и у входа в Серединную Страну Тростниковых Полей они произносят слова прощания друг с другом. Изанами грозится ежедневно забирать тысячу живых из Серединной Страны, в ответ на это Изанаки клянется каждый день строить по полторы тысячи родильных изб, что говорит о том, что живых всегда будет больше, нежели мертвых. Этот миф рассказывает о возникновении смерти на земле, о том почему люди смертны, ведь раньше они могли жить вечно как боги. Таким образом Серединная Страна Тростниковых Полей утверждается в своем значении мира живых, а Страна Желтых Вод в значении мира мертвых.

Этот эпизод является одним из ключевых в «Кодзики», так как повествует об образовании сразу двух миров и показывает, что миры не схвачены в устойчивую структуру, как было принято считать при структурном анализе, а образуются и обретают свои значения в процессе повествования.

Изанаки, вернувшись в мир живых, дает жизнь триаде высших божеств, это Аматерасу - богиня солнца, Сусано- бог ветра и бури, и Цукуеми – бог луны. Аматерасу восхищает Изанаки своим светом и величием и Изанаки поручает ей править миром Высоких Небесных Полей. Цукуеми становится правителем ночной страны, а Сусано повелевают править Водной Равниной. Однако Сусано противится приказу своего отца и говорит, что желает отправиться в мир мертвых, где находится его мать. Сусано непрестанно плачет, плач его превращает все живое в выжженную пустыню, и звуки плача его напоминают неистовый ураган.

Изанаки изгоняет Сусано из страны живых, но перед тем, как покинуть страну Сусано решает навестить свою сестру Аматерасу для того, чтобы попрощаться. Аматерасу думает, что Сусано хочет отобрать у нее Небесные Поля и вооружается, но проигрывает сражение с Сусано. Вследствие чего Сусано оскверняет мир Высоких Небесных Полей, совершая запретные действия.

В данном эпизоде мы видим противодействие двух богов, Аматерасу, которая представляет мир Высоких Небесных Полей и Сусано, который представляет Серединную Страну Тростниковых Полей. Приход Сусано вызвал большие волнения в правлении Аматерасу, что означает, что Небесные Поля не являются миром, обладающим абсолютной и неопровергимой властью, которая присуща центру. Сусано побеждает Аматерасу в поединке и это говорит о том, что в этом противостоянии побеждает Серединная Страна Тростниковых Полей, т.е. мир земных богов и духов намного сильнее мира небесных богов.

Ученые структуралисты наделяют мир небесных богов такими значениями как центр, священное, порядок, а мир земных богов такими значениями как периферия, мирское, хаос, однако вследствие проведенного анализа данного эпизода мы приходим к совершенно противоположным выводам. Мы видим, что бушующая сила Сусано побеждает энергию Высоких Небесных Полей, и Небесные поля становятся миром, поверженным в смуту; это не священный центр, это место, олицетворяющее хаос. Таким образом становится очевидным, что обитатели Серединной Страны могут внести хаос в мир Высоких Небесных Полей. Также Серединная Страна Тростниковых Полей является местом рождения триады высших божеств, которые становятся правителями трех миров, что говорит о том, что Серединная Страна является источником силы и власти, и имеет возможность оказывать влияние на другие миры. Из этого следует, что мир Высоких Небесных Полей является вторичным по отношению к Серединной стране, которую населяют земные божества.

В результате анализа, акцентированного на данном контексте, мы видим, что такие бинарные оппозиции, как центр – периферия, порядок- хаос, которые составляют основу структурного анализа, не подходят для понимания текста и не приемлемы для изучения «Кодзики».

Необходимо также обратить внимание на то, что значения мира Высоких Небесных Полей претерпевают изменения в динамике повествования. В начале повествования это

место зарождения вселенной, энергия, дающая рождения всему живому [8, 158]. Однако по мере образования других миров, значения Высоких Небесных Полей меняются. Вследствие появления страны живых, страны мертвых и их противостояния друг другу, рождения Аматерасу, Небесные Поля приобретают значение мира, который населяют небесные боги во главе с богиней солнца Аматерасу. И, как было отмечено выше, Высокие Небесные Поля становится миром вторичным по отношению к Серединной Стране Тростниковых Полей. Также метаморфозы происходят и с Серединной Страной Тростниковых Полей. Если в период правления Изанаки Серединная Страна была противопоставлены миру мертвых и в этом контексте обозначала мир живых, то после прихода к власти Окунинуси, Серединная Страна стала обозначать мир земных богов и духов, с центром в местности Изумо.

Данный анализ приводит к выводу о том, что миры претерпевают метаморфозы, то есть значения миров не постоянны и подвижны. Меняя свое значение, они создают нить повествования, которое не схватывается структурой.

Следующее столкновение Высоких Небесных Полей и Серединной Страны Тростниковых Полей происходит в эпизоде, где главными героями являются потомки Аматурасу и Сусано. Сусано после изгнания из Высоких Небесных Полей спускается в местность Изумо, где, убив дракона Ямата-но Орохи женится на принцессе Кусинада Химе. Его потомок в шестом поколении бог Окунинуси становится правителем Серединной Страны Тростниковых Полей.

Значение имени Окунинуси – Хозяин Великой Страны, Окунинуси предстает как добный и справедливый правитель, он помогает животным и его правление наполнено миром и спокойствием [9, 278].

Тем временем у Аматерасу, которая продолжает править миром Высоких Небесных Полей, рождается внук, и она решает сделать его правителем не только мира небесных богов, но и земного мира. Небесные боги созывают совет, на котором принимают решение направить посланников в Серединную Страну для того, чтобы утихомирить земных богов и поставить у власти внука Аматерасу, Хонониниги. Здесь нужно отметить, что для описания земных богов используется слово “荒ぶる神 *aрабуру ками*”. Предыдущие исследователи трактовали это выражение как “непокорные, варварские боги”, и исходя из этого значения воспринимали Серединную Страну Тростниковых Полей как мир хаоса и периферии, которую населяют первобытные духи [10, 99]. Однако слово “荒ぶる арабуру” в своем исходном значении несет смысл “сильный, испускающий силу”, из этого следует, что земные боги обладают первозданной силой, а не являются варварскими [11, 125].

Первый посланник Высоких Небесных Полей, Аменохохи прибыл в Серединную Страну, стал вассалом Окунинуси и не выполнил приказа небесных богов. Второй посланник, Аменовакахико тоже не выполнил приказ и пожелал остаться в Серединной Стране, не возвращаясь на небо. Только третий посланник Такемиказучи смог вступить в переговоры с Окунинуси и его детьми, в результате которых Окунинуси пообещал передать страну потомкам Аматерасу взамен на то, что небесные боги построят храм для Окунинуси и будут воздавать ему почести. Небесные боги выполнили эти условия и Хонониниги, спустившись с небес, стал правителем Земли.

Этот эпизод передачи правления от Окунинуси к Хонониниги структуралисты толковали как покорение Серединной страны, усмирение первобытных варварских богов небесными богами во главе с Аматерасу. Однако из того факта, что двое посланников отказались выполнять поручение небесных богов и стали вассалами Окунинуси следует, что Серединная страна являлась процветающей страной, где было комфортно находиться. Небесные боги смогли получить власть над Серединной страной лишь выполнив условие Окунинуси и воздав ему почести.

Данный анализ подтверждает наши выводы о том, что Небесный и Земной миры не соответствуют значениям, заявленным структуралистским подходом. Сами миры

претерпевают изменения в динамике повествования, они подвижны и неустойчивы и нехватываются в цельную структуру. Подобный анализ приводит к краху структуры и означает преодоление структурного подхода.

Заключение. На основании полученных результатов были сделаны следующие выводы:

- выявлено, что миры, о которых ведется повествование в «Кодзики», претерпевают постоянные метаморфозы, то есть меняют свои значения в процессе повествования
- доказано, что элементы нарратива подвижны и изменчивы, они нехватываются в цельную и устойчивую структуру произведения.
- выявлено, что бинарные оппозиции, как центр и периферия, священное и мирское, порядок и хаос, на которых основывается метод структурного анализа, не актуальны в изучении «Кодзики»;
- обосновано, что изменение и динамика схем взаимодействия миров составляет основы повествования «Кодзики».
- построена новая практика чтения, в результате которой доказано положение, «что элементы целого не сохраняют устойчивое значение, претерпевают постоянные изменения, что неизбежно приводит к распаду структуры».

Положительные результаты проведенного исследования позволяют проводить дальнейшие научные исследования в русле постструктурализма в японской, казахстанской и мировой науке. Положения статьи можно использовать при чтении курса по литературе, культуре древней Японии. Результаты исследования могут быть применены в дальнейших разработках и исследованиях, посвященных осмыслинию наследия древней культуры Японии, и могут способствовать развитию диалога между культурами стран Центральной Азии и Дальнего Востока.

Список использованной литературы:

1. Motoori N. 本居宣長. *Kojikiden* [古事記伝]. Tokyo: Iwanami Shoten, 1996.
2. Леви-Стросс Клод. Структурная антропология. Автор пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова. – Москва: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. – 512 с.
3. Saigō N. *Kojiki no Sekai* 古事記の世界. – Tokyo: Iwanami shoten, 1978
4. Kamnochi T 神野志隆光. *Kojiki no sekaikan* [古事記の世界観]. – Tokyo: Yoshikawa Kōbunkan, 2008
5. Галиева А.М., Ибрагимова З.З. Структурный метод К. Леви-Страсса в этнологии и мифологии: поиск бинарных оппозиций и мифем // Труды Международной научно-практической конференции «Ауэзовские чтения – 15: Третья модернизация Казахстана – новые концепции и современные решения «посвященной 120-летию Мухтара Омархановича Ауэзова». – Шымкент: НИУ ЮКГУ им. М. Ауэзова, 2017. – С. 173-176.
6. Konoshi T. *The land of Yomi: On the mythical world of the Kojiki*. Japanese Journal of Religious Studies, 9(1). – Tokyo: Nanzan Institute for Religion and Culture, 1984. – p.57-76.
7. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. – Москва: Интранда, 1996.
8. Andassova M.M. 「スーパー・フィズムの神秘主義詩および日本の古代神話にみる時間の認識」荒木浩編『〈無常〉の変相と未来觀: その視界と國際比較』思文閣出版. – Kyoto: Shibunkaku Shuppan, 2025
9. Torrance R. *Phamochi: The Great God who created all under heaven*. Japanese Journal of Religious Studies, – 2019. – 46(2), 277-317.
10. Kamnochi T. (ed.). *Kojiki* [古事記]. *Shinsen Nihon koten bungaku zenshū*. – Tokyo: Shogakukan, 2017.
11. Mizubayashi T. *Kodai tennōsei ni okeru Izumo kanren shogishiki to Izumo shinwa* [古代天皇制における出雲関連諸儀式と出雲神話] // Bulletin of the National Museum of Japanese History, 152, 2009. – 105-149.

References:

1. Motoori N. (1996). *Kojikiden* [古事記伝]. Tokyo: Iwanami Shoten. [in Japanese]
2. Lüvi-Strauss C. (2001). *Strukturnaya antropologiya* [Structural anthropology] (trans. V.V. Ivanov). Moscow: EKSMO-Press. 512 p. [in Russian]
3. Saigō N. (1978). *Kojiki no sekai* [古事記の世界]. Tokyo: Iwanami Shoten. [in Japanese]
4. Kamnoch T. 神野志隆光 (2008). *Kojiki no sekaikan* [古事記の世界観]. Tokyo: Yoshikawa Kōbunkan. [in Japanese]
5. Galieva A.M., Ibragimova Z.Z. (2017). *Strukturnyy metod K. Levi-Strossa v etnologii i mifologii: poisk binarnykh oppozitsiy i mifem* [The structural method of C. Lévi-Strauss in ethnology and mythology: The search for binary oppositions and mythemes]. In Proceedings of the International Scientific and Practical Conference “Auezov Readings-15: The Third Modernization of Kazakhstan – New Concepts and Contemporary Solutions” dedicated to the 120th anniversary of Mukhtar O. Auezov (pp. 173-176). Shymkent: South Kazakhstan State University. [in Russian]
6. Konoshi T. (1984). *The land of Yomi: On the mythical world of the Kojiki*. Japanese Journal of Religious Studies, 9(1), 57-76.
7. Ilyin I.P. (1996). *Poststrukturalizm. Dekonstruktivizm. Postmodernizm* [Poststructuralism. Deconstructionism. Postmodernism]. Moscow: Intrada. [in Russian]
8. Andassova M.M. (2025). 「スーアイズムの神秘主義詩および日本の古代神話にみる時間の認識」荒木浩編『〈無常〉の変相と未来観: その視界と国際比較』思文閣出版. Kyoto: Shibunkaku Shuppan, 2025 [in Japanese]
9. Torrance R. (2019). *Φnamochi: The great god who created all under heaven*. Japanese Journal of Religious Studies, 46(2), 277-317. [in Japanese]
10. Kamnoch T. (Ed.). (2017). *Kojiki* [古事記]. *Shinsen Nihon koten bungaku zenshū*. Tokyo: Shogakukan. [in Japanese]
11. Mizubayashi T. (2009). *Kodai tennōsei ni okeru Izumo kanren shogishiki to Izumo shinwa* [古代天皇制における出雲関連諸儀式と出雲神話]. Bulletin of the National Museum of Japanese History, 152, 105-149. [in Japanese]

IRSTI 17.07.65

10.51889/2959-5657.2025.92.3.009

Valiyeva Z.R.
Dulaty University
Taraz, Kazakhstan
e-mail: zemfira.valieva@mail.ru

RUSSIAN-LANGUAGE LITERATURE PROGRESS IN KAZAKHSTAN

Abstract

The aim of the article is to show the development of Russian-language literature in Kazakhstan. The object of the article is the progress of Russian literature in Kazakhstan. The actuality of the article lies in the significance of Russian-language literature in Kazakhstan and its historical context. The practical significance of the article is that its material can be used for lectures on literature studies. It highlights the development of Russian-language literature in Kazakhstan from its inception, providing information about the most outstanding Kazakhstani writers and their best works. These writers are the founders of Russian-language literature in Kazakhstan. The stages of the progress of Kazakhstani Russian-language literature are described in the article.

Keywords: Russian literature, progress, writers, works, development, history

Valieva Z.P.

M.X. Дулати атындағы Тараз өңірлік университеті

Тараз, Қазақстан

e-mail: zemfira.valieva@mail.ru

ҚАЗАҚСТАНДА ОРЫС ТІЛІНДЕГІ ӘДЕБИЕТІНІҢ ДАМУЫ

Аннотация

Мақаланың мақсаты – Қазақстандағы орыс тілді әдебиеттің дамуын көрсету. Мақаланың объектісі – Қазақстандағы орыс әдебиетінің прогрессі. Мақаланың өзектілігі Қазақстандағы орыс тілді әдебиеттің маңыздылығы мен оның тарихи контекстінде жатыр. Мақаланың практикалық маңыздылығы оның материалын әдебиеттану бойынша дәрістерде қолдануға болатындығында. Мақалада Қазақстандағы орыс тілді әдебиеттің дамуының бастауынан бастап, ең көрнекті қазақстанның жазушылар мен олардың ең үздік шығармалары туралы ақпарат беріледі. Бұл жазушылар Қазақстандағы орыс тілді әдебиеттің негізін қалаушылар болып табылады. Мақалада қазақстанның орыс тілді әдебиеттің прогрессінің кезеңдері сипатталған.

Түйін сөздер: орыс әдебиеті, прогресс, жазушылар, шығармалар, даму, тарих

Valieva Z.P.

Таразский региональный университет имени М.Х. Дулати

Тараз, Казахстан

e-mail: zemfira.valieva@mail.ru

РАЗВИТИЕ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В КАЗАХСТАНЕ

Аннотация

Цель статьи - показать развитие русскоязычной литературы в Казахстане. Объект статьи - прогресс русской литературы в Казахстане. Актуальность статьи заключается в значимости русскоязычной литературы в Казахстане и её историческом контексте. Практическая значимость статьи заключается в том, что её материал может быть использован для лекций по литературоведению. В статье освещается развитие русскоязычной литературы в Казахстане с самого начала, предоставляется информация о самых выдающихся казахстанских писателях и их лучших произведениях. Эти писатели являются основателями русскоязычной литературы в Казахстане. В статье описаны этапы прогресса казахстанской русскоязычной литературы.

Ключевые слова: русская литература, прогресс, писатели, произведения, развитие, история

Introduction. “The literature of the people of Kazakhstan is a unique and multifaceted phenomenon, a unique creative phenomenon, including Kazakh, Russian, Uyghur, Kurdish, German, Tatar, Korean, Uzbek literature” [1, 2]. “Russian literature of Kazakhstan is part of the general literary process of the multicultural environment of the republic and at the same time an independent creative phenomenon that has a significant impact on the spiritual atmosphere of Kazakhstan. A large, fruitful branch of Russian literature functions quite actively” [1, 43]. Currently, many books are published every year in our country. Their authors are Russian and Russian-language writers from Kazakhstan. The Republic of Kazakhstan has the largest number of Russian writers after Russia.

Methods and materials. In the paper the methods used for the investigation are observational study, case reports, literature review.

The information was taken from the collective monograph *Literature of the people of Kazakhstan*, second edition, supplemented, and from the book *Literature of Kazakhstan*, encyclopedic reference book.

Results and discussion. Dm. Furmanov, Vs. Ivanov, P. Vasiliev, L. Martynov, S. Markov, I. Shukhov, N. Anov, F. Berezovsky made a huge contribution to the development of Russian literature in Kazakhstan. The theme of Kazakhstan was expressed in a special way in Sorokin's work. The works of many writers reflected the social processes that take place in the Republic of Kazakhstan. Writers talked about the war, about the life of the inhabitants of the steppe, about friendships between peoples, international relations and the construction of a new future.

The history of Russian literature in Kazakhstan has its pre-revolutionary roots. In the Russian literature of Kazakhstan at the very beginning the concept of Eurasianism was dominant. Russian writers and poets were fascinated by the theme of the East. Eurasianism means faith and tolerance at the junction of Europe and Asia, which serves as the basis for spiritual and moral unity. At the same time, Eurasianism has fertile soil in the arts. Another name for it is the spiritual unity of cultures, which includes the process of close interaction between Slavic and Turkic culture. Despite the close relationship, these two types of cultures easily maintain their originality.

Russian Orientalists persistently sought to strengthen literary relations between Kazakhstan and Russia. This process contributed to the establishment of the Eurasian basis of the literary process in the Republic of Kazakhstan. One of these Orientalists was Alexander Efimovich Alektorov. Among all the works of Alexander Efimovich Alektorov, the most important is his biobibliographical "Index of books, magazine and newspaper articles and notes about the Kyrgyz." It came out in 1900. This work serves as an index of the titles of articles, essays and other works about Kazakhstan, which were collected from the Russian press. Alektorov's works contributed to journalism and folklore of the nineteenth and twentieth centuries. This orientalist wrote about the history of the Kazakh people and collected folklore, ethnographic and historical material about the life, traditions, customs and other types of culture of the Kazakh people. In his works, Alexander Efimovich Alektorov called Ybyray Altynsarın "Pushkin of the Kyrgyz."

In addition to Alexander Efimovich Alektorov, orientalists who contributed to the development of Russian-language literature in Kazakhstan were V.V. Velyaminova-Zernova, A.I. Levshina, G.N. Potanina, V.V. Radlova, A.N. Kharuzina, N.M. Yadrintseva. They tried to fully study the Kazakh people. They based their works on anthropology and ethnography.

Kazakh folklore was studied by A.E. Alektorov, V.P. Vasiliev, G.N. Potanin, V.V. Radlov, P.M. Melioransky, N.I. Ilminsky, I.N. Berezin. Their works were carefully studied and published.

Close Russian-Kazakh literary relations developed throughout the nineteenth century. Russia's interest in the East was growing, because at that time works about the Kazakh people were often published in Russia. Russians became acquainted with Kazakh culture, history and aesthetics when they read such books. This process influenced international relations and affected politics, economics and culture.

The founders of Russian literature in Kazakhstan are Russian residents of the Republic of Kazakhstan I. Shukhov, M. Zverev, Dm. Snegin, V. Chugunov, D. Cherepanov, etc. Their themes were human brotherhood and freedom. Among them you can find the names of Russian-speaking poets P. Vasiliev and P. Kuznetsov. Vasiliev Pavel Nikolaevich wrote about the images of the Kazakh steppe. The most famous of his such poems is "Asian" [2]. Russian writers and poets of Kazakhstan always have elements from Kazakh culture. They reflect information about Kazakh life, customs, traditions, oral folk art, etc. Pavel Vasiliev Nikolaevich has vivid imagery in his poems, where he describes the Kazakh steppe.

Then came the 30s. Russian literature in Kazakhstan wrote about real events, about changes in the morality of people of modern times, as well as about the formation of a different citizenship. In works of art from this period of time there are characters of different nationalities. Maxim Alekseevich Gorky had his influence on Kazakh literature. His books were published jointly with

Kazakh writers Nikolai Ivanovich Anov and Ivan Petrovich Shukhov. The novel “Hate” is a novel about Kazakhstan today [3, 594]. In the thirties of the twentieth century, professional literary criticism arose in Kazakhstan. Writers M. Batalov, M. Silchenko, M. Fetisov, I. Shukhov created their works in this direction.

In 1933, a great event took place in the history of Russian literature in Kazakhstan. A Russian section has appeared in the organization of writers of Kazakhstan. This section included I. Shukhov, M. Zverev, P. Kuznetsov, Dm. Snegin and others. In their essays and stories, V. Chugunov, D. Cherepanov, L. Makeev, I. Shukhov wrote about industrialization and collectivization processes in Kazakhstan. I. Shukhov wrote about man and his homeland, about man's work. Besides him, famous critics of that time were M. Sholokhov and F. Panferov.

The thirties of the twentieth century in Kazakhstan were marked by famine and collectivization. At this time, poets came from Russia to Kazakhstan. They translated Kazakh works into Russian. They composed their own works similar to these works. For example, A. Bezymensky, Vs. Rozhdestvensky and B. Ruchev translated Abai. Poets of this time - V. Kopytin, N. Titov, P. Vasiliev, M. Pastushenko. They are noted as optimistic poets in the history of Kazakhstani literature. Other poets of this time, like A. Aldan-Semyonov, Dm. Snegin and I. Kalashnikov write about labor enthusiasm, friendship of people, love and the Motherland.

The classics of Kazakh literature are M.O. Auezov, G. Musrepov, S. Mukanov, A. Nurpeisov. They created their own and joint works. For example, Leonid Sobolev, together with Mukhtar Auezov, wrote the books “Abai” and “Epic and Folklore of the Kazakh People.” Dal, Alektorov, Ilminsky, and Tveritin made their contribution to the preservation of valuable monuments of the spiritual culture of the Kazakh people.

One of the famous writers of that time was the People's Writer of Kazakhstan, Maxim Zverev. In his essays, stories he raised the topic of the life of nature. He was interested in the Altai forests, Tien Shan mountains, floodplains of the Balkhash region and deserts.

The prose of another writer of that time, Yuri Osipovich Dombrovsky, covers socio-historical events in Kazakhstan, regression, camps, evacuation, development of virgin lands, resettlement of Volga and Caucasian Germans. His most famous works are “Keeper of Antiquities”, “Faculty of Unnecessary Things”. He wrote about the Kazakh intelligentsia of the twentieth century. The novel “Derzhavin” is considered the first Kazakh work by Yuri Osipovich Dombrovsky.

At this historical time, great interest was shown in the poetry of P. Kuznetsov, N. Titov, Dm. Snegin, V. Chugunov, I. Kalashnikov. Literary critics of that time M. Batalov, D.N. expressed their point of view about their poetry. Nikolic, M.S. Silchenko, N.S. Smirnova, I.Kh. Gabdirov, E.I. Landau, M.I. Ritman-Fetisov, E. Lizunova, K. Kurova, N.K. Savchenko, A.L. Zhovtis, N.S., Rovensky, P.P. Kosenko, A.L. Malovichko, etc.

Russian-speaking writers of Kazakhstan wrote about the exploits of the people during the Great Patriotic War. They were the poets Dm. Snegin, P. Kuznetsov, V. Chugunov, P. Bogdanov, L. Makeev. Writers on this list include I. Shukhov, L. Sharikov, Dm. Snegin, Vas. Antonov, V. Skorobogatov, O. Merkulov, L. Krivoshchekov, V. Vanyushin, N. Korsunov and others.

In the 60-80s, N. Kuzmin wrote about the development of virgin and fallow lands in his work “At the Steep Yar”, V. Vanyushin in his work “Fulcrum Point”, D. Cherepanov in his work “Steepness”, I. Shchegolikhin in his “Snowstorms”, G. Chernogolovin in “Two Days Until Spring”, A. Kiyanits in “High Flood”, N. Korsunov in “Without Witnesses” and “Where the Knitting Tree Is Weaved”. However, at that time it was forbidden to state the full truth about the virgin lands.

N. Pichurin wrote about the working class in the sixties and eighties in his work “City in the Steppe”, F. Chirva in his work “Trains Don't Go There”, V. Burenkov in his work “To spice up the plot”, V. Berdennikov in his work “Warm Earth” and “Roots”, etc.

During these years, interest in the history of Kazakhstan intensified. N. Anov, A. Sergeev, P. Kuznetsov, Dm. wrote about Zhambyl Zhabayev, Mikhail Mikhailov, Uraz Dzhandosov, Ibrai

Altynsarın, Alibi Dzhangildin and Vladimir Zagorsky. Snegin, M. Simashko, I. Shchegolikhin, G. Sviridov. They examined the person completely.

P.Kosenko publishes biographies - chronicles about Russian and Soviet writers. They were P. Vasiliev, Vs. Ivanov, A. Sorokin, F. Dostoevsky.

The story “A Man Finds Happiness” by Pavel Nikolaevich Kuznetsov reflects the years 1845-1860. Historical moments affect the friendship of Chokan Valikhanov with Fyodor Dostoevsky, P. Semenov and G. Potanin. [4].

Sabit Mukanovich Mukanov, a classic literary critic, also wrote about Chokan Valikhanov. In the novel “A Flashing Meteor” he is shown as an educated, freedom-loving and moral person [5].

Kosenko Pavel Petrovich in his book “Irtysh and Neva. Twelve years from the life of Fyodor Dostoevsky, writer” recreated the image of Fyodor Dostoevsky [6].

The historical works “Ak-Mosque” by N.Anov, “St. Petersburg Ambassador” by A.Sergeev and “The Bell” by M. Simashko depict the process of Kazakhstan’s annexation to Russia. The images of historical work reflect the national character of the people.

In the second half of the 80-s of the 20th century, the topic of interpenetration into foreign worlds became relevant. For example, in the novel “The St. Petersburg Ambassador” by Alexander Nikolaevich Sergeev, the steppe life of the Kazakh people of the eighteenth century and their national character are depicted. The work depicts reality, the everyday life of the Kazakh people, steppe hunting and migrations through summer pastures [7].

His contemporary, Maurice Davidovich Simashko, writes in his novel “The Bell” about the formation of the views of the outstanding educator Ybyray Altynsarın. Ybyray Altynsarın is a Kazakh teacher and public figure. The writer managed to recreate the historical situation of that time and the characters of the characters [8].

Along with M.Simashko and A.Sergeev, A.Alimzhanov and A.Kekilbayev wrote about the accession of Kazakhstan to Russia. Anuar Turlybekovich Alimzhanov has a novel “Messenger”, which tells the story of the mission of the Russian ambassador Tevkeleev to the Kazakh steppe [9].

Abish Kekilbayevich Kekilbayev has a novel “The Pleiades - a constellation of hope.” In the book, the author provides general information about the historical processes of that time. This philosophical novel tells about the prerequisites for the annexation of Kazakhstan to Russia [10].

In general, the process of Kazakhstan’s accession to Russia brought positive results. Writers began to write at this time that statehood appeared in the Kazakh steppe, the people began to obey the laws and civil strife stopped, in which many good, innocent inhabitants of the Kazakh steppes died. Neighbors waging war against the Kazakh people began to carry out fewer attacks. The level of the economy has increased. Steppe agriculture arose and trade began to develop. Kazakhstan switched to a sedentary lifestyle. These events became the theme of Kazakhstan writers of that historical time.

The story “Intervention in Omsk” by Nikolai Ivanovich Anov depicts the civil war [11].

In the dilogy “Morning and Two Steps at Noon” by Dmitry Fedorovich Snegin, the theme of revolutions is raised. The historical and revolutionary theme was the main one for Dmitry Snegin. Uraz Dzhandosov is one of his main characters [12].

Nikolai Alekseevich Raevsky made a significant contribution to the development of Kazakhstan literature. In his polar books “If Portraits Speak” and “Portraits Speak,” the author talks about Alexander Sergeevich Pushkin [13]. “If Portraits Speak” is not a dry scientific study, but a fascinating story about the curious discoveries of a Pushkin scholar” [14, 2].

Unlucky people are poets, not all of them, however, but many...Forgetting the order of the prophet, they drink wine, debauchery in every possible way, mock people and each other [15, 2].

Nikolai Alekseevich Raevsky contributed to world Pushkin studies. Thanks to the research of this writer, it became possible to better and more accurately recreate the appearance of Natalia Goncharova, Alexander Sergeevich Pushkin, and the life of the Fikelman, Vyazemsky and Goncharov families. Goncharova is the wife of the great Russian poet, Alexander Sergeevich Pushkin. The activities of Nikolai Raevsky brought new scientific materials. Today they are the property of a huge readership.

Both prose and poetry of the period of the Great Patriotic War have their own page in the history of Kazakhstani literature. Its representatives: Dm. Snegin, P. Kuznetsov, V. Chugunov, P. Bogdanov, L. Makeev, L. Skalkovsky, L. Krivoshchekov, N. Korsunov, V. Skorobogatov and others. The leading themes of literature of this historical time: frontal brotherhood, Soviet patriotism, humanism, deontological duty, equality of all nations in the face of the threat of war. When poets were at the front, they published their works in the military press. It included combat leaflets, new newspapers, etc. The best works of this time: the story "On the Distant Approaches" and "The Parliamentarian Leaves the Reichstag" by Dm. Snegin; "If you stay alive", "Ordinary time of war" and "Starting line" by Vasily Antonov; "Without bowing my head", "Meet me in Berlin" and "Guardsmen" by Fyodor Egorov; "And they called the regiment Berlin", "We are coming to you, Prut" and "The volleys died down" by Vasily Skorobogaty; "Unfulfilled sentence" Sergeeva and others.

"On the Distant Approaches" is a story about the feat of arms of Kazakh soldiers from the famous 8th Guards Panfilov Division in the defense of Moscow.

"The parliamentarian leaves the Reichstag" depicts the feat of the Kazakh citizen, Hero of the Soviet Union I.Ya. Syanov and his comrades during the storming of the Reichstag.

The third military story, "Waiting," is based on an episode from the heroic chronicle of Captain Lysenko's battalion, which was the reserve of General I.V. Panfilov.

The events of the story "Autumn Equinox" take place in one of the virgin state farms in Kazakhstan, but echoes of the recently past war can be heard in it [16].

For the third night, the village was tormented by oppressive silence. Here, in the old Cossack village of Lobanova, the last spark of the kulak uprising was trampled [17].

The military prose of Kazakhstan includes the novels "For Your Sake", "West of the Dnieper", "On Two Banks" by Oleg Merkulov; "The Supreme Measure" by N. Korsunov; "The War Goes to the West" by L. Krivoshchekov; "Fau Hunters" and "English Fortress" by V. Petrov and others.

"The War Goes to the West" is a novel by Leonid Danilovich Krivoshchekov. The main character is Lieutenant Maksimov. The novel depicts the process of formation of his character and the formation of his personality. The heroes of the novel "The War Goes to the West" are ordinary soldiers, sergeants and officers of an infantry battalion who daily perform their feats of arms. In conditions of a brutal war, they remain people of high moral principles, clear and firm convictions [18].

Nikolai Korsunov's work "The Highest Measure" depicts pre-war life, the work of villagers from the village of Izluchnoye during the war, and the courage of Tabakov's regiment. This novel recreates scenes of military battles. The work is full of lyrical digressions, monologues of characters and landscape sketches [19].

Patriotism and friendship of peoples are the leading ideas in Kazakhstani literature, which tells about the Great Patriotic War, about the working class of the people. There are also works on this topic: "Trains Don't Go There" by Fyodor Ermolaevich Chirva; "Copper Mountain" ("The novel takes place at the largest copper mine in Kazakhstan" [20]) and "To spice up the plot," where socialist principles are defended and established" [21] by Valery Burenkov; "City in the Steppe" and "Dawns over the Steppe" by Nikolai Pichugin; "Warm Land" ("This book is about the difficult days of the war, about courage and betrayal, about true love and easily accessible love, about the formation of personality and its destruction" [22]) and "Roots" by Vladlen Konstantinovich Berdennikov.

Another thematic cycle about virgin lands and agricultural work included the works "At the Steep Yar" by Nikolai Kuzmin, "Fulcrum" by Vasily Fedorovich Vanyushin, "Steepness" by Dmitry Feofanovich Cherepanov, "Two days until spring" and "Risk Zone" by Galina Vasilievna Chernogolovina, "Snowdrops" and "Without Witnesses" by Nikolai Korsunov, "Flood" by Andrei Petrovich Kiyanitsa, "Blizzard Snow" by Ivan Pavlovich Shchegolikhin.

The topic of virgin lands is considered the most significant in the post-war period. Essays on this topic were published by Shukhov I., Kiyanitsa A., Snegin Dm., Chernogolovin G. Among the

poets of Kazakhstan, F. Morgun, L. Krivoshchekov, P. Shcheglov and others wrote about the virgin lands. Among the plays about virgin lands, the best is “At the Behest of the Heart” by N. Anov and Ya. Stein, “The Heirs” by N. Anov.

In 1963-1974, the magazine “Prostor” was especially popular. Its editor was I.P. Shukhov. It published A. Platonov’s story “Dzhan”, Pasternak’s play “Blind Beauty”, stories by Y. Kazakov, poems by O. Mandelstam, M. Tsvetaeva’s cycle “To Mayakovsky”, J. Gert’s novel “Who, if not you?” and story “Lier”

Prose of the 60-70-s writes about morality. Yuri Mikhailovich Gert portrayed the social and moral quests of the best part of the youth of those years.

The next stage of the literary process was the depiction of nature. In Kazakhstan he worked as “a naturalist artist, a singer of nature, a bright representative of scientific and artistic literature” [23, 135]. This is Maxim Zverev, naturalist writer, zoologist. He created a new direction in literature - to write about nature, about animals, about the world around us. He was joined by such famous writers and poets as P. Marikovsky, V. Mosolov, D. Ryabukha, A. Elkov, A. Skvortsov, R. Tamarina, V. Antonov, G. Kruglyakov, O. Postnikov, G. Madzigon, I Potakhina. In the 70-80s, the works of N. Chernova, V. Niktenko, L. Stepanova, A. Solovyov were published.

V. Badikov wrote about Tamara Madzigon: “Essentially an urban poet, Tamara wrote amazingly a lot about nature, fell in love with it, became close to it, like Pasternak, as with her double, and always took her as a defender and client. In essence, these are not landscapes, but intimate philosophical lyrics” [24, 242].

In the 80s the theme of spiritual and material deficit was raised. It took place in the novels of Yuri Mikhailovich Gert. For example, “The Night of Predestination”. Especially strongly it is reflected in the novels “Letters on birch bark” by A.Artsishevsky; “Judgment da Delo” by A.Zagorodnigo; “The Force of Coriolis” by V.Miroglov; “Deficit” and “Officials” by I.Shchegolikhin.

In the last decade of the twentieth century, the historical novel established itself with even greater force in the Russian literature of Kazakhstan. Simashko Maurice Davidovich played a huge role in this. Among his heroes can be identified historical people who contributed to the enlightenment of his people. In the novel “Mazdak” the author tells about real historical persons. They are Mazdak, the king of Kavadeh, the scribe Abraham. In his work “Semiramis” Maurice Davidovich Simashko shows the image of Catherine the Great. He tries to recreate her portrait with the greatest accuracy. In his work there is a thorough motif of big and small homeland. Such a motif is also in I. Shukhov, I. Shchegolikhin and others. In the book “The Road to the Holy Land” Simashko reflects on the Motherland. The protagonist of one of the stories in this book is Sultan Beibarys. This novella is called “Emshan”. The Sultan broke with power for the sake of his Motherland. In his work “Literary Stories” Maurice Davidovich Simashko writes about such historical figures as Y.Dombrovsky, I.Itkind, B.Lavrenev, F.Panferov, A.Tvardovsky, M.Auezov.

In the book by Dmitry Fyodorovich Snegin “Open to All. Conversations with Bauyrzhan Momyshuly” reveals the historical theme. The work is a synthesis of essays and biography. Snegin wrote about the heroism of the people during the Great Patriotic War. Dmitry Fyodorovich Snegin - People's writer of Kazakhstan, screenwriter, participant of the Second World War.

Modern literature of Kazakhstan is reflected most accurately in the magazine “Niva”. It has been published since 1991. The names of contemporaries of Kazakhstan literature: O.Shilenko, A.Sergeev, E.Myagkova, Y.Polyakov, L.Shashkova, S.Kunyaev, A. and N.Kazantsev, I.Kalyagin, V.Vladimirov, S.Yagmurov, N.Perovsky, V.Gundarev, Y.Grunin, T.Florovskaya, etc.

Since Kazakhstan gained independence, new works by A.Sergeev, N.Raevsky, V.Berdennikov have been published. These people are philosophers who tried to find the truth.

In the work of Vladlen Konstantinovich Berdennikov there is the idea of the unity of guilt and responsibility for all his own. Vladlen Berdennikov mentioned in his works the names of Kazakh poets and writers. They were N. Zabolotsky, N. Korzhavin, M. Yakovlev, Sh. Bekturov, A. Chizhevsky and others.

Yuri Vasilyevich Kungurtsev, writer and publicist, in the story “Dam” described the thirties in Kazakhstan. His heroes, historical personalities such as Dyusembai Altynbekov, A. Solzhenitsyn. In the story “Command” Kungurtsev Yuri Vasilyevich described the days of exile of the famous Russian writer Solzhenitsyn. His exile took place in Kazakhstan in the countryside.

The next representative of Kazakhstani modern literature is Ruth Tamarina. She is a participant of the Second World War. In 1991, Ruth Tamarina's documentary work “Sliver in the Stream” was published. In this work Tamarina writes about the years of repression. Her best poems: “Simple Truths”, ‘Hope’, ‘Green Wind’, ‘As long as there is tomorrow’ and others.

Another representative of Kazakhstan's artistic creativity is Adolf Alfonsovich Artsishevsky. The author wrote about ordinary people. Among his works the most famous are the novel “Day in the midst of summer” about paleontologists, “Dangerous Zone” about a hunter, a man with his sorrows and joys, “Top” about journalists, stories “Neskuchnye uchiny”, the novel “Letters on the Shore”, “The Land We Live On”, documentary stories and others.

In the 20th-21st century, at the turn of the century, in the Russian literature of Kazakhstan, publicism is gaining popularity. Chernogolovina Galina Vasilievna is a writer. In “Dead Wheel” she writes about I. Khudenko, E. Mikulina, I. Shukhov, T. Madzigon. She is concerned about the fate of modern writers. Her novella “Bright Wednesday” is a memoir about the writer I.P. Shukhov.

Potakhina Inna Vasilyevna wrote about her modernity. Her lyrics are reflective and sincere. In 1992 her collection “Intermission” was published, in 2000 - “The Bell”, in 1965 - “New Poems”, in 1977 - “Ski Walk”, in 1986 - “Violin Key”.

Lydia Stepanova is a poetess and translator. Since 1978 she worked as the head of the department of the publishing house “Zhalyn”, translated into Russian the works of Nurzhekeev B., Abdrahmanov T., Pfeffer P. Her poetry is joyful, ironic, timid and daring. The unity of emotional tone and lyrical experience is noticeable in it. She writes a portrait of her generation, creates sketches of nature.

Poems of Soloviev A., Marmontov V., Frolovskaya T., Lezina K., Deriev R., Shilenko O., Mikhailov V., Postnikov O., Gundarev V. and others enriched Russian poetry of Kazakhstan.

The past and the present up to the last decade of the twentieth century is touched by Ivan Pavlovich Shchegolikhin. In his works there is the motif of the Motherland, the complexity of social changes, and the tragic historical memory of the camps. Ivan Pavlovich Shchegolikhin is a national writer of Kazakhstan, translator. He is the author of many prose works. He translated into Russian “The Thorny Path” by Saken Seifulin, “Baluan Shulak” by Sabit Mukanov, “Eyewitness” by Gabit Mustafin, “Zhaiau Musa” by Zeitin Akishev and others. His best novels and stories: “Gray Field”, “And again morning”, “Time Machine”, “Shalnaya week”, etc.

One of the outstanding modern writers of Kazakhstan is Gundarev Vladimir Romanovich. He is a poet and writer of Kazakhstan. His most famous books are: “My Wooden Village” (1973); “Zimopis” (1976); “Chief Agronomist of the virgin lands” (1979); “The Bright River” (1980); “The Bright River” (1980); “Seven Days, and the whole life” (1987); “Our hearts are written here” (1994); “In the heart and memory of generations” (2000). His poems and books have been translated into Korean, German, Ukrainian, Kazakh, Slovak, French, Portuguese and Spanish. The poet, a Russian son of the Kazakh people, has a roll call of lyrical images, love of nature, love for the Motherland, the desire to learn the secrets of native nature, blood unity with the motherland. Exactly these themes are common for poets and writers of Kazakhstan of the twenty-first century. So, Vladimir Romanovich Gundarev appears to us in his poetry as a patriot and citizen who loves nature and admires it.

Valery Fedorovich Mikhailov is a Kazakh contemporary poet and writer. Valery Mikhailov, like all modern poets of Kazakhstan, loves his homeland. He describes his homeland colorfully in the poem “To the Motherland” in 1997. Valery Mikhailov writes about Kazakhstan. He has two homelands. He was born in Kazakhstan, but his grandfathers came from Russia. In his famous documentary story “Chronicle of the Great Jute” he writes about collectivization in Kazakhstan.

Today Kazakhstani writers and poets write about love and happiness, separation and loneliness, peace and war, friendship and betrayal, man and nature.

Poetesses write about love. In the Russian poetry of Kazakhstan these are: I. Potakhina, R. Tamarina, T. Madzigon, L. Lezina, L. Shashkova, L. Stepanova, R. Derieva, O. Shilenko, T. Frolovskaya, N. Chernova. This is love for a man, love for the Motherland, love for the places where we were born and grew up.

Among male poets of Kazakhstan of the twenty-first century stands out Alexander Matveev. His poems are imbued with the feeling of uncomfortable life, betrayal, failed love. He, like many modern poets, is published in the magazine “Niva”. His first book of poems “Pages of Memory” includes the motif of memory.

Alexander Dolgov is a poet. His lyrics are full of optimism. Especially famous are his poems “Obelisks” and “Maple Leaf”. The theme of this poem is the continuity of life, and the maple leaf is a symbol of immortality.

Alexander Kurlenya is another poet of modern times. He combines in his work a philosophical and lyrical beginning, the unity of man and nature.

Increased anxiety is one of the main features of Russian poetry of Kazakhstan of the last decade.

Modern poets and writers of Kazakhstan of different ages and professions. One of their main attributes is a connection with modernity, a sense of the crisis state of reality, patriotism, and a connection with history.

In Soviet times, the beginners of Kazakh Russian-language literature were Bauyrzhan Momysh-ul and Makan Jumagulov. The older generation includes O.Suleimenov, A.Alimzhanov, S.Sanbaev, E.Gabbasov, the middle generation includes A.Ezenova, R.Seisenbaev, B.Kanapyanov, B.Kairbekov, K.Bakbergenov, O.Zhanaidarov, B.Momyshuly, A.Kodar, A.Zhaksylykov, D.Nakipov, Kh.Bulibekov, K.Kabdralkhmanov, A.Didar, U.Tazhikenov, R.Burkitbaeva-Nukenova and others, to the new generation - S.Usenbekova, J.Nurpeisova, E.Askarbekov, M.Isenov, E.Zhumagulov, R.Gibintaev, A.Sabralieva, A.Makarimova and others. Their creativity is spiritual and of national origin.

Badikov Victor Vladimirovich studied prose and poetry of Russian, Kazakh, German, Uyghur, Tatar and Korean writers and poets of Kazakhstan. The results of these studies are in his works “On the Fracture of Times. Fate and voice of the artist”, ‘New winds’, ‘In the stream of time not to lose yourself’, etc.

Olzhas Suleimenov is a poet and public figure, People's Writer of Kazakhstan. His best works: a collection of poems “Argomaki”, a poem “Earth, bow to the man”, poetry collections “Sunny Nights” (1962), “Night of Parisian” (1963), “Good Time of Sunrise” (1964), “Transformation of Fire” (1981), etc.

Berik Magisovich Djilkibayev is a writer and translator. His best books are “Kazakh erotic novel”, “Master Ash Chiyan”, “Wormwood speech of Nogailinets Brodnik”. His works have been published in the magazines “Friendship of Peoples”, “Prostor”, “Ait”, almanacs “Knigolub” and “Literaturnaya Alma-Ata”. His main themes are the fates of philosophers and poets, sages of the East and rulers. In his works distant times echo with modernity. His motifs are historical, biblical and ethnographic.

In the prose of other Kazakhstani contemporary writers, R. Seisenbaev, S. Sanbaev, A. Zhaksylykov, D. Amantai, D. Nakipov, there is a deepening of psychologism, ambivalence of images, expansion of themes and drama.

Another writer, Rollan Shakenovich Seisenbaev, continues the theme of deontological duty to the younger generation, writing, moral duty to his homeland.

Stories and novels of the present “White Aruna” (1969), “When thirsty for myth!...”, “And eternal battle!..”, “Copper Colossus”, “The Road Only One” (1970, 1974), “Seasons of our life” (1981), “Wells of sultry valleys” (1976), “A bottle for perfume” (1985), created by writer and

translator Sanbaev Satimzhan Hamzauly. His frequent themes: happiness, love, good, duty, honor, justice, dignity, morality, the relationship of man with society, personality and history, the unity of one fate and the fate of all mankind, the history of the country.

Bakhytzhhan Musakhanovich Kanapyanov is a poet, honored worker of culture of Kazakhstan. His works include the poems "Night Coolness", "Reflection", "Sense of Peace", "Branch", "Line of Fate", a book of short stories 'Fireflies'. In his works, Bakhytzhhan Musakhanovich reflects on spiritual experience and continuity of knowledge. One of his best works is "Libra". Bakhytzhhan Kanapyanov's researches are devoted to poets Makhambet, Shakarim, M. Zhumabaev, S.-M. Toraigyrov, P. Vasiliev, I. Zhansugurov. He writes about the fate of Kazakh intelligentsia, about figures of Alash Orda, about translation, about the analysis of poetic text, about love to his Motherland, about his family, about native nature, about romantic moments in nature and life.

Bauyrzhan Momyshuly's prose is philosophical, figurative and metaphorical. In his story "Light of the wolf path" about the formation of the hero's personality, about his spiritual maturation and change of his worldview.

The next contemporary writer is Didar Amantai. The peculiarity of his style is the density of writing and short sentences. In his book "Chingiz Aitmatov and Modern Prose" Didar Amantai gave a classification of prose. It consists of five branches: social-anthropological prose, commercial, fantastic, philosophical-metaphysical and poetic. These styles are found in prose usually in mixed form. Didar Amantai's essays tend to be sad. His works value the past and emphasize historical memory. In his work "Requiem for Autumn" the author creates images of love and seasons. His work is considered melodic and dialogical. The main themes of Didar Amantai's work are the gift of words, the gift of creativity, the fates of writers, thinkers and poets. For example, the essay "Retrospective on Camus and Dostoevsky".

Another contemporary talent is the poet Dyusenbek Nakipov. His poetry is passionate and imaginative. It combines history and philosophy, plots and parallels. It is addressed to his contemporaries. This poetry is continued in the postmodernist poetic prose of Viktor Vladimirovich Badikov. His most famous works are "The Song of the Mollusk", "Gemini", "Circle of Ashes", "Shadow of the Wind", "Time of Re".

Amantai Akhetov is a contemporary poet of Kazakhstan. In his poetry he addresses the contemporary, patriot, aristocratic reader. In 2014, a collection of his poems "Star Midnight Burning" was published. Among prose, Akhetov Amantai's novel "Three Theories" is famous. He has had twenty original translated books published: "The Book of Repentance", "The Book of Memory", etc. In his work one can hear high civil motives, patriotism, pain for the fate of fellow countrymen, memories of childhood and youth, Kazakh folklore, historical legends, images of steppe beauties, batyrs, riders and storytellers. Eurasianism sounds in his poems.

Umit Tazhikenova's prose continues the line of modern creativity. Her famous books: "Sacralization of Memory" (2001), "Ascent to the Absolute" (2003), "Tamarisk Vine" (2009). Musicality of phrases and words, Asian mentality, variety of genres (novel, short story, translations, travel notes, journalism) are attributes of Tazhikenova's work. She writes about the fate of women, vicissitudes of fate, folk wisdom, the fate of grandfathers and fathers, humor and optimism, truth. Her heroes are traders, salesmen, cafe and restaurant staff, writers, doctors, artists, officials, journalists, etc.

Raushan Burkutbayeva-Nukanova is a contemporary writer of Kazakhstan. She is the author of more than ten books that have been published in Russia and Kazakhstan. These books are: "I envy the sun" (1996), "Nomadic Love" (1998), "Arabesques of Love" (1996), "Night Mirrors" (2001), "Mystery of the Night" (2002), "Quay of Dreams" (2006), "Quay of Hopes" (2006), "The Face of the Slipping Moon" (2008). Her prose is realistic and follows the hot trails of our modernity. Her work has been translated into several languages around the world. She is a poet and prose writer.

Ilya Andreevich Odegov, a twenty-first century writer, novelist and translator, is the author of four books of prose. His novels and stories have been published in literary magazines and

collections in Kazakhstan, Russia, the United States and Europe. The characteristic features of Ilya Andreevich Odegov's works are acute storytelling, mythologism, mysticism, documentary and authenticity.

Omar H. is a famous modern prose writer of Kazakhstan. On the pages of his stories the author reflects on eternal problems of existence; on life and death; on yurts and nomads; on rapidly passing life of mankind; on the history of native Kazakh people.

Bakhyt Kairbekov is a Kazakh translator, poet, writer and film director. His works include elegies, parables, lyrical miniatures, etc. His most famous collections are “Diary” and “The Way of Water”. In his work the writer unites heaven and earth, man and nature, life and art, beginning and end.

Auezhan Kodar is a Kazakh poet, playwright, philosopher, cultural critic, translator and literary critic. His most important books are “The Call of Being”, “Anthology of the Kazakh Steppe”, “The Color of the Moon”, “The Truth of Korkyt”, “Heirs of Genghis Khan”, “Mirror of Atimta”, “Birds and Angels”, “Confession”, etc. He writes about modernity, outstanding figures, historical memory, about his point of view, about his native steppe and its people, about national heroes.

Zhanaidarov Orynbay composes poems, odes, ballads, novels, historical poems, and science fiction stories. His books: “A Thousand Windows to the Steppe” (2001), “Dreams at Dawn” (2003), “Religion and Mythology of the Ancient Turks” (2004), “Myths of Ancient Kazakhstan” (2005), “Legends of Ancient Kazakhstan” (2006), etc. In his book “Poem about Chokan” he writes about the outstanding Kazakh figure Chokan Valikhanov. Orynbai Zhanaidarov's themes are post historical times, ancient clans and tribes. He unites native culture, people and nature with his creativity. He writes about native spaces, clean deep lakes, his homeland, camels, caravans, horses, the sound of hooves. With his work the author improves the understanding of Asian and European traditions in literature and history.

Kairat Bakbergenov is a Kazakhstani poet who is the author of poetry collections “Caught Wind” and “Rope”, scripts of cartoons “Invitation to the Game” and “Butterfly Season” [25, 98]. His work unites poetry of different poets of different centuries, different countries of the world, different linguistic elements and different cultures.

One of the representatives of Kazakhstani modernity is the writer Lilia Kalaus. Lilia Kalaus has her own individual style. She transforms the world in her work, applying grotesque. Eventfulness, visuality, emotionality of speech, nervousness in monologue and dialogue, vivid imagery, multilayeredness, variety of styles and genres, incompleteness of plot, impetuousness, incompleteness, clichés of modern mass literature, intertextuality, detectives, thrillers, comedies, ladies' novels about princes and Cinderellas, free speech behavior of characters - the characteristics of Lilia Kalaus' creativity.

Zemskov Mikhail Borisovich reflects on the fate of today's intellectuals. His creativity is universal. His themes: human dreams, life and life of society, sadness and passionate desires, beliefs and doubts. The work of this author, as well as the work of all other writers, has been greatly influenced by the mass media, including cinematography.

Gennady Nikolayevich Doronin is a writer. His famous books: “The verb of the past tense”, “Bersharyl”, “An old friend leaves”, “The Fourth Ten”, “The Life and Death of Pinocchio”, “Between Destinations”, “He and She”, “I would go to the magicians”, “Island”, “Reality Number One”. Acting persons of this writer are sociable and introverts, alcoholics and leading a healthy lifestyle, possessing free will, independently deciding their lives.

The work of Svetlana Nikolaevna Nazarova is autobiographical, subjective and full of feelings, images, descriptions, sharp, emotional, reflects her life experience. The main theme of her work is historical memory, commenting on the events of the past.

Serebryansky Yuri Yurievich is a Kazakhstani contemporary poet and prose writer. His best-known books are “My Karavazhdo” (2006), “Manuscript Found in the Back of the Head” (2010), “Destination.Road Pastoral” (2011). He is published in the magazines “New Youth”, “Friendship of Peoples”, “Znamya”, etc.

O. Fomina is a contemporary Kazakhstani writer. Her prose is original, light, sincere, fairy-tale, full of fantasy, plot, positive. The theme of traveling is reflected in the title of her stories: "The Amazing Adventures of Xontos", "The Adventures of Perlamktrovaya Button", etc.

Artemyeva Rimma Albertovna is a Kazakh poet, prose writer and publicist. She is published in magazines "Amanat", "Niva", "Prostor", "Tan-Sholpan", "Renaissance" (Ukraine), "Megalot", "Golstrim" (Russia), "Leaves" (USA), etc. Her most famous books are: "Three Generations of Women" (2001), "Wanderer" (2002), "Touches" (2005), "Thank You for Your Friendship" (2008), "Rhythms of Silence" (2010). She is one of the authors of the anthology "Independent Kazakhstan: Anthology of Modern Literature" (Moscow, 2013). The themes of publications, articles and essays by Rimma Albertovna Artemyeva are humanity, cultural heritage, great events in the life of literature and culture, the contact of different cultures and their influence on each other. This author has essays about outstanding personalities like P. Marikovsky, N. Raevsky, etc. Victor Vladimirovich Badikov, Kazakh literary critic, believed that Rimma Artemyeva Albertovna is a real poet, whose work is the heritage of the culture of the Republic of Kazakhstan.

Galina Shkavronskaya is a contemporary Kazakh poet and prose writer. She writes parables, novels, articles, poems. Her two poetry collections are best known - "Give me a Smile" (2009) and "Rainbow of Feelings" (2013). The themes of this author's reflections are life and time. She has poems written exclusively for children, such as "You are the sweetest of all!". Her most famous romances are: "Adagio", "Autumn Caprice", "The piano sounds", "Everything in this life ends sometimes", "Nights cool, quiet, quiet...".

The young poet Zhukov Roman is the author of modern poems, dramas, and miniatures. Landscape lyrics are of special importance in his work. The author writes about the younger generation. The origins of his creativity lie in his native nature. Zhukov's poem "Farewell to the colors of forgiveness" draws a kindred spirit in the world around us.

Conclusion. The fact that many master's and doctoral theses are written on the theme of creativity of domestic writers is evidence of humanitarization of education.

Thus, the development of Russian literature in Kazakhstan has its long history. Each period of its development is valuable with its peculiarities and innovations. It is characterized by its properties, authors and their works.

References:

1. Ananyeva S.V., Kalizhanov U.K. (Eds.). (2014). *Literatura naroda Kazakhstana: Kollektivnaya monografiya* [Literature of the people of Kazakhstan: Collective monograph] (2nd ed., rev. and suppl.). Almaty: KazAkparat. Institute of Literature and Art named after M. O. Auezov.
2. Vasil'ev P.N. (2007). *Stikhi i poemy (sbornik)* [Poems and poems (collection)]. - Moscow: DNA.
3. Shukhov I.P. (1996). *Izbrannoe* [Selected]. - Almaty: Zhazushy.
4. Kuznetsov P.A. (1955). *Chelovek nakhodit schast'ye* [Man finds happiness]. - Moscow: Sovetskii pisatel'.
5. Mukanov S.M. (1973). *Promel'knuvshiy meteor* [Flashing meteor]. Almaty: Zhazushy.
6. Kosenko P.P. (1971). *Irtysh i Neva: dvenadtsat' let iz zhizni Fyodora Dostoevskogo, literatora* [Irtysh and Neva: Twelve years from the life of Fyodor Dostoevsky, literary man]. Alma-Ata: Zhazushy.
7. Sergeev A.N. (1980). *Peterburgskii posol* [St. Petersburg ambassador]. - Alma-Ata: Zhazushy.
8. Simashko M.D. (2011). *Kolokol: Istoricheskii roman; rasskazy* [The bell: Historical novel; stories]. Astana: Audarma.
9. Alimzhhanov A.T. (1977). *Gonets* [Messenger]. Moscow: Molodaya gvardiya.
10. Kekilbaev A. (1987). *Pleyady – sovezdiye nadezhdy* [The Pleiades is the constellation of hope] (trans. from Kazakh by Pankina). Alma-Ata: Zhalyn.
11. Anov N.I. (1978). *Interventsiya v Omske* [Intervention in Omsk]. Alma-Ata: Zhazushy.
12. Snegin D.F. (1976). *Utro i dva shaga v polden'* [Morning and two steps at noon]. Alma-Ata: Zhazushy.

13. Raevskii N.A. (1974). *Portrety zagovorili* [The portraits began to speak]. Almaty: Zhazushy.
14. Raevskii N.A. (1965). *Yesli zagovoryat portrety* [If portraits start talking]. Almaty: Zhazushy.
15. Raevskii N.A. (2011). *Dzhafar i Dzhan* [Jafar and Jan]. Moscow: Kniga po Trebovaniyu.
16. Snegin D.F. (1980). *Ozhidaniye. Na dal'nikh podstupakh. Parlamenten vkhodit iz reykhstaga. Osenneye ravnodenstviye* [Expectation. On the distant approaches. The parliamentarian leaves the Reichstag. Autumn equinox]. Alma-Ata: Zhazushy.
17. Antonov V.V. (1962). *Yesli ostanetes' zhivy ...* [If You Survive...]. Alma-Ata: Kazakh State Publishing House of Art Literature.
18. Krivoshchekov L.D. (1971). *Voina idet na Zapad* [War goes to the West]. Alma-Ata: Zhazushy.
19. Korsunov N.F. (1988). *Vysshaya mera* [Higher measure]. Moscow: Sovetskii pisatel'.
20. Burenkov V.M. (1979). *Mednaya gora* [Copper Mountain]. Alma-Ata: Zhazushy.
21. Burenkov V.M (1986). *Dlya ostroty syuzheta* [For the thrill of the plot]. Alma-Ata: Zhazushy.
22. Berdennikov V.K. (1988). *Teplaya zemlya* [Warm land]. Alma-Ata: Zhazushy.
23. Gabdirov I.Kh., Yeleukonov Sh.R. (Eds.). (1992). *Tvorchestvo russkikh pisatelei Kazakhstana* [Creativity of Russian writers of Kazakhstan]. Alma-Ata: Gylm.
24. Badikov V.V. (1996). *Na izlome vremen: Sud'ba i golos khudozhnika* [On the fracture of times: The fate and voice of the artist]. Shymkent.
25. Literatura Kazakhstana (2010). *Entsiklopedicheskii spravochnik* [Literature of Kazakhstan. Encyclopedic reference book]. Almaty: Aruna Ltd.

МРНТИ 17.09.09

10.51889/2959-5657.2025.92.3.010

Varpa P.
Университет Палацкого в Оломоуце
Оломоуц, Чехия
e-mail: patrik.varga@upol.cz

РУДОЛЬФ ШТЕЙНЕР И ЕГО УЧЕНИЕ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ РУБЕЖА XIX-XX ВЕКОВ: ХРОНИКА СТАНОВЛЕНИЯ АНТРОПОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Аннотация

В предлагаемой вниманию читателей статье рассматриваются основные вехи становления Антропософского общества в дореволюционной России. В центре внимания – личности и организации, связанные с эзотерическими направлениями в русской культуре Серебряного века, в частности сторонники учения Р.Штейнера Маргарита Сабашникова, Анна Минцлова или Андрей Белый. В статье осмысливаются с учетом идей Р.Штейнера о судьбе и миссии России причины успеха антропософии среди большого количества деятелей русской культуры из символистских и околосимволистских кругов (теософы, издательство Мусагет и др.). Отдельное внимание уделяется в этом контексте значению лекций, прочитанных Р.Штейнером специально для русских слушателей в Гельсингфорсе в 1913 г. Некоторые материалы из личного архива Маргариты Сабашниковой в Дорнахе, Швейцария, публикуются впервые.

Ключевые слова: антропософия, Маргарита Сабашникова, Рудольф Штейнер, Андрей Белый, эзотеризм, Мусагет, Серебряный век

Благодарность: „Zpracování a vydání publikace bylo umožněno díky finanční podpoře Filozofické fakulty Univerzity Palackého v Olomouci v letech 2023-2026 z Fondu pro podporu vědecké činnosti.“ (Написание и издание настоящей публикации осуществлено благодаря финансовой поддержке Философского факультета Университета Палацкого в Оломоуце в 2023-2026 гг. из Фонда поощрения научной деятельности).

Varpa P.
Оломоуцтагы Палацкий университет
Оломоуц, Чехия
email: patrik.varga@upol.cz

**РУДОЛЬФ ШТАЙНЕР ЖӘНЕ ОНЫң XIX-XX ҒАСЫРЛАР
ТОҒЫСЫНДАҒЫ ОРЫС МӘДЕНИЕТИНДЕГІ ІЛМДЕРІ:
РЕВОЛЮЦИЯҒА ДЕЙІНГІ РЕСЕЙДЕГІ АНТРОПОСОФИЯЛЫҚ
ҚОҒАМНЫҢ ҚАЛЫПТАСУ ШЕЖИРЕСІ**

Ақдатта

Оқырмандар назарына ұсынылған мақалада революцияға дейінгі Ресейдегі Антропософиялық қоғамның қалыптасуының негізгі кезеңдері қарастырылады. Күміс ғасырдағы орыс мәдениетіндегі эзотерикалық бағыттармен байланысты тұлғалар мен ұйымдар, атап айтқанда Р. Штайнер ілімін жактаушылар Маргарита Сабашникова, Анна Минцлова немесе Андрей Белый. Макалада Р. Штайнердің Ресейдің тағдыры мен миссиясы туралы идеяларын ескере отырып, символистік және символизмге жақын топтардағы орыс мәдениетінің көптеген қайраткерлерінің (теософистер, Мусагет баспасы және т. б.) антропософияның сәттілігінің себептері түсіндіріледі. Бұл тұргыда Р. Штайнер 1913 жылы Гельсингфорстағы орыс тыңдаушылары үшін арнайы оқыған дәрістердің маңыздылығына ерекше назар аударылады.

Түйін сөздер: антропософия, Маргарита Сабашникова, Рудольф Штайнер, Андрей Белый, эзотеризм, Мусагет, Күміс ғасыр

Varga P.
Palacký University in Olomouc
Olomouc, Czech Republic
email: patrik.varga@upol.cz

**RUDOLF STEINER AND HIS TEACHINGS
IN RUSSIAN CULTURE AT THE TURN OF THE 19TH-20TH CENTURIES:
CHRONICLE OF THE FORMATION OF THE ANTHROPOSOPHICAL
SOCIETY IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA**

Abstract

This article examines the main milestones in the formation of the Anthroposophical Society in pre-revolutionary Russia. The focus is on individuals and organizations associated with esoteric trends in Russian culture of the Silver Age, in particular, supporters of the teachings of R. Steiner, Margarita Sabashnikova, Anna Mintslova or Andrei Bely. The article explores, taking into account R. Steiner's ideas about the fate and mission of Russia, the reasons for the success of anthroposophy among a large number of Russian cultural figures from symbolist and near-symbolist circles (theosophists, Musaget publishing house, etc.). In this context, special attention is paid to the significance of the lectures delivered by R. Steiner specifically for Russian listeners in Helsingfors

in 1913. Some materials from Margarita Sabashnikova's personal archive in Dornach, Switzerland, are being published for the first time.

Keywords: anthroposophy, Margarita Sabashnikova, Rudolf Steiner, Andrey Bely, esotericism, Musaget, the Silver Age

Введение. Конец XIX – начало XX столетия стали для Европы и России временем глубоких духовных и культурных трансформаций. Интеллектуальная жизнь оказалась в состоянии кризиса, вызванного одновременно и усталостью от рационализма, и разочарованием в позитивистской науке, которая не смогла дать ответы на «вечные вопросы» о смысле человеческого существования. Материалистическая картина мира, опиравшаяся на идеи прогресса и технического развития, вступала в противоречие с духовными устремлениями человека, что рождало потребность в новых мировоззренческих системах. Именно в этой атмосфере возник интерес к различным формам эзотеризма, мистицизма и новым религиозно-философским учениям, одним из которых стала антропософия Рудольфа Штейнера.

Для России подобный кризис имел особую остроту. Традиционная православная религиозность уже не удовлетворяла значительную часть образованных кругов, тогда как западный рационализм воспринимался как чуждый и слишком односторонний. Представители русской интеллигенции искали альтернативные пути, способные объединить веру и знание, мистическое и научное, личное духовное переживание и универсальные культурные смыслы. Именно в этой интеллектуальной атмосфере возник интерес к теософии Е. П. Блаватской, а затем и к антропософии Р. Штейнера. Последняя стала восприниматься не просто как западный духовный импорт, но как мировоззрение, способное осмыслить особую миссию России в контексте глобальной истории.

Серебряный век русской культуры, с его акцентом на символизм, религиозно-философский ренессанс и поиски новых форм духовности, оказался особенно благодатной почвой для рецепции идей Штейнера. Символисты – Андрей Белый, Вячеслав Иванов, Дмитрий Мережковский, Зинаида Гиппиус и многие другие – стремились к синтезу искусства, философии и религии, что создавало атмосферу открытости к новым духовным течениям. В этом контексте антропософия, соединявшая элементы западной философии, мистицизма, христианской традиции и эзотерики, представлялась как учение, соответствующее культурным запросам времени.

Знакомство русской интеллигенции с антропософией не было случайным и эпизодическим. Оно происходило на фоне активных транснациональных контактов, участия русских мыслителей и художников в европейских культурных процессах. Уже в конце XIX века русские теософы устанавливали связи с Европой, а к началу XX века в России появились собственные кружки и общества, ориентированные на изучение трудов Штейнера. Важнейшую роль сыграли личности, сумевшие соединить русский культурный контекст с европейской духовной традицией: Маргарита Сабашникова, Анна Минцлова, Андрей Белый, Мария фон Сиверс. Благодаря их усилиям антропософские идеи получили широкое распространение и были адаптированы к специфике русской духовной жизни.

Особое значение имели лекции Рудольфа Штейнера, прочитанные специально для русской аудитории, например в Гельсингфорсе в 1913 году. В них прозвучали тезисы о миссии России и её духовной роли в будущем человечества. Эти идеи находили отклик у многих представителей русской интеллигенции, воспринимавших Россию как страну, предназначенную к особой исторической роли. Таким образом, антропософия не только удовлетворяла личные религиозно-философские потребности, но и включалась в дискуссии о судьбах нации, что придавало ей дополнительную привлекательность.

Важно подчеркнуть, что обращение к учению Штейнера в России происходило не в изоляции, а в контексте более широкой культурной динамики. Серебряный век характеризовался необычайной интенсивностью духовных поисков, которые охватывали

разные слои общества: от философских салонов и литературных объединений до издательств, художественных кружков и религиозно-философских собраний. Теософия и антропософия становились неотъемлемой частью этого процесса, формируя альтернативное пространство для дискуссий о человеке, культуре и будущем.

Введение в исследование становления антропософского общества в дореволюционной России требует учёта нескольких аспектов. Во-первых, необходимо рассмотреть социокультурный контекст рубежа веков – кризис рационализма, поиски новых форм религиозности, интерес к восточным и западным эзотерическим учениям. Во-вторых, важно проанализировать личностный фактор: без конкретных деятелей русской культуры антропософия не смогла бы укорениться на российской почве. В-третьих, следует учесть транснациональное измерение: Россия не только воспринимала западные идеи, но и активно участвовала в их развитии, привнося собственный духовный опыт.

Таким образом, исследование антропософии в русской культуре начала XX века позволяет глубже понять специфику духовных поисков Серебряного века, выявить механизмы культурного трансфера и осознать роль России в международных религиозно-философских движениях. Настоящая статья ставит своей целью проследить хронику становления антропософского общества в дореволюционной России, выявить ключевых акторов этого процесса и показать, каким образом учение Рудольфа Штейнера интегрировалось в отечественный культурный и духовный контекст.

Методы и материалы. Методологической основой работы выступает междисциплинарный подход, объединяющий историко-культурный, философский и филологический анализ. В качестве источников привлекаются труды самих участников антропософского движения, архивные материалы, впервые введённые в научный оборот, а также исследования отечественных и зарубежных учёных. Такой подход позволяет реконструировать не только фактическую сторону становления антропософского общества в России, но и более широкие духовные смыслы, которые оно имело для русской культуры.

Введение к статье, таким образом, должно подчеркнуть актуальность изучаемой темы и её значимость для понимания истории русской культуры Серебряного века. Обращение к наследию Штейнера и его последователей открывает перспективы для анализа того, как русская интеллигенция на рубеже XIX и XX веков искала пути выхода из мировоззренческого кризиса, какие духовные ориентиры находила и каким образом интегрировала зарубежные учения в собственную традицию. Антропософия становится не только частью русской истории идей, но и важным свидетельством диалога России с Европой, результатом культурного обмена, в ходе которого отечественная культура одновременно усваивала и трансформировала западные концепции.

На рубеже XIX-XX столетий европейская культурная жизнь оказалась в состоянии глубокого духовного кризиса. Утрата доверия к материализму, утилитарному мировоззрению и вере в прогресс, который опирался исключительно на опытные методы науки как единственно верный путь к истине, вызвала в конце XIX века у значительной части образованных слоев общества острую реакцию. Эта реакция проявлялась во многих сферах культуры и стала универсальным феноменом эпохи. Россия не осталась в стороне от подобных процессов. Представители отечественной интеллигенции и художественных кругов пытались восполнить духовную пустоту, возникшую в результате разочарования в прежних идеалах, обращаясь к поискам новых форм религиозности и способов синтетического познания. Н.Бердяев называл эту ситуацию «кризисом официального знания» [1, 110]. Они оказали ощутимое влияние и на художественную культуру той эпохи [2, 5]. Одним из наиболее значимых направлений такого рода стала антропософия Рудольфа Штейнера, которая и стала предметом особого внимания настоящего исследования.

Настоящая статья опирается с одной стороны на хрестоматийные труды российской науки в области культуры и эзотерических течений в рамках Серебряного века русской

культуры (А.Богомолов, К.Свасьян, А.Лавров, Н.Бонецкая и др.), а с другой на немецкоязычные научные тексты, в которых исследуется культурное значение антропософии в России с учетом ее развития в немецком (Берлин), позже швейцарском центре (Дорнах). В этом отношении ключевыми представляются книги Р. Фон Мейдель и дорнахского антропософа и исследователя русского следа в антропософии, В.Куглера. Ценным источником для текста статьи оказались также труды самого Р.Штейнера, в особенности его лекции и изречения, посвященные России и ее месту в антропософской системе, и автобиографические публикации Маргариты Сабашниковой. Особое место занимают архивные материалы Сабашниковой, полученные в центральном архиве Антропософского общества в швейцарском Дорнахе. Некоторые из них публикуются впервые.

Результаты и обсуждения. Подъём интереса к эзотерическим учениям в России на переломе XIX–XX веков вполне закономерен. Как отмечал Н.Бердяев, подобные течения отвечали глубинным духовным запросам человека, разочарованного в господствующих формах науки, философии и религии [1, 110]. Важным пространством для развития новых форм духовных поисков стали не только литературные и художественные объединения, издательства и журналы, но и салоны представителей состоятельной московской и петербургской элиты. Именно там происходили встречи людей, стремившихся найти новые пути к «живой духовности».

Частично такие собрания заменяли запрещённые в 1903 году Религиозно-философские заседания под руководством Д.Мережковского, где можно было свободно обсуждать мировоззренческие вопросы с различных позиций [3, 30]. Но в отличие от кружков Мережковского, здесь внимание уделялось и нехристианским духовным традициям. Не случайно именно символисты и близкие к ним интеллектуальные круги оказались особенно восприимчивыми к подобным поискам, стремясь к открытию высших смыслов бытия [4, 147].

Одним из факторов, определявших притягательность первой волны русского штейнерианства, была его ориентация на христианскую основу и восприятие себя как обновлённого варианта подлинного христианства, отвечающего духу времени. Как подчёркивает Н.Бонецкая, интерес русской интеллигенции к антропософии возникал именно в контексте двойного кризиса – традиционного христианства и позитивистской науки [5, 418].

Русская версия штейнерианства оформилась в среде отечественных теософов. Теософия к концу XIX века стала популярным духовным направлением среди интеллигенции. Её основательница, Е.П. Блаватская, совместно с Г.Олкоттом и У.Джаджем в 1875 году создала Теософское общество. Провозглашая цель объединить разрозненные знания в целостное мировоззрение [1, 110], Блаватская противопоставляла себя западному материализму и утилитаризму, опираясь на идеи восточной мудрости, преимущественно индийской традиции, интерпретированной в собственной философской системе.

После смерти Е.П. Блаватской в 1891 году её последователи продолжили распространять идеи теософии в России. Сама Блаватская видела одной из своих задач донесение учения до соотечественников: её статьи под псевдонимом Радда-Бай печатались в периодических изданиях [3, 64], а путевые очерки, такие как «Из пещер и дебрей Индостана» и «Загадочные племена на голубых горах», быстро обрели популярность среди широкой читательской аудитории.

Однако реакция на её идеи была далеко не однозначной. Так, Вл. Соловьёв выступил с открытой критикой теософии, считая её чуждой российской духовной традиции и упрекая в излишне буддийском характере, который, по его мнению, угрожал христианскому миропониманию. Его «Заметка о Е. П. Блаватской» и рецензия на труд «The Key to the Theosophy» [6, 25] стали показательными примерами этой полемики. Тем не менее предостережения Соловьёва не смогли остановить рост интереса: уже вскоре теософия, а затем и антропософия Р. Штейнера приобрели заметную популярность в интеллигентских кругах. Это соотносится с запросами творческой и религиозно ищущей интеллигенции

Начало формирования самостоятельного Теософского общества в России можно отнести к первым годам XX века. В 1902 году на открытии немецкой секции Теософского общества в Берлине, возглавленной Р. Штейнером, присутствовала Е. Писарева (1853-1922). Под впечатлением от лекции А. Безант (1847-1933) она написала восторженную статью в «Санкт-Петербургских ведомостях» от 22 октября 1902 года [6, 26]. В своём отзыве Писарева подчеркивала универсальность теософского учения, способного соединить науку и религию, раскрыть божественные основы мироздания и содействовать единению народов и конфессий.

В том же году в Лондоне А. Каменская (1867-1952), преподавательница из Петербурга, присутствовала на лекциях Безант. Ранее она познакомилась с теософскими идеями благодаря Н. Гернету (1864-1932), члену английского теософского общества. Именно Каменская открыла двери в этот мир и для Марии фон Сиверс (1867-1948), будущей супруги и ближайшей соратницы Штейнера [6, 26-27].

Таким образом, Е. Писарева, А. Каменская и М. фон Сиверс (прибалтийская немка по происхождению) стали ключевыми фигурами раннего российского теософского движения. Писарева регулярно посещала лекции как А. Безант, так и Штейнера, тем самым вводя в культурное пространство России идеи обоих направлений, которые окончательно разделились лишь в 1913 году. В 1906 году она основала кружок имени Р. Штейнера в своём калужском имении, а позже организовала издательство «Лотос», выпускавшее в том числе и труды Штейнера [6, 27].

Особая роль в налаживании связи между русскими теософами и Р. Штейнером принадлежала Марии фон Сиверс. Именно она пересыпала в Россию его труды, о которых настойчиво просила Е. Писарева, и нередко сама занималась их переводом. До конца своей жизни фон Сиверс оставалась важным посредником между Штейнером и его российскими последователями. Вокруг кружка Писаревой формировалось пространство для обсуждений, где, помимо философских вопросов, затрагивались и интерпретации исторических событий с точки зрения теософии [3, 89-91].

В Санкт-Петербурге организацию местного теософского кружка взяла на себя А. Каменская. Она установила контакт с немецким кружком, которым руководила актриса М. фон Штраух-Спеттини (1847-1904) – близкая подруга фон Сиверс, знавшая Штейнера ещё с 1903 года. Неудивительно, что это объединение было ориентировано преимущественно на немецкую трактовку теософии, фактически тяготевшую к штейнерианству [6, 28]. После кончины Штраух-Спеттини Каменская активно содействовала созданию русского кружка при салоне А. Философовой. Последняя не только предоставила площадку для встреч, но и оказывала материальную поддержку идеи образования полноценного Теософского общества в России. Примечательно, что на собраниях у Философовой бывал и Д. Мережковский, который позднее встретился со Штейнером в Париже – встреча эта в итоге обозначила принципиальный раскол между ними как духовными лидерами новых течений [3, 67].

Важнейшей вехой в истории русского штейнерианства стала встреча Р. Штейнера с Анной Минцловой летом 1905 года в Берлине. Минцлова, фигура неоднозначная и яркая, имела обширные связи в культурной среде своего времени – её знали и В. Иванов, и А. Белый, и М. Волошин, и Н. Бердяев, и М. Сабашникова, и Э. Метнер, и многие другие. Современники приписывали ей сверхъестественные способности, а внешность нередко сравнивали с обликом Е. Блаватской, что лишь усиливало её исключительный ореол [4, 148].

Под воздействием Минцловой Волошин увлёкся теософскими трудами и стал воспринимать революционные события 1905 года в России через призму эзотерических учений, формируя свои историософские взгляды в духе теософии.

6 сентября 1905 года Минцлова написала Сабашниковой, находившейся тогда в Цюрихе, приглашая её на лекцию Штейнера. В характерной для неё манере она усилила значимость момента, внушая собеседнице ощущение избранности.

Постепенно у неё формируется чувство собственной «избранности» как ученицы, связанной с наставником особой духовной нитью, к которой она ещё не вполне готова.

Мережковский, наряду с Н.Бердяевым и В.Ивановым (чьи отношения с учением Штейнера были особенно сложными и во многом формировались под влиянием Минцловой), относился к так называемым «анти-штейнерам» [6, 76-77]. Это были мыслители, которые могли проявлять интерес к идеям Штейнера и сопоставлять их со своими взглядами, но при этом не признавали его духовного авторитета, поскольку видели себя самих в роли духовных лидеров.

Со временем, по мере обострения противоречий между англо-индийской и немецкой ветвями теософского движения, Анна Минцлова всё яснее осознавала раскол и постепенно отдалась сначала от петербургских, а затем и от московских теософов.

Художница не могла примириться с критическим настроем близкого ей человека в отношении Штейнера, которого она описывала почти в христологических тонах: «Вы не понимаете, что всё, что он даёт, – это его великая жертва и доброта; он, когда видит искалье, идёт на помощь; и о Вас он слушал с любовью и ждал Вас» [10, 575]. Несмотря на то, что Метнер даже присутствовал на одной из лекций Штейнера в Базеле, он так и остался непримиримым противником антропософского учения.

Своё окончательное выражение критика идей Штейнера у Э. Метнера получила в 1914 году в книге «Размысления о Гёте». Первоначально замысел включал два тома, однако издана была лишь первая часть; материалы ко второй – наброски и заметки – сохранились в его архиве [9, 234]. По сути, эта работа представляла собой резкую полемику против штейнеровского толкования натурфилософии Гёте и попытку опровергнуть предложенный Штейнером синтез эстетики, философии и науки. Тем самым Метнер стремился «подрубить корни» антропософии, лишив её гётовской опоры [там же, 233].

В том же 1914 году появился и текст Льва Кобылинского «Vigilemus!». Его автор, некогда горячий сторонник Штейнера, вследствие своего неустойчивого и порывистого характера превратился в ожесточённого противника. Эти публикации стали причиной окончательного разрыва с Андреем Белым, который вместе с А. Тургеневой ещё в 1912 году вошёл в круг личных учеников Штейнера.

Белый в тот период находился в Дорнахе, на строительстве Гетеанума, и открыто встал на защиту учителя от нападок Метнера и Кобылинского. Он всё глубже погружался в гётоведение, изучая интерпретации Штейнера в области философии природы и так называемого гетеанизма. Итогом этой работы стала его книга «Рудольф Штейнер и Гёте в мировоззрении современности», вышедшая в 1917 году. Резкий, порой даже фанатичный тон Белого, резко отличавшийся от стиля Кобылинского, и его безусловная преданность Штейнеру окончательно раскололи «триумвират» основателей «Мусагета». Как отмечал один из современников, «разделение между учредителями стало окончательным» [11, 515].

Помимо внутренней борьбы идей, значимым направлением работы издательства оставались переводы немецкой духовной литературы. Так, В. Иванов переводил Новалиса, А. Петровский – «Аврору» Я. Бёме, а в 1912 году увидели свет тексты и проповеди Майстера Экхарта в переводе М. Сабашниковой, снабжённые её собственным предисловием.

Рудольф Штейнер неоднократно затрагивал тему особого духовного предназначения русского народа в контексте исторической эволюции человечества. По его мысли, именно славянский мир, прежде всего русские, должны были унаследовать миссию, которую до этого выполнял германский человек, и стать авангардом новой духовной эпохи. В этой перспективе особая роль отводилась русским последователям антропософии. Впервые Штейнер имел возможность обратиться с подобными идеями к столь значительной группе русских слушателей.

Одним из событий, которое русские ученики восприняли как символ особого отношения Штейнера к ним, стало его совместное с ними посещение пасхального богослужения в

православной церкви. Характерная черта многих русских штейнерянцев заключалась не в том, чтобы заменить православие антропософией, а скорее в стремлении к их синтезу. Так, ещё в 1909 году Сабашникова в разговоре со Штейнером подчеркивала духовную силу и чистоту православной литургии и сравнивала её воздействие с собраниями антропософов. [8, 55].

Иногда, однако, подобные поиски принимали форму, которая выглядела внешне показной. Так, А. Тургенева вспоминала о К. Христофоровой, посещавшей берлинские собрания и регулярно приносившей на лекции Штейнера большие букеты роз. Она ставила их перед кафедрой, словно приношение, а после выступления раздавала «освящённые» цветы слушателям, что вызывало у многих недоумение [13, 35, перевод мой].

О ней же упоминала в дневнике Сабашникова, описывая впечатления от собраний в Гельсингфорсе в 1912 году. В тот раз Христофорова испекла пасхальный кулич, который был разрезан самим Штейнером в форме гексаграммы. Его жест и выражение лица напомнили Сабашниковой священническое благословение. После этого Штейнер произнёс речь о месте Христа в истории человечества [8, 62]. В её воспоминаниях отражён момент, когда он указывал на ограниченность современного сознания, способного переживать лишь «Положение во гроб», но ещё не постигшего подлинного смысла Воскресения. Он подчеркивал, что участие в подобном празднике должно обязывать каждого к духовной работе над собой, чтобы со временем приблизиться к пониманию тайны Воскресения [там же, 62].

Новости о кризисе-расколе 1913 г. дошли и до России благодаря Сабашниковой, которая передала московским друзьям сведения о событиях и сообщила, что в Германии уже идёт работа над уставом нового объединения. В ответ Б. Григоров, А. Петровский и В. Викентьев направили Безант письмо в Индию, заявив, что больше не признают её главой Теософского общества. Они обвиняли её в том, что она подменила христианский импульс современности восточной мудростью, исчерпавшей свою историческую миссию и превратившейся, по их мнению, в тормоз для развития [6, 155].

В письме Сабашниковой к А. Петровскому от 12 января 1912 года (сохранившемся в личных тетрадях антропософа М. Скрябиной) ярко отражена её внутренняя работа и переосмысление позиции Штейнера.

Третьего февраля 1913 года Штейнер прочитал лекцию «О сущности антропософии», где показал преемственность образа Софии в разных культурных эпохах: от античной мудрости через средневековую любовь к «фило-Софии» к современности, когда София должна быть воспринята человеком и вновь явлена миру в форме антропософии [8, 67, перевод мой]. Для русской аудитории эти слова неизбежно перекликались с образом Софии у В. Соловьёва. Белый, под впечатлением от лекции, сказал Сабашниковой: «Жена, облечённая в Солнце. [...] Это наш знак, София, о которой мы говорили и будем говорить» [там же, перевод мой].

Сабашникова, много читавшая Соловьёва, переведшая на немецкий его стихотворение «Бедный друг, истомил тебя путь...» и назвавшая «Оправдание добра» откровением Божественного слова [7, 136], вспомнила в тот момент и другого духовного авторитета – Серафима Саровского. Его пророчество о скором пришествии Богородицы она восприняла как связующее звено с антропософским учением. В дневниковой записи от 19 февраля 1913 года Сабашникова оставила слова: «Я подошла к Андрею Белому и сказала: “Владычица грядёт”. Слова Серафима» [архивная дневниковая запись 1913 г., Goetheanum-Archiv, Einheit 001, Mappe 0104].

Особого внимания заслуживает история открытия московской секции, так как именно в её первых шагах ярко проявились особенности самосознания и духовных установок русских антропософов. Символическим совпадением стало то, что в день основания Московского антропософского общества неподалёку от Базеля, в Дорнахе, началось строительство центра мирового Антропософского общества - Гетеанума. Для русских учеников Штейнера строительство Гетеанума приобрело религиозно-символический смысл как начало новой духовной культуры. То, что процесс возведения этого «храма антропософии» совпал с рождением Российского антропософического общества, только усилило у них чувство избранности и мессианского предназначения.

Как отмечал В.Федюшин, особым авторитетом в среде русских антропософов пользовались ближайшие ученики Штейнера, входившие в Эзотерическую школу. Эта закрытая группа считалась элитой, обладателями знаний, которые нельзя было доверить неподготовленным, чтобы не причинить вреда. Те, кто встречался со Штейнером лично, воспринимались как носители особого «ореола» [3, 112]. Среди них – Сабашникова, ещё ранее – Минцлова, а к моменту создания РАО – и Андрей Белый.

Маргарита Сабашникова, имевшая богатый личный опыт общения со Штейнером и долгие годы пребывавшая в кругу его учеников, воспринималась как «неофициальный представитель Дорнаха» в России [12, 9-10]. Она была связующим звеном между строящимся в Европе центром и русским антропософским сообществом. Исследователи, в частности А. Лавров, подчеркивали её исключительное положение и значительный авторитет в отечественном движении [11, 475].

Русская духовная жизнь никогда не ограничивалась рамками национальной традиции: она постоянно искала контакта с иными философскими и религиозными системами, чтобы в процессе взаимодействия осознать собственные горизонты. Именно поэтому антропософия оказалась в России не случайным «гостем», а движением, сумевшим пустить корни и стать частью внутреннего разговора о будущем человека и народа.

Когда мы обращаемся к атмосфере Серебряного века, мы ясно ощущаем напряжение эпохи. Это был период культурного «перелома», когда привычные основания, казавшиеся вечными, рушились на глазах. Рационализм XIX века, столь уверенный в себе, потерял убедительность. Традиционная православная вера, освящавшая жизнь поколений, оказалась для многих слишком формализованной, не отвечающей новым запросам. На фоне политических потрясений, революционных идей и социального неравенства духовный кризис стал неотъемлемой частью мировосприятия. В такой атмосфере любое учение, обещавшее гармонию духа и разума, новое осмысление христианства и перспективу будущего развития человечества, становилось чрезвычайно притягательным.

Антропософия Штейнера оказалась именно таким учением. Она утверждала, что человек есть не просто биологическое или социальное существо, но духовное начало, способное к развитию и восхождению. Для русских интеллигентов, переживавших «кризис смысла», это звучало как ответ на внутренний запрос. Но особенно важно то, что в лекциях Штейнера о судьбе России прозвучала мысль о её особой миссии – быть носителем нового духовного импульса, ведущего человечество в будущее. Эта идея, как известно, всегда была близка русской мысли: ещё славянофилы, а затем и философы религиозного ренессанса (Бердяев, Булгаков, Флоренский) говорили о «русской идее», о призвании России в истории. Штейнер, с позиций западного мистика, подтвердил и развил это ощущение.

Здесь мы сталкиваемся с важным парадоксом: Россия к началу XX века оказалась вновь необычайно открытой к духовному импорту. Но эта открытость не означала простого копирования. Русская культура обладала способностью трансформировать всё внешнее, «переплавлять» в собственном духовном котле. Поэтому антропософия в России приобрела иные черты, чем в Германии или Швейцарии. Она стала частью символистского мироощущения, проникла в художественное творчество, в религиозные дискуссии, в поиски синтеза православия и «нового христианства».

Взять хотя бы фигуру Андрея Белого. Для него Штейнер был не просто учителем, но духовным ориентиром, благодаря которому он пытался упорядочить собственные философские и художественные искания. Белый воспринимал антропософию как ключ к осмыслению мировых процессов, но одновременно видел в ней подтверждение особой роли России. Его книга «Рудольф Штейнер и Гёте» – это не только попытка объяснить философию наставника, но и шаг к построению «русской версии» штейнерианства.

Маргарита Сабашникова, Анна Минцлова, Мария фон Сиверс – каждая из этих женщин стала своеобразным медиатором между Штейнером и Россией. Их личные архивы,

воспоминания, переводы сыграли не меньшую роль, чем публичные лекции. Именно они сделали возможным встраивание антропософии в культурный контекст Москвы и Петербурга. И это тоже характерная черта русской рецепции: здесь важен не безличный институт, а конкретная личность, живое общение, передача духовного опыта из уст в уста.

Заключение. Подводя итог, можно сказать, что антропософия в России выполняла несколько функций. Во-первых, она стала ответом на кризис традиционного религиозного сознания, предлагая обновлённое христианство. Во-вторых, она удовлетворяла жажду синтеза – стремление соединить науку, философию, искусство и религию в единую систему. В-третьих, она позволяла русской интеллигенции осознать себя не на периферии мировой духовной жизни, а в её центре: ведь Штейнер прямо говорил о миссии России в будущей эпохе.

Но важно подчеркнуть и другое. Русское штейнерианство было неоднородным. Одни, как Андрей Белый, приняли его с восторгом. Другие, как Эмиль Метнер или Дмитрий Мережковский, встали в оппозицию, считая учение Штейнера опасным, чуждым, даже еретическим. Эта полемика лишь усилила интерес к антропософии, сделав её предметом горячих споров. Тем самым движение оказалось встроено в ткань русской культуры: ведь полемика – это тоже форма участия.

С исторической дистанции становится ясно: антропософия не стала в России массовым явлением, но её влияние на духовную атмосферу Серебряного века трудно переоценить. Она повлияла на художественные тексты, философские размышления, религиозные поиски. Более того, она оставила след и в последующих поколениях, особенно в эмиграции, где ученики Штейнера продолжали свою деятельность.

Сегодня обращение к этому опыту важно не только для историков культуры. В эпоху новых духовных кризисов, когда человечество вновь ищет баланс между наукой и верой, между техникой и духовностью, наследие Штейнера и его русских последователей может дать интересные импульсы для размышлений. Оно напоминает, что подлинная духовность не боится диалога, что вера и знание могут сосуществовать, что культура обретает подлинную силу именно в моменты кризисов, когда привычные ответы уже не удовлетворяют.

В этом смысле русская антропософия Серебряного века остаётся для нас не только предметом исторического исследования, но и живым вызовом. Она показывает, что даже в переломные моменты истории возможно искать гармонию, строить мосты между культурами и находить новые духовные импульсы.

Учение Рудольфа Штейнера стало для многих представителей русской интеллигенции Серебряного века важным ориентиром в поисках новых духовных и культурных оснований, а также в осмыслиении исторической миссии России. Его историософия, включавшая представления о грядущей роли русского народа, и христианско-мистическое содержание антропософии обусловили значительный интерес к этому движению и заметное влияние его идей на культурную жизнь рубежа веков. Русская антропософия, выросшая на основе теософии, оказала влияние не только на непосредственных учеников Штейнера – таких как М. Сабашникова, Эллис (Л. Кобылинский) или Андрей Белый, – но и, в более широком смысле, на круги символистов и религиозных мыслителей, включая тех, кто вступал с ней в диалог или в открытую полемику: М. Волошина, Э. Метнера, В. Иванова.

Список использованной литературы:

1. Бердяев Н.А. Н.А. Бердяев о русской философии. Ч. 2 / под ред. Б. Емельянова, А. Новикова. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1998.
2. Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм. – Москва: Новое литературное обозрение, 1999.
3. Fedjuschin V. Russlands Sehnsucht nach Spiritualität: Theosophie, Anthroposophie und die Russen. – Schaffhausen: Novalis Verlag, 1988.

4. Азадовский К.М., Купченко В.П. У истоков русского штейнерианства // Звезда. – 1998. – №6. – С. 146-191.
5. Бонецкая Н.К. Дух Серебряного века (феноменология эпохи). – Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2016.
6. Von Meydell R. Vor dem Thore. Ein Vierteljahrhundert Anthroposophie in Russland. – Bochum; Freiburg: projekt verlag, 2005.
7. Сабашникова М.В. Зеленая змея. История одной жизни. – Москва: Хуманус, 2015.
8. Woloschin M. Aus Tagebuchaufzeichnungen // Erinnerungen an Rudolf Steiner. Gesammelte Beiträge aus den „Mitteilungen aus der anthroposophischen Arbeit in Deutschland“ 1947-1978 / hrsg. von E. Beltle, K. Vierl. – Stuttgart: Verlag Freies Geistesleben, 1979. – S. 50-75.
9. Лагутина И.Н. Россия и Германия на перекрестке культур. Культурный трансфер в системе русско-немецких литературных взаимодействий конца XVIII – первой трети XX века. – Москва: Наука, 2008.
10. Глухова Е.А. Переписка Э.К. Метнера и М.В. Сабашниковой. 1911-1913 // Russian Literature. – 2015. – Т. LXXVII, №IV. – С. 569-589.
11. Лавров А.В. Символисты и другие. Статьи. Разыскания. Публикации. – Москва: Новое литературное обозрение, 2015.
12. Новиков Л.А. Московский Гетеанум. Несколько слов об антропософской топографии Москвы 1920-х годов // Антропософский архив Людвига Александровича Новикова / ред. D. Oboleńska, M. Rzeczycka, Д. Московская, М. Федоров. – Gdańsk; Moskwa: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2017.
13. Turgenieff A. Erinnerungen an Rudolf Steiner und die Arbeit am ersten Goetheanum. – Stuttgart: Verlag Freies Geistesleben, 1993.

References:

1. Berdiaev N.A. (1998). N. A. Berdiaev o russkoi filosofii. Ch. 2 [N. A. Berdyaevo on Russian philosophy. Pt. 2] / B. Emel'ianov, A. Novikov (Eds.). Sverdlovsk: Ural University Press. [in Russian]
2. Bogomolov N.A. (1999). Russkaia literatura nachala XX veka i okkul'tizm [Russian literature of the early 20th century and occultism]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. [in Russian]
3. Fedjuschin V. (1988). Russlands Sehnsucht nach Spiritualität: Theosophie, Anthroposophie und die Russen. Schaffhausen: Novalis Verlag. [in German]
4. Azadovskii K.M., Kupchenko V.P. (1998). U istokov russkogo shteynerianstva [At the origins of Russian Steinerianism]. Zvezda, (6), 146-191. [in Russian]
5. Bonetskaia N.K. (2016). Dukh Serebrianogo veka (fenomenologiya epokhi) [The spirit of the Silver Age (Phenomenology of the epoch)]. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initiativ. [in Russian]
6. Von Meydell R. (2005). Vor dem Thore. Ein Vierteljahrhundert Anthroposophie in Russland. Bochum; Freiburg: projekt verlag. [in German]
7. Sabashnikova M.V. (2015). Zelenaya zmeia. Istorija odnoi zhizni [The green snake. The story of one life]. Moscow: Khumanus. [in Russian]
8. Woloschin M. (1979). Aus Tagebuchaufzeichnungen. In E. Beltle & K. Vierl (Eds.), Erinnerungen an Rudolf Steiner. Gesammelte Beiträge aus den „Mitteilungen aus der anthroposophischen Arbeit in Deutschland“ 1947-1978 (pp. 50-75). Stuttgart: Verlag Freies Geistesleben. [in German]
9. Lagutina I.N. (2008). Rossiia i Germaniia na perekrestke kul'tur. Kul'turnyi transfer v sisteme russko-nemetskikh literaturnykh vzaimodeistvii kontsa XVIII – pervoi treti XX veka [Russia and Germany at the crossroads of cultures: Cultural transfer in the system of Russian-German literary interactions from the late 18th to the first third of the 20th century]. Moscow: Nauka. [in Russian]
10. Glukhova E.A. (2015). Perepisika E.K. Metnera i M.V. Sabashnikovoi. 1911-1913 [Correspondence of E.K. Metner and M.V. Sabashnikova. 1911-1913]. Russian Literature, 77(4), 569-589. [in Russian]

11. Lavrov A.V. (2015). *Simvolisty i drugie. Stat'i. Razyskaniia. Publikatsii* [Symbolists and others: Articles, investigations, publications]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. [in Russian]
12. Novikov L.A. (2017). *Moskovskii Geteaneum. Neskol'ko slov ob antroposofskoi topografiей Moskvy 1920-kh godov* [The Moscow Goetheanum: A few words about the anthroposophical topography of Moscow in the 1920s]. In D. Obolecska, M. Rzeczycka, D. Moskovskaia, & M. Fedorov (Eds.), *Antroposofskii arkhiv Ludviga Aleksandrovicha Novikova* [Anthroposophical archive of Ludvig Aleksandrovich Novikov] (pp. xx–xx). Gdańsk; Moscow: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego. [in Russian]
13. Turgenieff A. (1993). *Erinnerungen an Rudolf Steiner und die Arbeit am ersten Goetheanum*. Stuttgart: Verlag Freies Geistesleben. [in German]

МРНТИ 17.82.10

10.51889/2959-5657.2025.92.3.011

Қадыр Ә.
Орталық ұлттар университеті
Бейжің, Қытай
e-mail: ekberqadir@126.com

АБАЙ ҚҰНАНБАЕВ ЖӘНЕ ТЕЙІПЖАН ӘЛИЕВ

Аннотация

Бұл мақалада қазақ елінің ұлы ақыны, қоғам қайраткері Абай Құнанбайұлы пен Қытайдың атақты ұйғыр ақыны Тейіпжан Әлиевтың өмірі, жасампаздығы және білім алу, халқының қамын ойлау, ынтымақтылық қатарлы негізгі мәселелердегі ұқсастығы салыстырмалы түрде қарастырылады. Сонымен бірге мұндай ұқсастықтардың бұл екі ақынның әдеби жасампаздығына қандай ықпал көрсеткендігі айтылады. Бұл мәселеде Абай мен Тейіпжанның өлеңдері мысалға алына отырып, ұқсас тақырып, ұқсас мазмұнмен бірге екі ақынның жасампаздығы да өзіндік ерекшеліктерімен көрсетіледі. Сонымен қатар Тейіпжанның жас кезінен бастап Абай өлеңдерін оқып, сол өлеңдердің мазмұны мен формасы жағынан алған әсері өзінің де шығармашылығын дамытуға негіз болғаны айтылады. Оған дәлел – Тейіпжанның да «Сегізаяқ» деген өлең жазуы.

Сонымен бірге екі ақынның шығармашылығында ұқсастық қалай қалыптасты, қайдан пайда болды деген мәселе қарастырылады.

Түйін сөздер: жасампаздық, форма, мазмұн, ерекшелік, ұқсастық

Қадыр Ә.
Центральный университет национальностей
Пекин, Китай
e-mail: ekberqadir@126.com

АБАЙ КУНАНБАЕВ И ТЕЙІПЖАН АЛИЕВ

Аннотация

В данной статье проведен сравнительный анализ жизни и творчества великого казахского поэта, общественного деятеля Абая Кунанбаева и известного уйгурского поэта из Китая Тейпжана Алиева в таких ключевых областях, как образование, отношения к людям и солидарности. Также будет рассмотрено, как эти сходства повлияли на литературное творчество двух поэтов. В статье в качестве примеров рассматриваются стихотворения Абая

и Тейпжана, исследуется творчество обоих поэтов, отмечается схожесть с тематикой, а также показана их особенность. Авторы отмечают, что Тейпжан, с юных лет читавший стихи Абая и находившийся под влиянием содержания и формы этих стихотворений, стал основой для развития своего собственного творчества. Свидетельством этого является стихотворение Тейпжана «Сегизаяк».

Кроме того, будет рассмотрен вопрос о том, как сформировалось и откуда взялось сходство в творчестве двух поэтов.

Ключевые слова: творчество, форма, содержание, своеобразие, сходство

Kadyr A.
Minzu University of China
Beijing, China
e-mail: ekberqadir@126.com

ABAI KUNANBAYEV AND TEIPZHAN ALIYEV

Abstract

This article provides a comparative analysis of the life and work of the great Kazakh poet, public figure Abai Kunanbayev and the famous Uighur poet from China Teipzhan Aliyev in such key areas as education, attitudes towards people and solidarity. It will also be considered how these similarities influenced the literary work of the two poets. The article examines the poems of Abai and Teipzhan as examples, explores the work of both poets, notes the similarity with the subject, and also shows their peculiarities. The authors note that Teipzhan, who read Abai's poems from a young age and was influenced by the content and form of these poems, became the basis for the development of his own creativity. Evidence of this is Teipzhan's poem "Segizayak".

In addition, the question of how the similarity in the works of the two poets was formed and where it came from will be considered.

Keywords: creativity, form, content, originality, similarity

Кіріспе. Тейіпжан Әлиев – Қытайдағы ұйғыр әдебиетінің XX ғасырдағы атақты өкілдерінің бірі. Ол мемлекет іші мен шетелге танылған атақты ақын, әдебиет қайраткері. Тейіпжан өзінің көптеген өлең, дастан, мақалаларымен үйғыр әдебиетінде ғана емес, сонымен бірге Қытай Халық Республикасының әдебиетінде де ерекше орын алды. Ол кезінде Қытай мемлекеттік жазушылар қоғамы төрағасының орынбасары болып қызмет атқарған. Сондай-ақ бүкіл мемлекеттік аз ұлттардың әдеби шығармашылық жұмыстарына жауапты қызметкер болған.

Тейіпжан Әлиев 1930 жылы 12 сәуірде Қытайдағы Шыңжаң үйғыр автономиялық ауданының Қорғас ауылында дүниеге келген. Оның шығармашылық жолы 1945 жылдан бастау алады. 1989 жылы дүниеден өткенге дейінгі 45 жыл ішінде 1000-ға тарта өлең жазған. 1951 жылы Алматы каласындағы «Жаңа өмір» журналдар баспасынан оның тұңғыш өлеңдер жинағы «Шәриқ нахиси» (Шығыс әні) жарық көрді. Содан кейінгі жылдары Тейіпжан Әлиевтың «Тынчлық нахиси» (Тыныштық әні), «Тұғимес нахша» (Таусылмас ән), «Запму чырайлық көлди баҳар» (Ерекше көркем келді көктем), «Баҳар илхами» (Көктем шабыты), «Вәтенимни күйләймән» (Отанымды жырлаймын), «Талланған шиырлар» (Таңдамалы өлеңдері), «Янтак» (Жантак), «Төһмәт құрбані» (Қастандық құрбаны) атты өлеңдер жинағы, дастандар жинағы жарық көрген. Тейіпжан Әлиевтың жазысқан хаттары және мақалаларының жинағы болған «Әсәрләр» (Шығармалар) атты кітабы жарық көрген. Бұдан басқа оның әндерінің бір бөлігі қытай тіліне аударылып 1980 жылы Қытай мемлекеттік жазушылар баспасынан «Тейіпжан өлеңінен тандамалылар» деген атпен жарияланған. 2014

жылы 4 томдық толық жинағы «Тейіпжан Элиев әсәрлери» (Тейіпжан Элиев шығармалары) деген атпен Шыңжаң халық баспасынан басылып шыққан.

Бұдан басқа ақын аударма еңбектер (соның ішінде классик ақын Чүйэннің «Жудалық зары» (Жалғыздық зары) аудармасын ерекше атауға болады) мен бұрынғы өткен ақындар поэзиясын өндөу, жинақтау және баспаға ұсыну (мысалы «Өлішер Науай ғәзәллири» (Өлішер Науай өлеңдері), «Ұйғыр классик әдебиатидин нәмунилар» (Классикалық ұйғыр әдебиетінің өрнектері), «Низари дастандери» (Низаридің дастандары) жұмыстарын атқарады.

Тейіпжан Элиев әдеби шығармашылыққа келер алдында әлемнің көптеген атақты ақын-жазушылары сияқты алдымен өз ұлтының халық ауыз әдебиеті мен классикалық әдебиетін терең зерттеп, сонымен бірге дүниедегі атақты ақындардың шығармашылығынан сусындаған. Соның нәтижесінде, Тейіпжанның шығармашылығы түрленіп, жаңаша өң алған. Атап өтсек, орыс, қазақ, өзбек, татар ұлттарының әдебиеті Тейіпжанның ақындық ғұмырына әсер етіп, оны әлем әдебиетімен тығыз байланыстырыды.

Материалдар мен әдістер. Тейіпжан Элиевтың (1930-1989) әдеби шығармашылықта жоғары атақтарға қол жеткізуінде Өлішер Науаиге ұқсастығы бар әлемге танымал ұлы ақын Абайдың өзіндік үлесі бар. Тейіпжан Элиевтың өсіп-жетілу жолын, өлең шығармашылығын қарастырсақ, Абай Құнанбаевтың салып кеткен іздерін байқауға болады. Тейіпжан Элиев өзінің шығармашылығы жөнінде жазған мақалаларынан, берген сұхбаттарынан белгілі болғандай жас кезінде әдебиетке ерекше мән бере бастаған кезде кириллица жазуын үйреніп, Кеңес Одағынан келетін қазақша, өзбекше кітаптарды оқыған. Мұның ішінде Абайдың өлеңдері де бар.

Нәтижелер мен талқылаулар. Тейіпжан өз шығармашылығында Абай өлеңдеріндегі тақырып пен суреттеуден зор әсер алған. Атап айтқанда, Абай өлеңдеріндегі еңбекқорлыққа баулу, ел үшін қызмет ету, жастық шақта білім алу секілді ойларға терең мән беріп, жастық шақта жалқаулыққа бой алдырып бекерге шашу, мақтаншақтыққа берілу, ашқөздік секілді жаман қасиеттерді сынға алатын ойлары жас Тейіпжанға ерекше әсер беріп, оның шығармашылығында жақсы қадам басып, өлеңдер жазуына түрткі болды.

Тейіпжанның 1950-жылдары 20 жасында жазған «Жастығым», «Еңбеккор жігіт» деген сияқты өлеңдері Абайдың «Ғылым таппай мақтанба» деген өлеңімен тамырлас екенін байқау қыын емес. Сондай-ақ осы өлеңдері Абай өлеңдерінен алған шабыттың ең бастапқы көрінісі болып саналады.

Абай мен Тейіпжан екі дәуір, екі басқа тарихи қоғамдық жағдайда өмір сүрген ақындар, бірақ бұл екеуінің өсіп жетілу жолдары мен сінірген тәрбиесінен бір-біріне жақындық, яғни ұқсастығының бар екендігін байқауға болады.

Абай да, Тейіпжан да бала кезінде шешесі, яки әжесі айтып берген халық ауыз әдебиетіндегі ертегілер мен қара өлеңдерін көп тыңдаپ, тәрбие алған. Сондай-ақ Абай да, Тейіпжан да халықтың қара өлеңдерін көп жаттап, екеуі де он жасқа келген кезде өздігінен өлең жаза бастаған. Бұл екі ақынның шығармашылығына шығыс поэзиясының әсері байқалады. Екеуі де Өлішер Науайды өзіне ұстаз тұтқан. Мәселен, Абай 14 жасында былай деп өлең жазады:

Физули, Шамси, Сәйхали,
Науай, Сағди, Фирдоуси.
Хожа Хафиз – бу бәрі,
Мәдәт бер я шағири фарияд [1; 45].

Тейіпжан болса, 18 жас кезінде «Науаиге» деген атты өлеңінде Науаиге өз күрметін білдіріп былай деп өлең жазады:

Шуңа барча саңа амрақ, тола амрақ,
Шуңа намың яшайды мәңгүгә парлақ [2; 24].

Мұндағы ақынның айтпағы «Науайды барша халық қадір тұтады, оның атағы мәңгілікке жасай береді» деген сөз.

Абай орыс тілін үйреніп, орыс ақындары Пушкин, Лермонтов, Крыловтардың шығармаларын оқып, олардың сол заманға үйлесетін ойларын қабылдаған. Сонымен бірге сол дәүірдің ескішіл идеяларына қарсы шығады. Ғылым мен мәдениеттің жаңа үлгісін халыққа насиҳаттайды. Тейіпжан да өздігінен славян жазуын үйреніп орыс ақындарынан Пушкин, Маяковский, Исаковскийдің өлеңдерін оқиды. Сонымен бірге ол Абай секілді сол заманғы ескіліктің қаранғылышын өз өлеңдерімен жарықтандыруға ұмтылады. Тейіпжан Пушкинге арнаған «Сенің әнің» атты өлеңінде былай деп жазады.

Сенің әрк күйлиген нақшаң гөйә иалқұн болоп йанды,
Әсірләрдің келіп алқып менің көнілімгә от салды [2; 63].

Бұл өлеңінде ақын Пушкиннің азаттықты, бостандықты жырлап жазған өлеңі мені де солай жырлауға бастап отыр дегенді айтады. Абай 14 жасқа келгенде окудан оралып, әкесінің ықпалымен ел басқару жұмыстарына араласа бастайды. Бұл кезде Абай елдің арасында жүріп, елмен бірге болып, халқының қамын жейді. Абай өзінің «Байлар жүр жиган малын қорғалатып» деген өлеңінде осы жайтты ашық білдіреді. Тейіпжан да 14 жас кезінде оқуын тоқтатуға мәжбүр болып, ел арасына барып еңбек етеді. Сөйтіп халқының тұрмысы жағдайын көзбен көріп, олардың жок-мұқтажын терең түсінеді. Абай да, Тейіпжан да халық арасында жүрген кезде қара өлеңге ерекше мән беріп, рухани жақтан толысады. Міне, бұл жағдайлар бұл екі ақынның шығармашылығына жақындық алып келуімен бірге олардың қоғам дамуына байланысты, халқының тұрмысына байланысты ойларын да жақындастыруды. Мысалы, Абай өзі ел басқарған әулеттен шыға тұра, олардың озбырлығына қарсы тұрады. Өйткені ол халқының қамын ойлап мансапқорлықтан баз кешеді. Ол билеушілердің халықты тонап, малмен мансапты сатып алғандығын әшкере етіп, оған өзінің өлеңдерімен қарсы тұрады. Абай «Күлембайға» деген өлеңінде:

Болыс болдым, мінекей,
Бар малымды шығындал.
Түйеде қом, атта жал,
Қалмады елге тығындал [3; 79].

Тейіпжан дін өкілдері әулетінен шыққан ұрпақ. Бірақ ол да дін өкілдерінің қара халықты алда, олардан пайда көріп күн көретін тұрмысын сынға алады.

Реакар сопылар, меккар келеді,
Иуған сәліні дәстәк қылиду [4; 38].

Біз байқап отырсақ, осы екі ақынның өлең жазулары ұқсас екенін көреміз. Олар өлеңді халықтың қамын ойлап, оларға білім мен мәдениетті үйрету құралы ретінде көрсеткенін көреміз. Абай «Мен жазбаймын өлеңді ермек үшін» деген өлеңінде былай дейді:

Мен жазбаймын өлеңді ермек үшін,
Жоқ-барды, ертегіні термек үшін.
Көкірегі сезімді, тіл орамды
Жаздым үлгі жастарға бермек үшін.
Бұл сөзді тасыр ұқпас, талапты ұғар,
Көңілінің көзі ашық, сергегі үшін [3; 103].

Енді Тейіпжан «Шиыр иазмығым вијдан іши» (Өлең жазбағым ождан ісі) деген өлеңінде былай дейді:

Шишиыр язмығым heуестін иемес,
Мен иұчун шишиыр уылждан иышы, бес.
Пікір – иұрұгүм, мысралар – томұр,
Іеріpler – қыним, вәзінлер – непес [4; 97].

Бұл екі ақынның өлең тілі қалай болу керек туралы айтқан қорытындылары ұқсас. Абай «Өлең – сөздің патшасы, сөз – сарасы» атты өлеңінде өлең тілі «Тілге женіл, жүрекке жылы

тиіп» тұратын болу керек деп қарайды. Тейіпжан болса «Шишир мешріпі» өлеңіндегі өлең тілінің «Көңілдің қошын көтеретін қасиеті» болатын көрсетеді.

Абай да, Тейіпжан да білімді жас кезінен үйренген. Абай 13 жасқа келгенде Семейдегі орыс мектебіне кіріп, өздігінен қогамдық ілімдерді үйренген. Сондай-ақ өлеңінегізін қалаған. Тейіпжан болса, 14 жасында Құлжа қаласына келіп, гимназияда орталау білімді кешкі мектепте оқып алады. Міне, осында жағдайлардан екі ақынның да адамзаттың жастық шағына деген көзқарастары да ұқсас болғанын көреміз. Екеуде жастық шақты адамзат үшін ең бір қызықты шақ және білім алуға ең лайықты қымбат кез деп қарайды. Бұл ойды Абайдың «Білім таппай мақтанба» деген өлеңінен көрсек, Тейіпжанның «Ішжан жігіт» (Еңбеккор жігіт) деген өлеңінен көрінеді.

Бұл екі ақынның адамның шынайы махаббат турасындағы көзқарасы да бір арнаға тоғысады. Мысалы, Абай өзінің өлеңдерінде шынайы махаббат, шынайы ғашықтық әрдайым пәк жүректе болатынын, оны тілмен айтып жеткізуге болмайтынын көрсетіп «ғашықтың тілі – тілсіз тіл» деп жазса, Тейіпжан махаббаттың тілі «мухаббат тили жүрәккә талық» (махаббат тілі жүрекке тән) деп жазды. Абай махаббат туралы өлең өрнегін былай деп өрбітсе;

Ғашықтың тілі – тілсіз тіл,

Көзбен көр де ішпен біл.

Сүйісер жастар қате етпес,

Мейлің илан, мейлің күл [3; 206]

Тейіпжан:

Мухаббат тили жүрәккә талық,

Бу оның шуншилиқ әвзәлликидин.

Бинава игит дәп рәнжима мәндін.

Қорқыман сөйгүнің әрзанликидин [2; 221]

деп жалғастырады.

Сонымен бірге мына жайтты да ерекше атап көрсету қажет. Бұл екі ақынның кейбір кезде табиғат құбылыстарын сипаттауда, оны тануда да ұқсас болып келеді. Мысалы Абай «Қыс» атты өлеңінде қысты «ақ киім киген, ақ сақалы бар, үсті-басын қырау басқан, қабағынан қар жауған кәрі адам» сипатында суреттесе, Тейіпжан «Қыс кетті» атты өлеңінде қысты «өңі суық, аяғына мұз қатқан, демімен үскірік аяз бүркетін, елді шаяндай шағатын, денесінде күш-куаты сарқылған қартаң адамға» тәнеп жазады.

Абай:

Ақ киімді, денелі, ақ сақалды,

Соқыр, мылқау, танымас тірі жанды.

Үсті-басы ақ қырау, түсі суық,

Басқан жері сықырлап келіп қалды [3; 75].

Тейіпжан:

Тәләтидин қар иаққан,

Айығыға мұз қатқан.

Бүркіп соғуқ демини,

Худды шаяндай чаққан –

Шәпқити иоқ, сәпра қыш

Сезіп иазның есіне

Қашты әмде дингослап [4; 4].

Абай қыс мезгілінің басталған кезін өлеңмен суреттессе, Тейіпжан қыс мезгілінің аяқталар уақытын өлеңге арқау еткен. Қарал тұрсақ екі ақынның өлең мазмұны бірін-бірі толықтырып, қыстың образын толық ашқан деуге негіз бар.

Тейіпжан кейбір кездерде Абайдың қара сөздеріне жақындастыра отырып өлеңдер жазады. Мысалға алар болсақ, Абай адамдардың тағдырлас болатын, олардың ағалар мен інілдер секілді бауырлас болып өмір сүретінін кестелеп

Дүние – үлкен көл,
Заман – соққан жел,
Алдыңғы толқын – ағалар,
Артқы толқын – інілер,
Кезекпенен өлінер,
Баяғыдай көрінер» [5; 85]

деп 37-қара сөзінде жазса, Тейіпжан дәл осы ойды өлеңмен былай жеткізеді:

Бұл наятың ҳошлығы,
Чин көңілнің дослығы.
Тозымас достық гүлі,
Қышлығы әм иазлығы [2; 163].

Жоғарыдағы жолдарды салыстырсақ, «бұл дүние достықтан, бауырмалдықтан тұрады» деген ақиқаттың бұл екі ақынды ойландырған ұқсас түсінік екені көрінеді.

Тейіпжан өмірінің соңында Абайдың ізімен жүріп тұрмыстағы арамзалақ жасау, мақтаншақтыққа бой алдыру секілді жағымсыз қасиеттерді сынаған «Гайбатқорлық – шарманды кесəл» (Өсек айту – ауыр кесел), «Көңлі аланың қазаны төшік» (Көңлі ала адамның қазаны тесік), «Сопы болып алған адам» (Сопысымақ адам), «Иалған мақташ му бірғыл төһмат» (Өтірік мақтау жала жабумен бірдей) деген атпен бірқатар ғақлиятты қара сөздер жазады.

1956 жылы Тейіпжан Қытай елінің достық делегациясы құрамында сол кездегі Кенестер Одағының бірнеше қалаларына барып қайтады. Қазақстанға жасаған сапарында Абайдың «Сегіз аяқ» өлеңімен танысады. Елге қайта оралғанда Абайдың өлеңіне еліктеп «Сегіз аяқ» өлеңін жазып жариялады. Бұл өлеңнің тақырыбының қасына ақын былай деп көрсетеді: «Бұл өлең қазақ халқының ұлы ақыны Абайдың белгілі «Сегіз аяқ» өлеңінің желісінде жазылды». Енді Тейіпжан жазған өлеңінің бір бөлігін келтірейік:

Көрдүм әлемдін,
Зеһерлік ғәмдін,
Құтұлған азат илыңны.
Қара көлеңгү,
Йокұлұп мәңгү,
Нұрланған ават илыңны.
Зоқұм келді өлкенгә,
Қошұлдұм мен құлкеңгә.
Шәһәрлірің бағ,
Хұш пұрақ, хұш чағ,
Күндүзгә охшаш ахшымы.
Иыш гүдүклірің
Истанұклырын,
Ийитидұ полат нахшыны.
Ярашқан нахшаң каддыңгे
Иитыпты заман қәдрынғе.
Тырактұр маңған,
Әжрінге қанған,
Ашлық динзызы жұш урған.
Башақлар данға,
Чешлер хаманға,
Німәтке толған дастырхан [6; 50].

Абайдың «Сегізаяғында» сол кездегі қазақ халқының алаңсыз тіршілігі, өнер-білімге бей-жай қарауы, жұтаң тіршілігі секілді қасиеттері сыналады. Сонымен бірге ақын халықты болашаққа осы бастан икемделіп жақсы тұрмыс кешуге шақырады. Тейіпжанның «Сегізаяғында» қазақ даласына келген өзгерістер, дамулар көрсетіліп, Абай айтқан болашақтың орындалғаны көрсетіледі. Тейіпжан өзінің «Сегізаяғында»

Абайдын ғымы,
Көзінің неме,
Төгілгән күна дарденге [6; 51].

Мұнда Тейіпжан Абайға жауап беріп қазіргі кезде заман өзгергенін, ақынның айтып кеткен дүниесінің қазіргі кезде бар болғанын, халықтың білім алышп, өнер игеріп, еңбекке етуге дең қойғанын, ынтымақты тұрмыс кешіп жатқанын көрсетеді.

Тейіпжанның Абай жазған «Сегізаяқпен» ертеден таныс екендігі көрінеді. Өйткені, Тейіпжан жазған «Сегізаяқ» өлеңінің құрылсы Абайдың «Сегізаяқ» өлеңінің құрылсына ұқсас өрілген. Тейіпжанның «Сегізаяғы» Абайдың «Сегізаяғы» секілді халық жағдайын қашықтан бажайлап, сырттан қарап отырып суреттейді. Оның үніне өзіндік үн қосады.

Қорытынды. Қорыта айсақ, Абай Құнанбаев пен Тейіпжан Әлиевтың бір-біріне ұқсайтын жерлері бар. Бұлардың бәрі кезіндегі олар жасап тұрған қоғамдық жағдаймен байланысты болып келсе, тағы бір жақтан олардың әдебиеттің құны, адамгершілік қасиет, өмірлік ұстаным қалай болу керек деген секілді мәселелерден алған сезімінің жақындығынан шығады. Атап айтсақ, бұл екі ақынның екеуі де 14 жасынан бастап өлең жазуға кіріскең. Екеуі де ғұмырының 45 жылын шығармашылықпен өткізген. Екеуі де 59 жасында қайтыс болған. Олардың өлеңдерінің мазмұны ұқсас болып келуімен қатар, өлең өрнегі мен өлшемінде белгілі бір деңгейде жақындық бар екенін байқаймыз.

Тейіпжан Абайдың өлең кестелеуін үйреніп қана қоймай өз заманына лайықтап дамыта да білген.

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі:

1. Құнанбайұлы А. Абай өлеңінен таңдамалылар. – Күйтің: Иле халық баспасы, 2009. – 149 с.
2. Әлиев Т. Шығармалар жинағы: в 2 т. Т. 1. – Үрімши: Шынжсан халық баспасы, 2014. – 428 с. – На уйғур. яз.
3. Құнанбайұлы А. Өлеңдері мен аудармалары. – Бейжің: Ұлттар баспасы, 1980. – 40 с.
4. Әлиев Т. Шығармалар жинағы: в 2 т. Т. 2. – Үрімши: Шынжсан халық баспасы, 2014. – 485 с. – На уйғур. яз.
5. Құнанбайұлы А. Абай гақлиялары (қазақша–қытайша аударма нұсқалары). – Бейжің: Ұлттар баспасы, 2008. – 246 с.
6. Әлиев Т. «Сегізаяқ» өлеңі // Шынжсан әдебиет-көркемөнер журналы. – 1956. – №7. – С. 50-51.
7. Сүйіншалиев Х.Ж. Абайдың қара сөздері. – Алматы: Қазақ мемлекеттік көркем әдебиет баспасы, 1956.

References:

1. Kunanbaiuly A. (2009). *Olenen tañdamalilar* [Selected poems]. Kuitin: Ile khalyk baspasy. [in Kazakh]
2. Aliyev T. (2014). *Shygarmalar zhinagy. I tom* [Collected works. Vol. I]. Urimshi: Shynzhan khalyk baspasy. [in Uighur]
3. Kunanbaiuly A. (1980). *Olenederi men audarmalary* [Poems and translations]. Beijing: Ulttar baspasy. [in Kazakh]
4. Aliyev T. (2014). *Shygarmalar zhinagy. II tom* [Collected works. Vol. II]. Urimshi: Shynzhan khalyk baspasy. [in Uighur]
5. Kunanbaiuly A. (2008). *Abai gakliyalary (kazaksha-kytaisha audarma nuskalary)* [The Book of Words (Kazakh-Chinese translation edition)]. Beijing: Ulttar baspasy. [in Kazakh/Chinese]
6. Aliyev T. (1956). “*Segizayaq*” oleni [The poem “*Segizayaq*”]. Shynzhan adebiет-көркемонер zhurnaly, 7, 50-51. [in Kazakh]
7. Suyinshaliyev Kh.Zh. (1956). *Abai's The Book of Words.* – Almaty: Kazakh State Publishing House of Literature. [in Kazakh]

*Сабирова Д.А.¹ , Бай С.²

^{1,2}Казахский национальный педагогический университет им. Абая

*e-mail: dinasabirova_84.kz@mail.ru

e-mail: baixiaoyu951@gmail.com

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ОБРАЗА КАЗАХСТАНА

Аннотация

Тема образа страны в литературе – одна из наиболее значимых и многослойных в гуманитарных науках, особенно в филологии и культурологии. В условиях глобализации, усиления процессов миграции, трансформации национальной идентичности и пересмотра имперского наследия в постсоветском пространстве понятие «образ страны» становится не только научной категорией, но и инструментом культурной саморефлексии. Литература, как художественная модель мира, неизбежно воспроизводит, осмысливает, транслирует, критикует и переосмысливает образ государства – будь то реальная geopolитическая единица или мифологизированная территория. В этом смысле «образ страны» – это синтез представлений, мифов, ассоциаций, архетипов и символов, сконцентрированных в художественном тексте и обращённых к читательскому сознанию.

Особое значение проблема образа страны приобретает в контексте российской литературы и отечественного литературоведения. Россия, обладая богатейшей культурной, географической и исторической многослойностью, всегда выступала объектом пристального внимания писателей, философов, поэтов и публицистов, а также учёных-филологов, стремящихся выявить инвариантные структуры национального самопонимания. В русской литературной традиции, начиная с XVIII века, образ страны был неотделим от поисков национальной идеи, судьбы России, её исторического пути, места в мире и роли в истории человечества.

Ключевые слова: Казахстанский текст, образ страны, образ Казахстана, культура, семантика

Благодарность: Исследование финансируется Комитетом по науке Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (грант №AP23489915 «Трансмедиальная и художественная презентация образа Казахстана в современной мировой культуре»).

*Сабирова Д.А.¹ , Бай С.²

^{1,2}Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті

*e-mail: dinasabirova_84.kz@mail.ru

e-mail: baixiaoyu951@gmail.com

ҚАЗАҚСТАН БЕЙНЕСІН ЗЕРТТЕУДІҢ КОНЦЕПТУАЛДЫҚ НЕГІЗДЕРІ

Ақдатта

Әдебиеттегі ел бейнесі тақырыбы – гуманитарлық ғылымдардағы, әсіресе филология мен мәдениеттанудағы ең маңызды әрі көпқабатты мәселелердің бірі. Жаһандану, көші-қон үдерістерінің күшеюі, ұлттық бірегейліктің өзгеруі және посткөңестік кеңістіктең империялық мұраны қайта қарау жағдайында «ел бейнесі» ұғымы тек ғылыми категорияға

емес, сонымен бірге мәдени өзін-өзі танудың құралына айналуда. Әдебиет – әлемнің көркем моделі ретінде мемлекет бейнесін қайта жаңғыртып, пайымдап, жеткізіп, сынға алып, қайта түсіндіреді, ол нақты геосаяси құрылым болсын немесе мифологизацияланған кеңістік болсын. Осы түрғыда «ел бейнесі» – әдеби мәтінде шоғырланған және оқырман санасына бағытталған түсініктердің, мифтердің, ассоциациялардың, архетиптер мен символдардың синтезі.

Ел бейнесі мәселесі орыс әдебиеті мен отандық әдебиеттану контекстінде айрықша мәнге ие. Ресей өзінің бай мәдени, географиялық және тарихи көпқабаттылығымен әрқашан жазушылардың, философтардың, ақындардың, публицистердің, сондай-ақ ұлттық өзіндік сананың инвариантты құрылымдарын айқындауға ұмтылған филолог-ғалымдардың назарында болды. XVIII ғасырдан бастап орыс әдеби дәстүрінде ел бейнесі ұлттық идеяны, Ресейдің тағдырын, тарихи жолын, әлемдегі орнын және адамзат тарихындағы рөлін іздеумен ажырамас байланыста дамыды.

Түйін сөздер: Қазақстан мәтіні, ел бейнесі, Қазақстан бейнесі, мәдениет, семантика

**Sabirova D.A.*¹ , *Bai X.*²

^{1,2}*Abai Kazakh National Pedagogical University*

*e-mail: dinasabirova_84.kz@mail.ru

e-mail: baixiaoyu951@gmail.com

CONCEPTUAL FOUNDATIONS OF STUDYING THE IMAGE OF KAZAKHSTAN

Abstract

The theme of the image of a country in literature is one of the most significant and multidimensional in the humanities, especially in philology and cultural studies. In the context of globalization, intensified migration processes, transformation of national identity, and rethinking of the imperial legacy in the post-Soviet space, the concept of the “image of a country” becomes not only a scholarly category but also an instrument of cultural self-reflection. Literature, as an artistic model of the world, inevitably reproduces, interprets, transmits, criticizes, and rethinks the image of the state whether it is a real geopolitical entity or a mythologized territory. In this sense, the “image of a country” represents a synthesis of perceptions, myths, associations, archetypes, and symbols concentrated in a literary text and addressed to the reader’s consciousness.

The problem of the image of a country is of particular importance in the context of Russian literature and national literary studies. Russia, with its rich cultural, geographical, and historical complexity, has always been an object of close attention from writers, philosophers, poets, and publicists, as well as philologists striving to identify invariant structures of national self-understanding. In the Russian literary tradition, beginning in the 18th century, the image of the country has been inseparable from the search for a national idea, Russia’s destiny, its historical path, its place in the world, and its role in human history.

Keywords: Kazakh text, image of a country, image of Kazakhstan, culture, semantics

Введение. Уже в эпоху Просвещения мы видим попытки художественного и философского осмыслиения страны как культурного и исторического явления. Так, М.В. Ломоносов, Н.М. Карамзин, А.Н. Радищев в своих произведениях задавали не только фактическое, но и ценностное, оценочное измерение России, обсуждали проблему народного духа, крепостничества, просвещения, власти и нравственности – то есть составляющих, определяющих образ страны в сознании современников. Однако именно в XIX веке, в так называемый «золотой век» русской литературы, образ России становится стержневой темой художественного высказывания. У Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Достоевского, Толстого, Тургенева, Некрасова, Салтыкова-Щедрина образ России обретает сложную,

диалектическую форму: она и великая, и страдающая, и материнская, и жестокая, и духовная, и варварская. Этот образ становится ареной столкновения западничества и славянофильства, мечты о справедливости и ужаса перед деспотией, идеала народной души и боли социальной несправедливости. Художественная репрезентация России в литературе XIX века формирует основу всех дальнейших моделей образа страны.

XX век вносит новые смыслы: революция, гражданская война, социалистическая утопия, репрессии, Великая Отечественная война, «оттепель», застой, перестройка и распад СССР – все эти события не просто влияют на содержание литературы, но и на способы репрезентации страны. В советской литературе образ Родины часто идеализируется, становится частью официальной пропаганды. Однако даже в этих условиях многие писатели находят способы тонкого психологического и культурного анализа состояния страны. Так, в произведениях Платонова, Шолохова, Твардовского, Гроссмана, Ахматовой, Пастернака, Солженицына, Трифонова, Распутина и многих других мы наблюдаем вариативные, многозначные образы России – не только как физического пространства, но как исторического и нравственного феномена. Страна предстает и как поле трагедий, и как дом, и как зона отчуждения, и как миф.

Методы и материалы. Современное гуманитарное знание всё чаще обращается к мультидисциплинарным и постклассическим подходам, способным учесть сложную природу культурных феноменов в цифровую эпоху. Исследование трансмедиальной и художественной репрезентации образа Казахстана в мировой культуре требует комплексного, гибкого и интерпретативного инструментария. Методологическая рамка настоящей работы выстроена на пересечении культурологических, медиа- и литературоведческих методов анализа, где центральную роль играют контекстуальный, семиотический, нарративный и визуально-дискурсивный подходы.

Результаты и обсуждение. С переходом к постсоветскому периоду наблюдается кардинальное изменение парадигмы. Литературоведение становится более открытым к интердисциплинарности, усиливается влияние западных теорий – постмодернизма, постколониализма, структурализма, герменевтики, имагологии. Исследователи начинают рассматривать образ страны как текст, как конструкт, как совокупность символов и архетипов. Возникает интерес к образу России глазами «других» – эмигрантов, иностранцев, национальных меньшинств, региональных сообществ. Возникает новая научная терминология: «локальные тексты» (петербургский, сибирский, московский, казахстанский и др.), «семиотика пространства», «культурные коды», «репрезентации власти» и т.д.

Научные школы, сложившиеся в это время, подчеркивают полифоничность образа страны. Например, Ю.М. Лотман и его тартуская школа предложили концепт «семиосферы» и идею культуры как текста [1]. В. Н. Топоров в своей работе «Петербургский текст русской литературы» показал, как город может выступать носителем культурного кода, представляя собой микрообраз страны [2]. Его идея была подхвачена и развита в исследованиях других городов и регионов. В. В. Иванов [3], Б. А. Успенский [4], А. М. Панченко [5], А. И. Липовецкий [6], М. Л. Гаспаров [7] – все эти ученые внесли вклад в изучение литературы как системы репрезентаций страны и национального самосознания.

Особый интерес вызывает сравнительный анализ образов страны во «внутренней» и «внешней» литературе. Как показывают имагологические исследования, Россия предстает совершенно по-разному в зависимости от точки зрения. Для западной литературы XIX века – это экзотическая, варварская, загадочная страна. В постсоветской русской литературе – это страна потерянного смысла, исторического крушения, поиска нового пути. В эмигрантской литературе XX века Россия часто изображается как утраченная родина, трагическое пространство, лишенное свободы и памяти.

Современные исследования образа страны нередко акцентируют внимание на фрагментации, поликентризме, культурной полифонии. Образ страны в литературе уже не

воспринимается как единый и универсальный. Он существует в множестве нарративов: этнических, региональных, диаспоральных, гендерных, поколенных. Новая российская литература XXI века, представленная именами такими как Захар Прилепин, Людмила Улицкая, Александр Иличевский, Евгений Водолазкин, Гузель Яхина, Дмитрий Глуховский, исследует «новые страны» – Россию постиндустриальную, Россию постимперскую, Россию цифровую, гибридную, децентрализованную.

Таким образом, изучение образа страны в российской литературе – это не просто анализ топосов или сюжетов, это исследование глубинных процессов культурной идентичности. Это путь к пониманию того, как страна видит себя и как она хочет быть увиденной. Это путь к самопознанию через текст. И если литература действительно отражает не только эпоху, но и вечные вопросы бытия, то образ страны – это зеркало, в котором народ, нация, государство и каждый отдельный человек ищут и находят своё отражение.

Казахстан в русской литературной традиции занимает уникальное положение. Он представлен не только как географическое пространство, но и как культурный миф, историческая арена, символ границы – между Европой и Азией, цивилизацией и степью, империей и свободой. С XVIII века в русской культуре формируется устойчивый образ Казахстана – сначала как «дальнего фронтира» Российской империи, позже – как места ссылки, затем – как пространства многонационального сосуществования и модернизационного эксперимента. Отображение Казахстана в русской литературе неизменно сопряжено с образом «другого» – и в то же время с элементами самоидентификации [8].

Исследование образа Казахстана в русской литературе предполагает анализ разных эпох, жанров и дискурсов. Мы можем проследить как романтическую экзотику в путешествиях и записках, так и трагическую составляющую ссылки и изгнания, и современное переосмысление региональной идентичности в условиях постсоветского пространства. Казахстан представлен как особая семиотическая система: топос степи, мотив границы, архетип кочевника, цветовая палитра, флора и фауна, этнические типажи – всё это превращается в знаки, через которые русская литература строит образ этой страны.

Впервые образ казахской земли как культурного кода вошёл в русскую литературу в XVIII веке – в «Записках» и «Дневниках» экспедиций, организованных Академией наук. Путешествия Палласа, Рычкова, Лепёхина сопровождались этнографическими описаниями, зарисовками природы и быта казахов. Уже здесь формируется установка на восприятие Казахстана как пространства «иного» – экзотического, но покорённого, архаичного, но потенциально «цивилизируемого» [9].

В художественной литературе XIX века Казахстан предстает через оптику романтической географии. У Лермонтова в «Мцыри», Пушкина в «Путешествии в Арзрум», а также в «Капитанской дочке», где казахи упоминаются в контексте Пугачёвского восстания, виден интерес к степи как символу свободы, дикости и безграничности.

Особую роль играет творчество Тараса Шевченко. Находясь в ссылке в Новопетровском укреплении (на территории современной Мангистауской области), он пишет стихи и дневники, где Казахстан – это не просто «место страдания», но и символ внутренней свободы, очищения, духовного прозрения. В его стихах («У казахов», «На острове Косарал») казахи изображаются как простой и добрый народ, а пейзаж вызывает восхищение. Таким образом, казахстанский пейзаж становится частью личной биографии и художественного мифа о силе духа.

С советской эпохой образ Казахстана приобретает новый трагический регистр. В эпоху сталинских репрессий Казахстан стал одной из главных территорий для ГУЛАГа, спецпоселений, ссылки. Это отразилось в мемуарах, письмах и художественной прозе. Здесь важно назвать Александра Солженицына, чей архипелаг начинается именно с Карлага, и Варлама Шаламова, и Евгению Гинзбург, и Марию Скирмунт.

Например, Евгения Гинзбург в книге «Крутой маршрут» описывает лагеря Караганды не только как место ужаса, но и как пространство, где человек способен сохранять достоинство. Казахстан здесь – не просто топос, а сложная метафора жизненной и духовной борьбы.

Нельзя забывать и о ссыльных немцах Поволжья, поляках, чеченцах, корейцах, депортированных в Казахстан. Их коллективная память, зафиксированная в литературных и мемуарных текстах, формирует особый образ Казахстана как пространства страдания и терпимости. Это пространство многоязычное, многокультурное, многонациональное, где русские писатели ощущают не только боль, но и сопричастность к общей судьбе [10].

В постсталинский период, особенно в 1960-1980-е годы, появляется другой образ Казахстана – как территории дружбы народов, культурного диалога, модернизации. В прозе Анатолия Кима, Юрия Домбровского, Олжаса Сuleйменова, Бахыта Кенжеева, Виктора Верного, Ивана Щеголева и других Казахстан становится не только фоном, но и героем, действующим лицом, культурной метафорой.

Особое значение имеет творчество Юрия Домбровского, автора романа «Факультет ненужных вещей». Его Казахстан – это Алма-Ата с её культурной элитой, музеями, диалогом с историей. Природа, город, культурное пространство – всё это участвует в формировании образа страны как части евразийской культурной идентичности.

Анатолий Ким – писатель корейского происхождения – создаёт образ Казахстана как территории духовного поиска. В романе «Белка» степь предстает как пространство метафизического очищения, культурного синтеза, где человек сталкивается с вопросами бытия.

Сегодня в XXI веке образ Казахстана в русской литературе становится особенно многогранным. Мы видим попытки осмыслиения постсоветской идентичности, наследия империи, локальной культуры. Возникают «локальные тексты», в том числе казахстанский текст, в которых описываются конкретные города (Семей, Караганда, Алматы, Уральск, Астана), культурные практики, языковые коллизии, проблемы миграции.

Современные русскоязычные писатели Казахстана – Елена Зейферт, Анатолий Аверин, Наталья Лосева, Алексей Швалев, Орал Аруженова, Бахыт Каирбеков – создают произведения, где Казахстан не просто фон, а живая культурная среда. Эти тексты наполнены топонимами, ландшафтными описаниями, символами, рефлексией над местом русской культуры в казахстанском обществе.

Например, в рассказах Елены Зейферт Семипалатинск (Семей) предстает как метафора памяти, границы между прошлым и будущим, русским и казахским. В текстах Орал Аруженовой город становится символом уязвимости, идентичности, женского опыта в постсоветском Казахстане.

Современное изучение образа Казахстана в русской литературе требует обращения к целому комплексу понятий и теорий, выработанных на стыке филологии, культурологии, социологии и философии. Прежде всего, важно подчеркнуть, что «образ страны» – это не только отражение объективной реальности, но и конструкция, зависящая от позиции автора, культурных кодов и исторического контекста. Постколониальные исследования (Г. Бхабха, Э. Сайд) позволяют рассматривать Казахстан не просто как географическую территорию, но как пространство, где сталкиваются имперские дискурсы и локальные голоса. Такой подход делает возможным выявление напряжений между центром и периферией, между метрополией и колонией, между властным нарративом и голосами «других».

Особое значение имеет понятие «казахстанский текст» – по аналогии с «петербургским текстом» В.Н. Топорова или «московским текстом» Ю.М. Лотмана. Казахстанский текст – это совокупность произведений, в которых Казахстан становится не просто местом действия, а смысловым центром, определяющим структуру сюжета и образную систему. В таких текстах степь, горы, города, климат, этнографические детали, языковое многообразие – всё это превращается в знаки, создающие особую картину мира. Например, в прозе Юрия

Домбровского Алматы – это не просто город, а символ интеллектуальной свободы и одновременно культурного вызова; в поэзии Олжаса Сuleйменова степь становится пространством, где встречаются история и миф, Восток и Запад, прошлое и будущее.

Сравнительный анализ «казахстанского текста» с другими «локальными текстами» показывает его уникальность. Если петербургский текст сосредоточен на идеи города как мифа, то казахстанский текст сочетает урбанистические и степные мотивы, создавая синтетическую модель, где город и природа взаимодействуют, а не противопоставляются. Ландшафт играет роль не фона, а активного участника событий: степь в произведениях Анатолия Кима или Бахыта Каирбекова становится своего рода персонажем, влияющим на судьбы героев. Этот мотив «одушевлённого пространства» указывает на глубокую связь человека и природы в казахстанской культурной традиции.

Отдельного внимания заслуживает анималистический код. Изображение животных в литературе о Казахстане – не просто элемент этнографической зарисовки, а носитель архетипических смыслов. Верблюд, конь, беркут, волк – все они символизируют разные стороны казахского мира: выносливость, свободу, мудрость, силу. В рассказах Елены Зейферт и Орал Арукеновой животные выступают как медиаторы между человеком и степью, как маркеры аутентичности.

Важным направлением дискуссии является вопрос о трансмедиальных репрезентациях. Сегодня образ Казахстана выходит за пределы литературы, проникая в кино, театр, цифровое искусство. Фильмы Ермека Турсунова («Келин», «Шал»), сериалы, документальные проекты, а также подкасты и блоги создают новые нарративы, которые дополняют или полемизируют с литературными. Трансмедиальный подход позволяет увидеть, как один и тот же мотив (например, тема ссылки или тема границы) получает разные интерпретации в прозе, кино и визуальном искусстве. Это особенно важно для формирования современной идентичности, когда молодое поколение воспринимает Казахстан не только через книги, но и через визуальные и цифровые форматы.

Наконец, актуальной остается проблема перевода и интернационализации казахстанского текста. Переводы произведений Анатолия Кима, Олжаса Сuleйменова, Бахыта Каирбекова на английский, французский, немецкий языки способствуют формированию образа Казахстана за рубежом. Здесь важно учитывать имагологический аспект: как воспринимается Казахстан иностранным читателем? Насколько перевод сохраняет локальные коды? Эти вопросы открывают перспективу для дальнейших исследований и подчеркивают важность сотрудничества филологов, переводчиков и культурологов.

Проведённый анализ позволяет выделить несколько ключевых характеристик образа Казахстана в русской литературе:

Многослойность и полифоничность. Казахстан представлен в литературе как пространство, где пересекаются разные голоса – русские, казахские, переселенческие, эмигрантские. Эта полифония создаёт сложную ткань текста, где нет единого центра, а есть множество точек зрения.

Семантика границы. Казахстан выступает как символ пограничья – географического, культурного, экзистенциального. Граница здесь не только разделяет, но и соединяет, становится местом диалога. В романах советского периода Казахстан часто изображается как экспериментальная площадка модернизации, а в постсоветских текстах – как пространство поиска идентичности.

Архетипические образы степи. Степь – один из центральных символов казахстанского текста. Она может быть и враждебной, и спасительной, и бесконечно пустой, и наполненной жизнью. В произведениях Шевченко, Кима, Сuleйменова степь – это пространство, где человек сталкивается с самим собой, с вечностью.

Трагический и катарсический регистры. Казахстан – это и место страдания (ссылка, ГУЛАГ, депортации), и место духовного очищения. Эта двойственность делает образ страны драматичным и философски насыщенным.

Мотив памяти. Литература о Казахстане постоянно возвращается к прошлому – будь то воспоминания о ссылке, депортациях, детстве, о городе, которого больше нет. Память становится структурообразующим элементом текста.

Современные урбанистические мотивы. XXI век приносит в казахстанский текст новые темы – миграцию, языковую политику, глобализацию, цифровизацию. Город становится ареной культурных и социальных экспериментов, а литература фиксирует эту динамику.

Таким образом, образ Казахстана в русской литературе представляет собой живую, постоянно развивающуюся систему. Он открыт для новых интерпретаций, новых медиа и новых поколений читателей. Изучение этого образа позволяет не только лучше понять русскую и казахстанскую литературу, но и проследить сложные процессы формирования постсоветской идентичности, диалога культур и создания общей памяти.

В перспективе дальнейших исследований важным представляется создание цифрового корпуса «Казахстанского текста», включающего художественные, мемуарные, публицистические произведения. Такой ресурс станет инструментом для филологов, историков, социологов и будет способствовать сохранению и популяризации культурного наследия Казахстана.

Заключение. Образ Казахстана в литературе – это сложное, многослойное и трансформирующееся явление, отражающее историческую, культурную и духовную эволюцию не только самого Казахстана, но и всей евразийской цивилизационной модели. От первых этнографических очерков и ссылочных мемуаров до современной постколониальной и мультимедийной прозы – Казахстан не просто существует в литературном воображении, он задаёт новые координаты для понимания идентичности, памяти, границ и взаимодействия культур.

На протяжении веков Казахстан воспринимался русскими авторами как «другое» пространство – сначала как экзотическая и неосвоенная территория, затем как арена личных испытаний, социальной боли, культурного смешения. Однако со временем это «другое» стало неотъемлемой частью «своего». Казахстан не только дал приют множеству ссылочных, переселенцев, мигрантов, но и стал для них пространством осмыслиения бытия, духовного поиска и литературного воплощения.

Русская литература, охватывая широкий спектр тем, связанных с Казахстаном – от трагедий ГУЛАГа до лирических образов степи, от этнокультурных портретов до современных городских хроник – сформировала уникальный культурный миф, в котором Казахстан представлен как пространство силы и уязвимости, глубокой памяти и открытого будущего.

Современные писатели и исследователи всё чаще говорят о «казахстанском тексте» как о самостоятельной литературной модели – в ней важны и локальные топосы (Семипалатинск, Караганда, Алматы), и культурные маркеры (язык, кочевая философия, религия), и национальный код. В новых произведениях Казахстан предстаёт не просто как фон, а как смысловой центр, вокруг которого строится сюжет, развиваются конфликты, раскрываются герои.

Переосмысление Казахстана происходит и в диаспорной литературе, и в постимперской прозе, и в кросс-культурных проектах. Возникают новые формы презентации: цифровые архивы, подкасты, трансмедийные романы, графические новеллы, в которых Казахстан существует уже не как периферия, а как активный участник глобального культурного диалога.

Образ Казахстана в русской литературе – это сложное, многослойное и трансформирующееся явление, отражающее историческую, культурную и духовную эволюцию не только самого Казахстана, но и всей евразийской цивилизационной модели. Однако важно подчеркнуть, что исследование этого феномена имеет не только академическое, но и практическое значение для развития литературы, науки и культурной политики.

Во-первых, систематическое изучение казахстанского текста способствует популяризации национальной литературы. Если создать цифровые корпуса текстов, доступные на нескольких языках, это позволит вывести творчество казахстанских авторов на международный уровень. Школьные и университетские программы, включающие анализ русскоязычной и казахскоязычной литературы о Казахстане, формируют у студентов критическое мышление и культурную эмпатию. Это, в свою очередь, помогает строить диалог между этносами, укрепляет чувство гражданской идентичности и гордости за культурное наследие.

Во-вторых, подобные исследования стимулируют развитие сравнительной литературоведения и имагологии как науки. Казахстанский текст – это богатый материал для анализа взаимодействия культур, проблем центра и периферии, постколониальных дискурсов. Его изучение помогает развивать новые методы – например, цифровые гуманитарные технологии: корпусную лингвистику, семиотический анализ, картографирование текстов. Это открывает возможности для больших научных проектов, грантов и международных коллaborаций.

В-третьих, литература о Казахстане может стать инструментом культурной дипломатии. Переводы произведений казахстанских и русскоязычных авторов на английский, французский, немецкий языки делают возможным формирование позитивного образа страны за рубежом. Такие проекты могут поддерживаться государством и частными фондами, участвовать в международных книжных ярмарках, фестивалях, форумах. В условиях глобализации это важный инструмент мягкой силы, способный привлечь внимание к истории, культуре и современным достижениям Казахстана.

В-четвёртых, развитие исследований казахстанского текста открывает возможности для интеграции науки и образования. Создание учебных пособий, хрестоматий, мультимедийных курсов по теме образа Казахстана может использоваться в школах, университетах, на курсах повышения квалификации учителей. Это создаёт преемственность знаний, готовит новое поколение исследователей, педагогов и культурных деятелей, способных сохранять и развивать культурный код страны.

Наконец, изучение образа Казахстана в литературе имеет и социальный эффект. Оно помогает осмысливать травматические страницы истории – ссылки, репрессии, депортации – и превратить их в ресурс памяти, а не в источник конфликтов. Литература даёт возможность говорить о сложных темах через метафоры, символы, художественные образы, что облегчает общественное восприятие и способствует примирению разных групп. В этом смысле «казахстанский текст» становится площадкой для национального диалога, платформой для дискуссии о будущем страны.

Перспективы дальнейшей работы включают разработку интерактивных карт образов Казахстана, баз данных персонажей и топонимов, проведение междисциплинарных конференций и летних школ, вовлечение студентов в проекты по оцифровке и аннотированию текстов. Всё это создаёт устойчивую научную инфраструктуру и повышает интерес к литературе и гуманитарным наукам в целом.

Таким образом, исследование образа Казахстана – это не только академический труд, но и вклад в культурное строительство, науку, образование и международное сотрудничество. Оно помогает создать целостную, многоголосую картину казахстанской идентичности, сделать её частью глобального культурного дискурса и вдохновить новые поколения исследователей и читателей.

Список использованной литературы:

1. Лотман Ю.М. *Семиосфера*. – СПб.: Искусство-СПб, 2000. – 704 с.
2. Топоров В.Н. *Петербургский текст русской литературы*. – Тарту: Тартуский университет, 1984. – 236 с.
3. Иванов В.В. *Избранные труды по семиотике и истории культуры*. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 496 с.
4. Успенский Б.А. *Избранные труды*. – М.: Гнозис, 1994. – 520 с.
5. Панченко А.М. *Русская культура в канун петровских реформ*. – Л.: Наука, 1984. – 318 с.
6. Липовецкий М.Н. *Русская литература XX века*. – М.: Аспект Пресс, 2006. – 480 с.
7. Гаспаров М.Л. *Избранные труды, том. 1. О поэтах*. – М.: Языки русской культуры.
8. Кобеева С.С. *Образ Казахстана в русской литературе XIX века* // *Вестник КазНУ. Серия филологическая*. – 2018. – Т. 163, №2. – С. 45-53.
9. Турсекова А.А. *Казахстанский текст: подходы и перспективы исследования* // *Central Asian Journal of Literary Studies*. – 2020. – Т. 5, №1. – С. 77-89.
10. Имангазина А.Т. *Пространство ссылки: Казахстан в русской литературе XIX-XX вв.* // *Известия НАН РК. Серия общественных наук*. – 2019. – №4(324). – С. 112-120.

References:

1. Lotman Yu.M. (2000). *Semiosfera [The semiosphere]*. St. Petersburg: Iskusstvo-SPb. [in Russian]
2. Toporov V.N. (1984). *Peterburgskiy tekst russkoi literatury [The Petersburg text of Russian literature]*. Tartu: Tartuskii universitet. [in Russian]
3. Ivanov V.V. (1999). *Izbrannye trudy po semiotike i istorii kul'tury [Selected works on semiotics and cultural history]*. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury. [in Russian]
4. Uspensky B.A. (1994). *Izbrannye trudy [Selected works]*. Moscow: Gnozis. [in Russian]
5. Panchenko A.M. (1984). *Russkaya kul'tura v kanun petrovskikh reform [Russian culture on the eve of Peter's reforms]*. Leningrad: Nauka. [in Russian]
6. Lipovetsky M.N. (2006). *Russkaya literatura XX veka [Russian literature of the 20th century]*. Moscow: Aspekt Press. [in Russian]
7. Gasparov M.L. (1997). *Izbrannye trudy, t. 1. O poetakh [Selected works, vol. 1. About poets]*. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury. [in Russian]
8. Kobeeva S.S. (2018). *Obraz Kazakhstana v russkoi literature XIX veka [The image of Kazakhstan in Russian literature of the 19th century]*. Vestnik KazNU. Seria filologicheskaiia, 163(2), 45-53. [in Russian]
9. Turspekova A.A. (2020). *Kazakhstanskiy tekst: podkhody i perspektivy issledovaniia [The Kazakhstan text: Approaches and research perspectives]*. Central Asian Journal of Literary Studies, 5(1), 77-89. [in Russian]
10. Imangazina A.T. (2019). *Prostranstvo ssylki: Kazakhstan v russkoi literature XIX–XX vv. [The space of exile: Kazakhstan in Russian literature of the 19th-20th centuries]*. Izvestia NAN RK. Seriya obshchestvennykh nauk, 324(4), 112-120. [in Russian]

*Сисенбай А.Ж.¹ , Күшкимбаева А.С.² , Абдрахманова Ж.М.³
^{1,2,3}Х.Досмұхамедов атындағы Атырау университеті

Атырау, Қазақстан

*e-mail:aray.zhailau@gmail.com

e-mail:alitok@mail.ru

e-mail:Azhm63@mail.ru

ДИАЛОГ ФОРМАЛАРЫНЫң КӨРКЕМ ДИСКУРСТАҒЫ ФУНКЦИОНАЛДЫҚ РӨЛІ

Аннотация

Мақалада көркем дискурстағы диалог формаларының функционалдық рөлі кешенді түрде зерттеледі. Мақсат – әдеби шығармада қолданылған диалогтік құрылымдардың көпқырлы қызметін анықтап, олардың мәтін ішіндегі мәндік, психологиялық және коммуникативтік жүктемесін талдау. Теориялық негіз ретінде көркем дискурс, диалогизм және стилистикалық тәсілдерге қатысты отандық және шетелдік зерттеулер алғынған. Материал ретінде Ш.Мұртазаның «Қызыл жебе» және С.Елубайдың «Ақ боз үй» романдарындағы кейіпкерлік диалогтер тандалып, лингвопоэтикалық, семантикалық және дискурстық әдістер ұштастырылып қолданылды. Зерттеу нәтижесінде диалогтің үш негізгі функциясы – коммуникативтік, психологиялық және мағынатузуши қызметтері нақты мысалдармен дәлелденді. Диалог көркем мәтінде оқырманға әсер ететін, кейіпкердің ішкі болмысын ашатын, астарлы идеяны жеткізетін басты құрал екені анықталды. Бұл зерттеу қазақ прозасын диалогтік түрғыдан танудың ғылыми негізін көзітуге үлес қосады.

Түйін сөздер: диалог формалары, көркем дискурс, коммуникативтік функция, психологиялық функция, мағына қалыптастыруыш функция, қазақ прозасы, диалогизм

*Сисенбай А.Ж.¹ , Күшкимбаева А.С.² , Абдрахманова Ж.М.³
^{1,2,3}Атырауский университет имени Х. Досмухамедова

Атырау, Казахстан

*e-mail:aray.zhailau@gmail.com

e-mail:alitok@mail.ru

e-mail:Azhm63@mail.ru

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ РОЛЬ ФОРМ ДИАЛОГА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация

В статье всесторонне рассматривается функциональная роль форм диалога в художественном дискурсе. Цель исследования – определить многоаспектные функции диалогических структур в литературном тексте, проанализировать их смысловую, психологическую и коммуникативную нагрузку. Теоретической базой послужили труды отечественных и зарубежных ученых в области дискурса, диалогизма и стилистики. В качестве материала были отобраны диалоги персонажей из романов Ш. Муртазы «Красный скакун» и С. Елубая «Белый шатер». Анализ проводился с использованием лингвопоэтического, семантического и дискурсивного подходов. В результате исследования выявлены три основные функции диалога – коммуникативная, психологическая и смыслобразующая. Установлено, что диалог в художественном тексте является важным средством раскрытия характера, выражения эмоционального состояния и передачи

подтекста. Работа вносит вклад в развитие научной базы анализа казахской прозы с точки зрения диалогической поэтики

Ключевые слова: формы диалога, художественный дискурс, коммуникативная функция, психологическая функция, смыслообразующая функция, казахская проза, диалогизм

**Sisenbay A.Zh.¹* , *Kushkimbayeva A.S.²* , *Abdrakhmanova Zh.M³*

^{1,2,3}*H. Dosmukhamedov Atyrau University*

Atyrau, Kazakhstan

**e-mail:aray.zhailau@gmail.com*

e-mail:alitok@mail.ru

e-mail: Azhm63@mail.ru

THE FUNCTIONAL ROLE OF DIALOGUE FORMS IN LITERATURE DISCOURSE

Abstract

This article provides a comprehensive analysis of the functional role of dialogue forms in literary discourse. The aim of the research is to identify the multifaceted functions of dialogic structures in fiction and to examine their semantic, psychological, and communicative dimensions. The theoretical foundation is based on both Kazakhstani and international studies in the fields of discourse, dialogism, and stylistics. The study uses character dialogues from Sh. Murtaza's *Red Falcon* and S. Yelubai's *White Yurt* as primary material. A combined methodological approach incorporating linguopoetic, semantic, and discursive analysis was applied. The findings reveal three core functions of dialogue: communicative, psychological, and meaning generating. The study demonstrates that dialogue plays a key role in shaping characters, conveying emotional depth, and embedding subtext. Overall, the research contributes to the further development of Kazakh prose analysis within the framework of dialogic poetics.

Keywords: dialogue forms, literary discourse, communicative function, psychological function, meaning-forming function, Kazakh prose, dialogism

Кіріспе. Диалог термині әдетте екі не одан да көп адамның кезектесіп сөйлесуі арқылы жүзеге асатын қарым-қатынас түрін білдіреді. Қазақ тілінің түсіндірме сөздігінде диалог «екі немесе бірнеше адам арасындағы әңгіме» деп анықталған [1]. Ожегов сөздігінде де диалог «екі адамның арасындағы сөз алмасу» ретінде сипатталады [2]. Ал ағылшын тіліндегі Oxford Dictionary оны «*conversation between two or more people*» - екі немесе одан да көп адам арасындағы сөйлесу деп түсіндіреді [3]. Яғни негізгі анықтамаға сәйкес диалог - қарым-қатынас жасаушылардың өзара репликалар алмасуы арқылы іске асатын сөйлесім формасы. Бұл диалогтың лингвистикалық қырындағы басты ерекшелігі: хабар алмасу, сұрақ-жауап, пікір білдіру секілді коммуникациялық мақсаттағы сөйлесу. Жалпы тіл білімінде диалог ең алдымен коммуникацияның негізгі фоормасы, тілдесімнің динамикалық құрылымы ретінде қарастырылады. Құнделікті өмірдегі диалогтың қызметі – ақпарат жеткізу, сұхбаттасу, әлеуметтік байланысты орнату тәрізді қатысымдық функциямен шектеледі. Ал көркем әдебиеттегі диалог – бұдан әлдеқайда құрделі құбылыс. Көркем дискурста диалог тек ақпарат алмасу құралы ғана емес, эстетикалық жүкті арқалап, шыгарма құрылымын түзуге, оқиғаны дамытуға кейіпкер бейнесін ашуға, шыгарманың идеясын айқындауға қызмет етеді. Ғалымдар көркем мәтіндегі диалогті көпфункционалды құбылыс деп есептейді. Мысалы, Г.Г. Хисамова Шукшин әңгімелеріндегі диалогтерді талдай келе, олардың эстетикалық табиғатын атап көрсетеді және диалогтерді талдай келе, олардың эстетикалық табиғатын атап көрсетеді және диалогтерді негізгі мәтінқұраушы (сюжеттік) қызметін, мінез-қалыпты ашатын қызметін, әрі бағалаушылық қызметін бөледі [4]. Демек, көркем шыгармалардағы диалог формалары тек тілдік қарым-қатынас құралы болып қалмай,

автордың идеялық мақсатына, кейіпкер психологиясын ашуға, оқырманға эмоционалды әсер етуге жұмылдырылатын көркемдік тәсілге айналады.

Қазақ прозасындағы диалогтік формалар кең қолданылғанмен, олардың функционалдық рөлдері жүйелі түрде арнайы зерттеу нысаны бола қойған жоқ. Диалог кейіпкерлердің тілі ретінде әр шығармада кездеседі, бірау сол диалогтердің шығарма мазмұнына қосатын мағыналық жүгі, сюжет дамуына ықпалы, кейіпкер болмысын ашудағы рөлі толыққанды талданып, жіктелген емес. Бұл – қазіргі қазақ филологиясындағы өзекті ғылыми мәселе. Диалог формаларының семантикалық, коммуникативтік және психологиялық қырларын кешенді сипаттау қажеттігі туындал отыр. М.М.Бахтиннің диалогизм теориясы диалогтың адам болмысын, танымын қалыптастырудың маңызын көрсеткені белгілі. Бахтин бойынша «бір ғана дауыс ештеңені шешпейді, екі дауыс –өмірдің ең төменгі қажетті минимумы» тек өзге дауысқа үн қату, диалогқа тұсу барысында ғана ақиқат мән туады [5]. Ғалымның «тек қарым-қатынаста, адам мен адамның өзара әрекеттесуінде ғана адам ішіндегі адам ашылады» деген тұжырымдары диалогтың өмір сүрудегі онтологиялық маңызына назар аудартады. Алайда әдеби шығармалардағы диалогтың нақты көркемдік-функционалдық рөлін талдап көрсету – жеке зерттеуді талап ететін маңызды мәселе.

Әдістер мен материалдар. Диалог формаларының функционалдық қырларын талдау үшін XX ғасыр қазақ прозасының таңдаулы үлгілері ретінде «**Қызыл жебе**» романы және «**Ақ боз үй**» романы таңдалған алынды. Бұл екі шығармада диалогтік көріністер айрықша орын алады және мазмұндық тұрғыда бір-бірінен айырмашылығы бар: «**Қызыл жебе**» тарихи-революциялық кезеңдегі кейіпкерлер диалогін қамтыса, «**Ақ боз үй**» 1930-жылдардағы ашаршылық кезеңінің әлеуметтік-тұрмыстық диалогтарын береді. Екі романдағы диалогтерді салыстыра талдау олардың ортақ зандылықтары мен өзіндік ерекшеліктерін ашуға мүмкіндік береді. Зерттеу үшін әр романнан сюжеттік маңызы бар, кейіпкер мінезін ашатын, не идеялық жүк көтеретін 15-20 диалогтық үзінді ірітелді. Жұмыста кешенді талдау әдістемесі қолданылды: **Лингвистикалық-поэтикалық талдау:** Диалог сөздерінің тілдік құрылышы, сөйлемдердің синтаксистік ерекшеліктері, авторлық ремаркалар мен кейіпкер репликаларының стильдік бояуы талданды. Мысалы, кейіпкерлер тіліндегі эмоциялық-экспрессивтік бояу, диалогке тән интонация, кідірістер мен риторикалық сұраптар сынды тілдік тәсілдер қарастырылды. **Дискурс талдау:** Диалогтің кең мәтіндік контексте атқаратын қызметі зерделенді. Әр диалогтық эпизодтың шығарма сюжетіндегі орны, оқырманға әсері, авторлық идеяны жеткізу деген рөлі талқыланды. Диалогтік жағдаяттың әлеуметтік, мәдени контексті де ескерілді. **Семантикалық талдау:** Диалог мазмұнындағы имплицитті мәндер, астарлы ойлар, символдық жүк сараланды. Кейіпкерлер айтқан сөздердің тұра мағынасы мен қосымша мағыналары (астар, ирония, аллегория) ажыратылып, олардың шығарманың жалпы мағыналық құрылымына қосқан үлесі анықталды. **Зерттеу кезеңдері.** Бірінші кезеңде таңдалған шығармалар мәтінінен диалогтер бөлек таңбаланып алынды. Әр диалогтің үзінді мазмұнына қарай алдын ала жіктелді: ақпарат алмасу, оқиғаны дамытуға арналған **коммуникативтік диалогтер;** кейіпкерлердің сезімін, мінезін, өзара қарым-қатынасын ашатын **психологиялық диалогтер;** астарлы ой, философиялық түйін, немесе шығарманың негізгі идеясын билдіруге қатысатын **мағына қалыптастыруышы диалогтер.** Екінші кезеңде әр топтағы диалогтерге терендептілген талдау жасалды: мәтіннен тыс прагматикалық жағдайы, кейіпкерлердің коммуникативтік ниеттері, эмоционалдық реңкі, сондай-ақ диалогтің алдында және сонында берілген автор суреттеулері ескерілді. Ушінші кезеңде жеке талдаулардың нәтижелері синтезделіп, жалпы қорытындылар шығару үшін салыстырылды. Екі шығарма бойынша диалогтердің функционалдық ұқсастықтары мен айырмашылықтары белгіленді.

Нәтижелер мен талқылау. Зерттеу барысында қазақ прозасындағы диалог формаларының үш басты функциясы айқындалды: **коммуникативтік функция, психологиялық функция, мағына қалыптастыруыш функция.** Төменде әр функцияның мәні және әр шығармадан алынған мысалдар арқылы олардың көрініс табу ерекшеліктері баяндалады.

1. Коммуникативтік (қатысымдық) функция. Бұл – диалогтің ең негізгі, базалық қызметі. Әңгімелесуші тұлғалар ақпарат алмасу, бір нәрсені сұрау немесе хабарлау, әрекетке итермелей мақсатында диалогке түседі. Қөркем шығармада коммуникативтік функциядағы диалогтер оқырманға маңызды мәліметтер береді, оқиғаның өрбүіне ықпал жасайды, кейде экспозициялық ақпаратты да диалог арқылы береді. Мысалы, «Ақ боз үй» романында екі жастың (Ждақай мен Шеге) әңгімесі коммуникативтік мақсатта өрбиді: Ждақай досына ауылдағы жас келіншек Балқия жөнінде құпия хабар айтады, екеуі соны талқылап, әрекет етуге уағдаласады. «– Қасқа бала, ешкімге айтпа, бүгін бір қызық көрсетем саган!» – дейді сыбырлап Ждақай. Мұнда бір кейіпкер екіншісіне ақпарат жеткізу (қызық көрсетпекші екенін айтуды) арқылы диалогті бастады; әрі қарай ол Шегеге болған оқиғаны бүге-шігесіне дейін әңгімелеп береді, яғни диалог әңгімелей формасына ауысып, коммуникация міндетін атқарады. Бұл диалогтік эпизодтан романдағы біраз кейіпкердің өзара қатынасы жөнінде мәлімет аламыз: Балқия – байдың жас тоқалы, ал Бұлыш – аңшы жігіт, екеуінің арасындағы құпия кездесуді Ждақай аңдып жүргенін диалог арқылы білеміз. Осылайша, диалог кейіпкерлер әлемінде қатыстытың ақпараттарды табиғи түрде енгізуінде күралы болған. «Қызыл жебе» романында да коммуникативтік мәні басым диалогтер көп. Мысал ретінде жоғарыда айттылған түрме көрінісінде қайта оралсақ, Приходько мен Бронников арасындағы алғашқы сұхбат – ең алдымен ақпарат алмасу, жағдай білуге арналған. «– Қандай тілегіңіз бар?» – дейді түрме бастығы кейінгі репликада. Бұл – реңми сұрақ, яғни диалогтің тікелей коммуникативтік мақсаты (тұтқынның қалауын сұрау) көрінеді. Бронников та тікелей тілегін білдіреді: «– Тілегім, шырагдан бергізсеңіз екен», яғни камераға жарық (шырақ) беруін өтінеді. Осы өтініш пен оның артынан өрбитін диалогтер (шырақ неге керек, кітап оқу туралы сөз) оқиға желісіне қозгалыс береді – Приходьконың құдігі оянып, Бронниковты тексеруі, ақыры диалог арқылы тұтқынның діни кітап оқып жүргені анықталады. Сол арқылы автор оқырманға астыртын мағлұмат жеткізеді: Бронниковтың күлшілік мен Приходьконың діни фанатизмі де осы коммуникативтік диалог барысында ашылады. Қорыта айтқанда, **коммуникативтік функция** қөркем диалогтің ақпарат беру, оқиғаны ілгерілету, кейіпкерлерді әрекетке ынталандыру қызметтерінен танылады. Бұл функциядағы диалогтер оқырманды сюжетпен байланыстырып, кейіпкерлердің не айтқысы келетініне тікелей қатысымдық құрал ретінде көрінеді.

2. Психологиялық функция. Қөркем диалогтің келесі маңызды қыры – кейіпкердің мінез-құлқын, ішкі сезім дүниесін, қарым-қатынасындағы шиеленістерді ашу. Диалог арқылы автор кейіпкерлер психологиясын жанама түрде көрсетеді: даусы ырғағы, сөз таңдау, жауап беру тәсілі – осылардың бәрі кейіпкердің көңіл күйі мен характерін аңғартады. «Қызыл жебе» романындағы түрме эпизодында диалогтің психологиялық рөлі айқын байқалады. Приходько мен Бронниковтың сейлесуі – екі түрлі ниеттегі, екі түрлі әлеуметтіктап өкілдерінің жүздесу сәті. Приходько әдейі араздық тудырмақ болса, Бронников сабыр сақтап, қарсыласының психологиясын өз пайдаланады. Мәселен, діни кітап туралы диалогті алайық: «– Бұл жөйт дінінің кітабы гой... Сіз гой ақ патшага қарсысыз. Сөйтеп тұра діни кітап оқисыз, жұмбақ» – деп таңданады Приходько. Мұнда ол тұтқынның дүниетанымын түсінбей тұр: патша билігіне қарсы шыққан революционердің Інжіл оқуын психологиялық қайшылық деп санайды. Бронниковтың жауабы оның ішкі есебін аңғартады: «– А, мен мүмкін, бұл кітапты дұрыстап тағы оқып шықсам, қатемді түсінермін» – дейді момақсанып. Шын мәнінде Бронниковтың бұл сөзі – алдарқату, Приходьконың көңілін жайлап, қалағанын (шырақ) алу үшін айттылған күлшілік. Диалогтің осы үзіндісінде жасырын психологиялық құрес жүріп жатыр: бірі – астыртын мыскылдап, қарсыласын өз тілінде сендіріп отыр, екіншісі – initially абдырап қалғанымен, тұтқынның дінге бет бүрганына кәдімгідей иланып қалады («Мүмкін, мүмкін» деп, шырақ беруге келіседі). Демек, диалог тек сыртқы ақпарат алмасу емес, кейіпкер психологиясын аштын айна іспетті. «Ақ боз үй» романында да диалогтер кейіпкерлердің жан дүниесін көрсетуде орасан рөл атқарады. Мәселен, ағайынды Паҳраддин мен Әзбергеннің қактығысы – психологиялық шиеленісті

диалогтің көрнекі мысалы. Ашаршылық кезінде жүртттан бөлек көшпей қалып қойған бай ағасына ашулы Әзберген бір тұнде эмоциясын жарылысша шығарады: «— Сен сің... Сен кінәлісің! Баяғыда-ақ көшу керек еді! ... Енді міне!..» — деп ағасына дүрсе қоя береді. Осы үздік-создық шыққан сөздерден-ақ інісінің ашу-ызыға булығып, өз қателігін мойындағысы келмей, бар кінәні ағасына артып тұрганы көрінеді. Әзбергеннің диалогтегі әр үні (дауыс көтеруі, сөзінің аяқталмай үзілуі) – оның ішкі күйзелісінің, дәрменсіз ашуның көрсеткіші. Ал Пахраддин жағы диалог барысында жақ ашпайды (автор сөзіне қарағанда, ауыр күрсініп қана қояды), бұл да оның характерін – сабырлылығын, не айтуға дағдарған шарасыз күйін аңғартады. Осылай диалог репликаларының мазмұны ғана емес, **формасы** (интонация, пауза, үн қатпау) да психологиялық әсер туғызады. Сонымен, **психологиялық функциясы** бар диалогтер көркем шығармада мінез даралаудың құралына айналады. Кейіпкердің айтқан сөзі мен айту мәнері арқылы оның ниеті, эмоциясы, қарым-қатынас сипатты оқырманға сезіліп, астарлы түрде ашылады. Бахтин айтқан «*диалогтағы адамның жан-дуниесі сыртқа ашилады*» деген қағида дәл осындай көркем диалогтерде өз дәлелін табады.

3. Мағына қалыптастыруышы (семантикалық) функция. Көркем дискурста диалог кейде тікелей сюжеттік міндеттен асып, шығарманың түспалды идеясын, көпқабатты мағынасын түзуге қатысады. Мұндай диалогтерді шартты түрде мағына немесе *смысл қалыптастыруышы* деп атауга болады. Олар көбіне кейіпкерлер арасындағы пікірталас, философиялық диалог, немесе оқырманға ой тастайтын астарлы сөйлесім түрінде келеді. «*Ақ боз үй*» романында дәл осындай функциядағы диалогтің тамаша үлгісі – кедей шаруа Шәріп пен оның әйелі Гүлжаһанның тұрмыстық тұрғыдағы айтысы. Шәріп жаңа үкіметтің ауылнайы (ауыл советі) болып сайланған, бірақ үй-іші әлі кедей күйінде. Бір танертенгі шай үстінде Шәріп қызынан бай ауылнан қант сұрап әкелуді талап етеді. Сол сәттегі ерлі-зайыптылар диалогі жай тұрмыстық керіс болып көрінгенімен, астарында үлкен қоғамдық мағына жатыр. Шәріп: «*Гүлжан! Бар!* — *Бар, Пахраддиннің үйінен бір шақпақ қант сұрап әкел!* Ертең базаршылар келгесін береміз», — деп бұйырады. Әйелі мұны естіп қатты наразыланады: «*Бармайды!* ... Ауылнай болдым деп етік тігуді сен арланғанда, ауылнайдың қатыны бол үй арасында шекер сұрауга біз де арланамыз. *Бармайды!*», — деп бір-ақ кеседі. Бұл репликалар арқылы автор жаңа заман орнаса да, кедейдің психологиясы өзгермегенін, наымықойлығы барын көрсетеді. Одан әрі диалог шиеленіседі. Шәріп ашуланып: «*Кедей болған соң сұраймыз да! Кедей болмасақ, бізді кім қолдар еді?*» — деп шаңқ ете қалады. Әйелі одан да қатты уытты сөзбен қайтарады: «*Жарылқағаны сонда анау бір мөр ме? ... Әкім болдым деп сен жүрсің шелтеңдеп. Кәсібіңді тастап. Қара су ішіп біз отырмыз. Байымыз мөр ұстады деп мәз болып. Сол мөріңді тістеп іш, ендеше, қанттың орнына!*» — деп күйінеді. Осы диалогті оқығанда, 1930-жылдардағы жаңа өкіметтің шын жағдайы, әлеуметтік теңсіздік мәселесі айқын көзге түседі. Автор ешбір деректеме не баяндау арқылы емес, қарапайым кейіпкерлердің өзара сөз қақтығысы арқылы дәуір шындығын ашып отыр. Яғни, бұл диалогтің **мағына қалыптастыруышы** қызметі алдыңғы кезекке шықкан: құнделікті тұрмыс диалогі қоғамдағы үлкен қайшылықтың символына айналады. Сол секілді «*Қызыл жебе*» романындағы Бронников пен Приходьконың дін жайлы диалогі де терең мағыналық жүк көтереді. Бір жағынан, бұл екеуі жай ғана діни кітап туралы таласып тұрган сияқты. Ал астарына үңілсек, отаршыл билік пен езілген бұқараның дүниетаным қайшылығы көрінеді: бірі – шіркеу қолдаған патшаны «қасиетті» санайды, екіншісі – халыққа бостандық әперу жолында патшага қарсы шықкан. Екеуінің диалогі арқылы жазушы дәуір идеологиясын қақтығыстырады, діни сенімнің саясатпен астасуын мензейді. Бронниковтың «*Евангелие – Библияның жаңағарған нұсқасы*» деп кекетуі (Яғни, патша билігі сіздерге қандай қасиетті болса, маған бәрібір деген ишара) – авторлық позицияға жақын тұжырым. Осы тұрғыдан келгенде, көркем шығармадағы маңызды идеялар көбіне кейіпкерлер диалогі арқылы беріледі деген қорытынды жасауға болады. Диалогтің мағына түзуші әлеуетін орыс зерттеушісі А.О. Сошников та атап көрсеткен: ол диалогизацияция «**көркем баяндаудың рематикасын күштейтіп, мәтінде семантикалық кеңістік туындалатының**» жазады. Біздің зерттеу

материалдарымыздағы диалогтер де дәл солай, мәтіндегі көпқабатты мағынаның шоғырлану нүктелеріне айналады. Жоғарыда келтірілген мысалдар **диалог формаларының үш негізгі функциясын** нақтыладап берді: **қатысымдық** қызмет – оқырманға ақпарат жеткізіп, оқиғаны өрбіту; **психологиялық** қызмет – кейіпкерлердің мінезін, қарым-қатынасын, эмоциясын көрсету; **мағиналық** қызмет – шығарма идеясына қатысты астар, философия, символдық мән қалыптастыру. Екі шығармада да бұл үш функцияның барлығы ұштасып, диалогтерді көркем шығарманың ажырамас бөлігі етіп тұр. Алайда әр шығарманың жанрлық-мазмұндық ерекшеліктеріне сай белгілі бір функция басымдау байқалады. Мысалы, «Қызыл жебеде» тарихи тұлғалар, саяси-әлеуметтік оқиғалар көп болғандықтан, диалогтердің коммуникативтік-ақпараттық жүргі басым: жазушы оқырманға қажетті деректерді, заман көріністерін диалог арқылы жеткізді. Ал «Ақ боз үй» психологиялық-әлеуметтік роман болғандықтан, кейіпкерлердің жан драмасын көрсетуге арналған диалогтер саны көп, демек психологиялық функция жетекші орында деуге болады. Сонымен бірге, екі шығарманың екеуінде де диалогтік сөйлесімдер негізгі тақырыптық-идеялық мәнді айқындауға белсене қатысады. Бұл – диалогтің мағына қалыптастыруши қызметі әмбебап түрде маңызды екенін көрсетеді.

Алған нәтижелерді отандық және шетелдік зерттеудердегі тұжырымдармен салыстырып, ғылыми контекстке орналастырсақ, бірнеше өзектес бағыттарды байқауға болады. Ең алдымен, біздің үш түрлі функционалдық талдауымыз М.М. Бахтиннің **диалогизм теориясымен** үндеседі. Бахтин көркем шығармадағы сөз өнерін түбебейлі диалогтің құбылыс деп санап, «романдагы диалог – композицияның да, идеяның да түп қазығы, өйткені диалог арқылы адам өзі болып қалыптасады» деген тұжырым жасаған. Біздің зерттеу барысында анықталған мағына қалыптастыруши (семантикалық) рөл – дәл Бахтин атап көрсеткен «шығарма идеясының диалог арқылы түзілуі» қағидатын нақты деректермен қуаттайды. Шәріп пен әйелінің жоғарыдағы диалогі – диалогизмнің қарапайым мысалы: бір-біріне қарама-қарсы екі дауыс (пікір) арқылы автор үшінші бір астарлы ақиқатты шығарып отыр. Бұл тұрғыда біздің нәтижеміз Бахтиннің «полифония» (көпдауыстылық) теориясын қазақ прозасы материалында растай түседі.

Зерттеу нәтижелерін қазіргі әдебиеттану мен лингвистикадағы диалог жөніндегі еңбектермен салыстыру да маңызды. **Функционалдық-коммуникативтік талдау бағыты** тұрғысынан алғанда, біздің жұмысымыз 2021 жылы жарық көрген Фомичева еңбегінің ізгі дәстүрін жалғайды деуге болады. Онда көркем диалогті талдаудың жаңа мүмкіндіктері ашылып, кейіпкердің сөйлеу тәртібін функционалдық қырынан зерттеу керектігі айтылған [7]. Біз де дәл осы ұстанымды басшылыққа ала отырып, диалогті сөйлеу актілерінің жиынтығы ғана емес, **күрделі дискурстық құрылым** ретінде қарастырдық. Нәтижесінде, әр диалогтік бірлік бірнеше қызметті қатар атқаратынын нақты мысалдармен көрсеттік. Мәселен, Бронников пен Приходько арасындағы бір ғана диалог (шырақ туралы) әрі коммуникация, әрі психологиялық айла, әрі терең идея жеткізу құралы болды – осы полифункционалды табигаты диалогтің көркем мәтіндегі бірегейлігін дәлелдейді. Бұл тұжырым орыс зерттеушілері А.А. Хисамова мен Ж.Е. Фомичева анықтаған диалогтің полифункционалдылығы принципімен толық сәйкес келеді.

Диалогтің мағынатұзуши әлеуеті туралы біздің байқауларымыз да заманауи теорияларға сай келеді. Мәселен, А.О. Сошников 2022 жылы жариялаған зерттеуінде диалогті көркем мәтіндегі «смыслообразующий фактор» деп атап, оның арқасында **көркем туындының семантикалық қеңістігі ұлғайып, көпқабатты мағиналық орталықтар пайда болатынын** экспериментальді түрде негізделген [6]. Біз талдаған «Ақ боз үй» романындағы диалогтер осыны айқын көрсетеді: бір қарапайым диалог (Шәріп пен оның әйелінің) бүкіл әлеуметтік мағынаға ие болып, шығармадағы орталық қайшылықты ашып тұр. Диалогтің мұндай «рематикасы» - маңызды мәндер шоғырлануы, біздің ойымызша, қазақ прозасы үшін де занды құбылыс. Демек, А.О. Сошников атап көрсеткен диалогтің семантикалық қызметі – қазақ көркем сөзінде де негізгі қызметтің бірі.

Диалог формаларының **психологиялық** және **кейіпкер ашу функциясы** жайында біздің нәтижелер В. Алташинаның еңбегімен ұштасады. Зерттеуші француз әдебиетіндегі (XVIII ғ.)

диалогтарды талдай келе, диалогты **баяндау тәсілі** әрі **кейіпкерге психологиялық** терендік беру әдісі деп бағалаган [8]. Шынында да, біздің зерттеуде де диалогтің персонаж болмысын ашудағы мәні орасан екенін көрдік. Әсіресе, «Ақ боз үй» кейіпкерлері диалог арқылы өмірге келгендей: мысалы, Әзбергеннің ағасына айтқан бір-ақ ауыз кінәлауы («Сен кінәлісің!») оның мінездемесін толықтыра түседі – ашушаң, тағдырға өкпелі, бірақ дәрменсіз жан. Сол сияқты Балқия мен Бұлыштың жасырын байланысын әңгімелуе барысында Ждақай мен Шегенің диалогтері олардың мінезін де көрсетеді: Ждақай – қу, өсеккүмар, Шеге – аңғал, қызыққыш. Бұлардың бәрін автор арнайы сипаттамай-ақ диалог сөзімен танытқан. Алташина айтқан «диалог – шығарманы сан қырлы және психологиялық терең ететін тәсіл» деген тезис осының дәлелдейді. Зерттеуіміздің тағы бір салыстырылатын тұсы – қазақ әдебиеттануындағы ең жаңа зерттеулер. Атап айтқанда, Т. Рамазанов және А. Садық қазақ көркем мәтініндегі диалог құрылымы мен қызметі туралы арнайы мақала жарияладап, біздің жұмыспен заманы бір ізденіс жүргізген. Олар да көркем диалогтің композициялық-мағыналық рөлін атап көрсетеді [9]. Біздің нәтижелеріміз толықтырып, нақты проза үлгілері арқылы дәлелдей отыр.

Жалпы, алынған нәтижелер қазіргі филология ғылымындағы **көркем дискурс** және **диалогизм** мәселелерімен тығыз байланысты. Біздің зерттеу көркем мәтінді «автор – кейіпкер – оқырман» үштағанының диалогі ретінде қарастыру үрдісіне үлес қосады. Мысалы, шығармалардағы кейіпкерлер диалогі тек өзара сөйлесу емес, сонымен бірге автор мен оқырман арасындағы диалогтың бір бөлшегі екенін байқадық. Шәріп пен әйелі сез таластырғанда, автор үнсіз оларға алаң болып тұрғандай, ал оқырман сол диалогті оқи отырып, іштен болса да таласқа өз бағасын береді – бұл құбылысты Баҳтин «автор – шығарма – оқырман диалогы» деп түсіндірген. Демек, біз қарастырған диалог үлгілері микроденгейде кейіпкерлер арасында жүрсе де, макроденгейде бүкіл көркем коммуникацияның бір көрінісі. Осы тұрғыдан, біздің жұмысымыз **көркем дискурстағы диалог формаларының функционалдық рөлі** мәселесін кешенді қарап, теория мен тәжірибелі үштастыра талдауға қол жеткізді деп санаймыз.

Қорытынды. Жүргізілген зерттеу нәтижелері қазақ прозасында диалог формаларының үш негізгі функциясын – коммуникативтік, психологиялық және мағына қалыптастыруышы қызметтерін айқындауға мүмкіндік берді. Коммуникативтік функция диалогтің ақпарат алмасу, оқиғаны өрбіту, кейіпкерлерді әрекетке шақырудадағы рөлін көрсетсе, психологиялық функция кейіпкерлердің мінезін, эмоциялық халін, өзара қарым-қатынасын ашуға бағытталғанын дәлелдеді. Мағына қалыптастыруыш функция диалогтің шығарманың көпқабатты семантикалық құрылымын тұзуге, идеялық-мағыналық өзегін айқындауға ықпал ететінін көрсетті. Қазақ көркем прозасында диалог полифункционалды көркемдік тәсіл ретінде танылды. Бір диалогтік эпизодтың өзінде бірнеше қызмет қабаттасып көрініс береді. «Қызыл жебедегі» Приходько мен Бронников арасындағы диалог бір мезгілде ақпараттық, психологиялық және идеялық мәнге ие болса, «Ақ боз үйдегі» Шәріп пен әйелінің тұрмыстық диалогі оқиғалық мәлімет берумен қатар, харakterлерін ашып, заман шындығын бейнеледі. Зерттеу нәтижелері диалогтің көпқабатты семантикалық құрылым жасаудағы маңызын айқындалды. Жазушы диалог арқылы жасырын мағыналарды, астарлы ойларды жеткізеді. Маңызды әлеуметтік-философиялық түйіндер қараптайым кейіпкерлердің әңтімесінен көрініп, диалогтің идея тасымалдаушы ретіндеңігі рөлін күштейтеді. Диалог кейіпкер бейнесін жандандыратын амал екені анықталды. Сөйлеу мәнері, сез саптауы, жауап беру немесе үнсіз қалу – бәрі бірігіп тұлғаның көркем бейнесін жасайды. Әсіресе психологиялық шиеленіс кезеңдерінде диалог кейіпкер харakterін ашатын айнаға айналды. Қазақ көркем дискурсын диалогтік тұрғыдан талдау өнімді әдіс екені дәлелденді. Диалогтерді жүйелі зерттеу арқылы шығармадағы астарларды тануға, ұлттық сөйлеу мәдениетінің көркем әдебиеттегі көрінісін байқауга және автор мен оқырман арасындағы байланысты түсінуге болады. Прозалық мәтіндерді диалогизм тұрғысынан талдау әдебиеттану мен лингвистиканың түйіскен маңызды бағыты екені айқындалды. Жалпы, зерттеу мақсаты толық орындалды. Диалог формалары көркем дискурстағы сюжеттік қаңқаны қозғаушы, психологиялық

зерделеуші әрі мағыналық көпқабаттылықты құраушы компонент ретінде сипатталды. Қазақ прозасындағы диалогтер тек эпизодтық сән емес, шығарманың өн бойындағы мағыналық желіні көпқырландырып, оған «дұбыс пен тұс» беретін көркемдік тетік екені дәлелденді. Бұл тәсіл әдеби мәтінді диалогтік поэтика тұрғысынан тереңірек тануға жол ашып, қазақ әдебиетінің көркемдік құпиясын ашудағы тағы бір қадам болды.

Пайдаланған әдебиеттер тізімі:

1. Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі. – Алматы: Гылым, 1976. – Т. 5. – 547 б.
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 1999.
3. Oxford English Dictionary. – Oxford: Oxford University Press, 2023.
4. Хисамова Г.Г. Функции диалога в художественном тексте (на материале рассказов В.М. Шукшина) // Российский гуманитарный журнал. – 2015. – Т. 4, №1. – С. 34-42.
5. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Советский писатель, 1963.
6. Сошников А.О. Диалог как смыслообразующий фактор художественного текста // Мир науки, культуры, образования. – 2022. – №2. – С. 33-40. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dialog-kak-smysloobrazuyushchii-faktor-hudozhestvennogo-teksta/viewer> (дата обращения: 28.08.2025).
7. Фомичева Ж.Е., Андреев В.Н. Понятие диалога в контексте современного филологического дискурса // Научные достижения высшей школы 2019. – 2019. – С. 4-13.
8. Алташина В.Д. Диалог и диалогизм в романах Кребийона-сына // Studia Litterarum. – 2016. – Т. 1, №1-2. – С. 140-152. – DOI: <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2016-1-1-2-140-152>.
9. Рамазанов Т., Садық А.М. Көркем мәтіндегі диалог: құрылымы мен қызметі // Тілтаным. – 2023. – №2(90). – С. 200-210. – DOI: <https://doi.org/10.55491/2411-6076-2023-2-200-210>.

References:

1. Kazak tilinin tusindirme sozdigi. (1976). [Explanatory dictionary of the Kazakh language] (Vol. 5, p. 547). Almaty: Gylym. [in Kazakh]
2. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. (1999). Tolkovyi slovar' russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow: Azbukovnik. [in Russian]
3. Oxford English Dictionary. (2023). Oxford: Oxford University Press.
4. Khisamova G.G. (2015). Funktsii dialoga v khudozhestvennom tekste (na materiale rasskazov V.M. Shukshina) [Functions of dialogue in literary text (based on V.M. Shukshin's short stories)]. Rossiiskii gumanitarnyi zhurnal, 4(1), 34-42. [in Russian]
5. Bakhtin M.M. (1963). Problemy poetiki Dostoevskogo [Problems of Dostoevsky's poetics]. Moscow: Sovetskii pisatel'. [in Russian]
6. Soshnikov A.O. (2022). Dialog kak smysloobrazuyushchii faktor khudozhestvennogo teksta [Dialogue as a meaning-forming factor of literary text]. Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya [World of Science, Culture, Education], (2), 33-40. <https://cyberleninka.ru/article/n/dialog-kak-smysloobrazuyushchii-faktor-hudozhestvennogo-teksta/viewer> [in Russian]
7. Fomicheva Zh.E., Andreev V.N. (2019). Pomyatie dialoga v kontekste sovremennogo filologicheskogo diskursa [The concept of dialogue in the context of modern philological discourse]. Nauchnye dostizheniya vysshei shkoly 2019, 4-13. [in Russian]
8. Altashina V.D. (2016). Dialog i dialogizm v romanakh Krebiyona-syna [Dialogue and dialogism in the novels of Crébillon the Younger]. Studia Litterarum, 1(1-2), 140-152. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2016-1-1-2-140-152> [in Russian]
9. Ramazanov T., Sadyk A.M. (2023). Korkem matindegi dialog: kurylymy men kyzmeti [Dialogue in the literary text: Its structure and function]. Tiltanyym, 2(90), 200-210. <https://doi.org/10.55491/2411-6076-2023-2-200-210> [in Kazakh]

ПЕДАГОГИКА МЕН ӘДІСТЕМЕ МӘСЕЛЕЛЕРІ
ПРОБЛЕМЫ ПЕДАГОГИКИ И МЕТОДИКИ
PROBLEMS OF PEDAGOGY AND METHODOLOGY

МРНТИ 14.35.09

10.51889/2959-5657.2025.92.3.014

**Атембаева Г.А.¹*^{ID}, *Есетова А.Т.²*^{ID}, *Бекбаева Д.Р.³*^{ID}

¹*Казахский национальный педагогический университет им. Абая*

²*Казахская Национальная Консерватория имени Курмангазы*

³*Университет международного бизнеса*

Алматы, Казахстан

*e-mail: g.atembaeva@gmail.com

e-mail: esimail5577@gmail.com

e-mail: di.becbaeva@mail.ru

**ИНТЕГРАЦИЯ СОВРЕМЕННЫХ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
В СИСТЕМЕ ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

Аннотация

Данная статья рассматривает использование информационных технологий при изучении языка. Эффективность и качество образования в современном мире сегодня во многом определяются глобальной рационализацией интеллектуальной деятельности. Это достигается благодаря внедрению современных информационных технологий, подготовке компетентных специалистов и формированию у них нового типа мышления через индивидуализированный подход в обучении. Авторами представлен метод использования аутентичного языкового материала на занятиях по русскому языку, который даёт возможность вызвать интерес, привлечь внимание, помогает заинтересовать студентов как на самом занятии, так и в том материале, который они изучают. Использование видеоматериалов даёт возможность комплексного развития различных сторон коммуникативной компетенции и формированию устойчивых навыков использования языкового материала применительно к конкретным условиям общения. Аудио- и видеоматериалы, доступные студентам вне учебной аудитории, значительно расширяют время для обучения. Они предоставляют возможность практиковаться, заниматься самостоятельно, а также использовать этот материал для закрепления и повторения знаний в удобное время. Авторы статьи описывают примеры использования видеоматериалов на занятиях, которые дают возможность эффективного усвоения языкового материала, формирование коммуникативной способности обучаемых.

Ключевые слова: цифровые технологии, инновация, глобализация, мультимедиа, видеоматериал, мотивация, коммуникативная компетенция

*Атембаева Г.А.¹ , Есетова А.Т.² , Бекбаева Д.Р.³

¹Абай атындағы қазақ ұлттық педагогикалық университеті

²Күрманғазы атындағы Қазақ ұлттық консерваториясы

³Халықаралық Бизнес Университеті

Алматы, Қазақстан

*e-mail: g.atembaeva@gmail.com

e-mail: esimail5577@gmail.com

e-mail: di.becbaeva@mail.ru

ТІЛДІ БІЛІМ БЕРУ ЖҮЙЕСІНДЕГІ ҚАЗІРГІ ЦИФРАЛЫҚ ТЕХНОЛОГИЯЛАРДЫ ИНТЕГРАЦИЯЛАУ

Аңдатта

Бұл мақалада тіл үйренуде ақпараттық технологияларды пайдалану қарастырылады. Қазіргі заманда білім берудің тиімділігі мен сапасы жаңа ақпараттық технологияларды енгізу арқылы интеллектуалдық іс-әрекетті жаһандық ұттымды етуге, білікті мамандарды даярлауға, білім беруді даралау арқылы мамандардың жаңаша ойлауды дамытуға толығымен байланысты. Орыс тілі сабактарында түпнұсқа тілдік материалды пайдалану әдісі ұсынылған, ол қызығушылықты оятуға, назар аударуға мүмкіндік береді, студенттерді сабактың өзінде де, олар оқып жатқан материалға да қызықтырады. Бейнематериалдарды қолдану коммуникативті құзыреттіліктің әртүрлі аспектілерін кешенді дамытуға және белгілі бір қарым-қатынас жағдайларына байланысты тілдік материалды пайдаланудың тұрақты дағдыларын қалыптастыруға мүмкіндік береді. Аудио және бейне мультимедиялық дереккөздер студенттерге сыныптан тыс уақытта қол жетімді және бұл оқу уақытын ұзартады және тәжірибе мен өзіндік жұмыс істеуге мүмкіндік береді. Мақала авторлары тілдік материалды тиімді меңгеруге, оқушылардың коммуникативті қабілетін қалыптастыруға мүмкіндік беретін сабакта бейнематериалдарды қолдану мысалдарын сипаттайды.

Түйін сөздер: цифровық технологиялар, инновациялар, жаһандану, мультимедиа, бейне материал, мотивация, коммуникативтік құзыреттілік

*Atembayeva G.A.¹ , Yesetova A.T.² , Bekbayeva D.R.³

¹Abai Kazakh National Pedagogical University

²Kurmangazy Kazakh National Conservatory

³University of International Business

Almaty, Kazakhstan

*e-mail: g.atembaeva@gmail.com

e-mail: esimail5577@gmail.com

e-mail: di.becbaeva@mail.ru

INTEGRATION OF MODERN DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE SYSTEM OF LANGUAGE EDUCATION

Abstract

This article considers the use of information technology in language learning. The efficiency and quality of education in the modern world at the moment is completely dependent on the global rationalization of intellectual activity through the introduction of new information technologies, the training of qualified specialists, the development of new thinking among specialists through the individualization of education. The method of using authentic language material in the Russian

language classes is presented, which makes it possible to arouse interest, attract attention, helps to interest students both in the lesson itself and in the material that they study. The use of video materials makes it possible for the complex development of various aspects of communicative competence and the formation of stable skills in the use of language material in relation to specific communication conditions. Audio and video multimedia sources are available to students outside the classroom, and this extends the learning time and provides the opportunity for practice and independent work. The authors of the article describe examples of the use of video materials in the classroom, which make it possible to effectively master the language material, the formation of the communicative ability of students.

Keywords: digital technologies, innovation, globalization, multimedia, video material, motivation, communicative competence

Введение. В эпоху стремительного роста потока информации всё большую актуальность в различных сферах деятельности, в том числе и в системе языкового образования, приобретает применение новейших средств информационных и цифровых технологий.

Цифровые технологии в настоящее время дают большую возможность для изучения языка. Использование цифровых технологий при изучении языка раскрывают возможности восприятия текстов, позволяют объединять в цифровом формате текст, музыкальное и речевое сопровождение, графику и видеоизображения. В результате создаются новые инструменты передачи знаний и организации образовательного процесса.

В настоящее время активно используются в сфере образования информационные технологии. Они помогают сохранить базу данных, обеспечивают сбор, обработку, хранение, распространение и отражение информации.

Мировая образовательная система вышла на новый этап развития, который характеризуется двумя ключевыми тенденциями: появлением современных информационно-коммуникационных технологий и процессами глобализации. Данные процессы, охватывающие весь мир, оказали значительное влияние на систему высшего образования в Казахстане. Развитие высшего профессионального образования напрямую связано с актуальными социально-экономическими тенденциями, закономерностями и вызовами, стоящими перед обществом.

К ним можно отнести: увеличение объёма научной и технической информации, переход на рыночную экономику, быстрая смена технологий, рост научноемких производств, активное использование современных информационно-коммуникативных технологий в образовании. В последние годы электронное обучение превратилось в одно из ключевых направлений развития непрерывного и открытого образования, что позволяет удовлетворить растущий глобальный спрос на образовательные услуги. Основной целью информатизации образования является усиление интеллектуальной активности через внедрение современных информационных технологий.

Методы и материалы. Информационные технологии активно применяются для изучения языков, так как основой для реализации компетентностного подхода выступает когнитивно-лингвокультурологическая методология, предложенная академиком С.С. Кунанбаевой [1, 264]. Таким образом, когнитивно-лингвокультурологическая методология отвечает реалиям социального заказа, где главной конечной целью выступает сформированность личности субъекта межкультурной коммуникации, способной и готовой к адекватному общению на межкультурном уровне в рамках профессиональной деятельности.

Для повышения качества образования в настоящее время есть необходимость использование мировых образовательных ресурсов, элементов электронного обучения и дистанционных образовательных технологий, которые дают возможность самостоятельного усвоения материала, что очень важно для формирования компетентной личности.

Каким образом использование информационных технологий помогает улучшить процесс изучения языка? Во-первых, они дополняют традиционные формы обучения, дают возможность использовать мультимедийные программы, во-вторых, инновационные способы обучения позволяют формировать опыт творческой деятельности студентов, который влияет на компетентность будущего специалиста.

Обеспечение целостного подхода к процессу использования информационных технологий в профессиональной подготовке студентов способствует достижению умений мыслить методическими категориями, принимать профессиональные решения формированию опыта творческой деятельности и мотивационно-ценостного отношения к ней, формированию готовности к профессиональной деятельности в условиях информационной среды.

Известно, что объём информации, усваивается, каждые пять лет, и темпы ее прироста все увеличиваются. Такой рост объема информации приводит к её быстрому устареванию. Это значит, что индивиду необходимо умение постоянно добывать новые знания для осуществления полноценной жизнедеятельности. Не случайно, поэтому все исследователи данной проблемы разделяют убеждение в том, что молодёжь «необходимо не только вооружать... научными фактами, законами и теориями, но ещё и учить овладевать методами познания» [2, 117-123].

Информационные технологии придают учебе более эффективный и привлекательный, стимулирующий характер. Можно отметить характерные принципы информационных технологий:

- многокомпонентность включает в себя учебно-методические материалы, технические средства, научно-исследовательскую поддержку, а также хранилище информации любого типа, включая графику, видео и другие ресурсы;
- интегральная составляющая охватывает совокупность базовых знаний с доступом к мировым информационным ресурсам, а также информационно-справочную базу дополнительных материалов, которые углубляют и расширяют образовательные возможности.

Существует большой спектр информационных инструментов и обучающих средств для обучения языка. Рассмотрим один из наиболее распространенных методов использования компьютерных технологий – использование аутентичного языкового материала на занятиях по русскому языку. Используя видеоматериал, преподаватель получает возможность освежить эмоциональную сферу своих занятий, привнести в них элементы нового и неожиданного, что послужит не только привлечению внимания студентов, но и в определенной степени обеспечит рост мотивации и заинтересованности студентов как в самом занятии, так и в том материале, который они изучают.

Внимание можно рассматривать как психофизиологический процесс и состояние, отражающее динамические характеристики познавательной деятельности. Оно проявляется в сосредоточении на относительно узком аспекте внешней или внутренней реальности, который в данный момент становится осознаваемым и привлекает психические и физические ресурсы человека на определённый период времени. «Внимание – это процесс сознательного или бессознательного(полусознательного) отбора одной информации, поступающей через органы чувств, и игнорирование другой» [3, 423].

В нашем случае, используя аутентичный видеоматериал, преподаватель может не только привлечь внимание студентов к определённому языковому явлению (например, произносительному акценту), но и переключить внимание студентов на другие особенности или явления при многократном просмотре.

Так, если при первом просмотре отрывка видеоматериала студентам предлагается сконцентрировать внимание на произношении, то при следующих просмотрах можно привлечь их внимание к грамматическим конструкциям, которые используются в речи или к

жестам и характерной мимике носителей языка, либо к другим экстралингвистическим факторам, способствующим или препятствующим процессу коммуникации.

Таким образом, студенты перед каждым новым просмотром одного и того же отрывка получают новое задание и вовлекают в *активный* просмотр, который требует определенной концентрации внимания и мыслительной активности обучающихся во время просмотра. Получая новое задание, студенты получают подкрепление своей мотивации к работе с данным отрывком в частности и к работе над изучением языка в целом.

Дополнительно для исследования эффективности цифровых технологий в обучении РКИ использовались следующие методики:

1. *Анализ существующих платформ и инструментов* - Проведен обзор и анализ функциональности адаптивных образовательных платформ, корпусных технологий, мультимедийных ресурсов и нейросетевых технологий.

2. *Экспериментальное обучение* – В рамках исследования были организованы занятия с участием 100 студентов, изучающих русский язык как второй. Студенты были разделены на две группы: одна использовала традиционные методы обучения, другая - цифровые технологии. Эксперимент длился 12 недель, в течение которых фиксировались успехи студентов через регулярное тестирование и наблюдения преподавателей.

3. *Анкетирование и интервью* – Проведены опросы среди 100 студентов и 10 преподавателей для выявления уровня удовлетворенности и эффективности различных цифровых технологий. Вопросы включали оценку удобства платформ, влияния на мотивацию и восприятие учебного материала.

4. *Анализ данных об успеваемости* – Собраны и обработаны результаты тестов до и после использования цифровых инструментов. Анализ проводился с помощью статистических методов, таких как t-критерий Стьюдента для проверки значимости различий в результатах.

Результаты и обсуждение

- *Экспериментальное обучение* показало, что студенты, использующие цифровые технологии, продемонстрировали в среднем на 20% более высокие результаты в тестах по грамматике и лексике по сравнению с контрольной группой.
- *Анкетирование* выявило, что 85% студентов отметили рост мотивации благодаря интерактивным элементам обучения, таким как VR и игровые технологии.
- *Интервью с преподавателями* показали, что 70% педагогов сочли цифровые инструменты эффективными в адаптации учебного материала под уровень знаний учащихся.

Таблица 1. Основные цифровые технологии в обучении РКИ

Технология	Применение	Примеры
Адаптивные образовательные платформы	Индивидуальная подстройка учебного материала, автоматизированный анализ ошибок	Duolingo, LingQ
Корпусные технологии и базы данных	Анализ употребления слов, морфологическая разметка текстов	Национальный корпус русского языка (НКРЯ)
Мультимедийные ресурсы и игровые технологии	Интерактивные учебники, видеоматериалы, геймификация	RussianPod101, языковые квесты, VR/AR
Нейросетевые технологии и автоматический перевод	Машинный перевод, чат-боты, распознавание речи	Google Translate, DeepL

Таблица 2. Примеры использования цифровых данных

Пример	Описание
Анализ текстов с использованием корпусных технологий	Студенты загружают тексты для изучения морфологических и синтаксических особенностей
Использование обучающих приложений с искусственным интеллектом	Приложения анализируют ошибки в речи и письме студентов, формируя персонализированные рекомендации
Применение VR/AR для погружения в языковую среду	Виртуальные экскурсии по российским городам помогают изучать лексику и культуру интерактивно

Результаты исследования показали, что использование цифровых технологий в обучении РКИ способствует улучшению показателей успеваемости, повышению мотивации студентов и более глубокому усвоению материала. В частности, группы, использующие цифровые технологии, показали в среднем на 20% более высокие результаты в тестах по грамматике и лексике. Анкетирование студентов подтвердило высокий уровень удовлетворенности цифровыми инструментами, а преподаватели отметили их удобство и эффективность. Дальнейшие исследования в данной области направлены на совершенствование адаптивных алгоритмов, улучшение работы нейросетей в распознавании речи и разработку новых интерактивных методов обучения.

Учебные видеоматериалы оказывают влияние не только за счет наглядного представления информации, что способствует усвоению знаний как индуктивным, так и дедуктивным путем, но и за счет расширения возможностей для самостоятельной работы, стимулирования познавательной активности и повышения мотивации студентов. Использование видеоматериалов даёт возможность комплексного развития различных сторон коммуникативной компетенции и формированию устойчивых навыков использования языкового материала применительно к конкретным условиям общения. Как отмечает А.А. Залевская «Языковые и неязыковые знания, являясь частью индивидуального опыта, неизбежно взаимодействуют, становясь практически неразличимыми. Это проявляется в феномене слияния слова и обозначаемого им объекта, как в естественных условиях общения, так и во многих экспериментальных ситуациях, связанных с использованием слов» [4, 38].

Есть ещё один важный аспект использования видеоматериалов в обучении языка: по свидетельству психологов, образная, зрительная память по своему объему намного превышает другие виды памяти, т.е. информация хранится в человеческой памяти в виде картинок-образов. Об этом говорит Ребекка Оксфорд, описывая эффективные приёмы запоминания при овладении языком: стратегии запоминания часто связаны с объединением разных типов материала. При изучении языка можно применять различные задания, такие как опиши картинку, придумай к ней название, придумай визуальный образы фраз и слов. При изучении языка очень важна связь словесного с образом. Во-первых, зрительная память преобладает над объёмом словесного запоминания. Во-вторых, информация в виде зрительных образов сохраняется лучше. В-третьих, зрительные образы способствуют скорейшему припоминанию словесного материала. В-четвёртых, большая часть обучающихся предпочитает использовать именно зрительную память Oxford Rebecca [5]. Ж.Н. Аксенова [6], Т.Д. Санникова [7] отмечают «Современные цифровые технологии активно трансформируют образовательный продукт. В вузах таким продуктом могут быть не только целые образовательные программы, но и отдельные элементы, такие как курсы, лекции или даже занятия продолжительностью в одну пару». Например, лекция может быть преобразована в вебинар. Одним из современных форматов обучения является стрим-обучение, где видеоролики используются в качестве ключевых элементов педагогического взаимодействия [8]. Обучающие видео применяются не только в качестве материала, предоставляемого преподавателем, но и в форме видеорепортажей студентов о выполненных заданиях. С.С. Арбузов, О.Н. Грибан, А.Н. Константинов [9] «выделяют ряд видеометодов, которые реализуются в вузах с использованием цифровых технологий:

Лекции и семинары

- метод совместного просмотра видео со студентами
- метод видеофиксации
- метод удаленного общения с экспертом

Компьютерный класс и лаборатория

- метод просмотра видео студентами при выполнении практико-ориентированных работ
- метод видеорепортажей по лабораторным работам

Практическая и самостоятельная работа

- метод видеорепортажей по практическим работам
- метод видео-интервью.

Эти подходы помогают улучшить образовательный процесс, повышая его интерактивность и эффективность».

На лекционных занятиях эффективно используется метод совместного просмотра видео, где студенты знакомятся с материалом, а затем преподаватель задает ключевые вопросы и организует обсуждение, что способствует углублению понимания темы. **Метод видеофиксации** подразумевает запись преподавателем учебного материала, чтобы студенты могли самостоятельно изучать его в удобное для них время. В условиях лабораторий или компьютерных классов студенты выполняют задания самостоятельно, а преподаватель выступает в роли консультанта, помогая в случае затруднений. **Метод видео-интервью** направлен на развитие когнитивного мышления. Он предполагает, что студенты не только отвечают на вопросы по теме, но и учатся составлять собственные контрольные вопросы, что помогает лучше усвоить материал.

Заключение. Делая обзор на материале использования видеоматериалов на занятиях русского языка, можно сделать вывод, что применение видеоматериалов расширяют способы, дают им возможность хорошо усвоить словарный состав изучаемого языка, улучшить слушание, говорение, чтение и письмо. Преимущество онлайн аудио- видеомультимедийных источников заключается в том, что они позволяют студенту увеличить время обучения. Студент может практиковаться и работать с материалом самостоятельно в удобное для него время и в комфортном темпе. Такой формат снижает страх совершить ошибку или не справиться с заданием, что способствует повышению мотивации и уверенности в своих силах.

Таким образом, можно заключить, что при правильном использовании компьютерные технологии становятся эффективным инструментом для развития языковых компетенций. Они способствуют преодолению языкового барьера и психологических комплексов у студентов в процессе самостоятельной работы, а также повышают их заинтересованность и мотивацию к изучению языка. Кроме того, интернет-ресурсы помогают формировать навыки межкультурной коммуникации и расширять знания о других культурах.

Список использованной литературы:

1. Кунанбаева С.С. Современное иноязычное образование: методологии и теории: монография. – Алматы, 2005. – 264 с.
2. Усова А.В. Формирование обобщенных умений и навыков // Народное образование. – 1974. – №3. – С. 117-123.
3. Немов Р.С. Психология. – М.: Просвещение; Владос, 1995. – 376 с.
4. Залевская А.А. Вопросы теории обучения иностранным языкам: конспект лекций / Твер. гос. ун-т. – Тверь: ТвГУ, 1991. – Вып. 1: Специфика индивидуального знания. – 48 с.
5. Oxford R.L. Language Learning Strategies: What Every Teacher Should Know. – Henle & Henle Publishers, 1998.
6. Аксенова Ж.Н. Экосистема университета как ответ на вызов быстрорастущих цифровых рынков // Современные тенденции развития непрерывного образования: вызовы цифровой экономики: материалы междунар. науч.-метод. конф. – Томск: Томский гос. ун-т систем управления и радиоэлектроники, 2020. – С. 270-271.

7. Санникова Т.Д., Аксенова Ж.Н. К вопросу о проблемах и перспективах цифровизации образовательной среды высшей школы // Креативная экономика. – 2020. – Т. 14, №11. – С. 3089-3104.
8. Сафуанов Р.М., Лехмус М.Ю., Колганов Е.А. Цифровизация системы образования // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. – 2019. – №2(28). – С. 116-121.
9. Арбузов С.С., Грибан О.Н., Константинов А.Н. Технология стрим-обучения в вузе: монография / Уральский гос. пед. ун-т. – Электрон. дан. – Екатеринбург: [б. и.], 2020. – 1 CD-ROM. – Текст: электронный.
10. Леонтьев А.А. Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии // Личность, культура, язык. – М.; Воронеж, 2001. – С. 119-127.
11. Московкин Л.В. Методологические аспекты лингводидактики и методики обучения языку: пособие для студентов и аспирантов. – СПб.: Корифей, 2002. – 46 с.
12. Зимняя И.А. Лингвопсихология речевой деятельности. – М.: Моск. психол.-соц. ин-т; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. – 432 с.
13. Астафурова Т.Н., Олянич А.В. Лингводидактика в высшей школе (языковой вуз). – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2010. – 594 с.

References:

1. Kunanbaeva S.S. (2005). Sovremennoe inoyazychnoe obrazovanie: metodologii i teorii [Modern foreign language education: Methodologies and theories]. Almaty. [in Russian]
2. Usova A.V. (1974). Formirovanie obobshchennykh umenij i navykov [Formation of generalized skills and abilities]. Narodnoe obrazovanie, (3), 117-123. [in Russian]
3. Nemov R.S. (1995). Psichologiya [Psychology]. Moscow: Prosveshchenie; Vlados. [in Russian]
4. Zalevskaya A.A. (1991). Voprosy teorii obucheniya inostrannym yazykam: konspekt lektsej [Issues in the theory of teaching foreign languages: Lecture notes]. Tver: TvGU. №1: Spetsifika individual'nogo znaniya. 48 p. [in Russian]
5. Oxford R.L. (1990). Language learning strategies: What every teacher should know. Heinle & Heinle Publishers.
6. Aksanova Zh.N. (2020). Ekosistema universiteta kak otvet na vyzov bystrorastushchikh tsifrovych rynkov [The university ecosystem as a response to the challenge of fast-growing digital markets]. In Sovremennye tendentsii razvitiya nepreryvnogo obrazovaniya: vyzovy tsifrovoi ekonomiki. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-metodicheskoi konferentsii (pp. 270-271). Tomsk: Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics. [in Russian]
7. Sannikova T.D., Aksanova Zh.N. (2020). K voprosu o problemakh i perspektivakh tsifrovizatsii obrazovatel'noi sredy vysshei shkoly [On the issue of problems and prospects for digitalization of the educational environment of higher education]. Kreativnaya ekonomika, 14(11), 3089-3104. [in Russian]
8. Safuanov R.M., Lekhmus M.Yu., Kolganov E.A. (2019). Tsifrovizatsiya sistemy obrazovaniya [Digitalization of the education system]. Vestnik UGNTU. Nauka, obrazovanie, ekonomika. Seriya: Ekonomika, (2(28)), 116-121. [in Russian]
9. Arbuzov S.S., Griban O.N., Konstantinov A.N. (2020). Tekhnologiya strim-obucheniya v vuze: monografiya [Stream learning technology at university]. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University. [Electronic data, 1 CD-ROM]. [in Russian]
10. Leont'ev A.A. (2001). Yazyk i rechevaya deyatel'nost' v obshchey i pedagogicheskoy psichologii [Language and speech activity in general and educational psychology]. In Lichnost', kul'tura, yazyk (pp. 119-127). Moscow; Voronezh. [in Russian]
11. Moskovkin L.V. (2002). Metodologicheskie aspekty lingvodidaktiki i metodiki obucheniya yazyku [Methodological aspects of linguodidactics and language teaching methods]. Saint Petersburg: Korifei. 46 p. [in Russian]
12. Zimnyaya I.A. (2001). Lingvopsichologiya rechevoi deyatel'nosti [Linguistic psychology of speech activity]. Moscow: Moscow Psychological-Social Institute; Voronezh: NPO MODEK. 432 p. [in Russian]
13. Astafurova T.N., Olyanich A.V. (2010). Lingvodidaktika v vysshei shkole (yazykovoi vuz) [Linguodidactics in higher education (language university)]. Volgograd: VolGU Press. 594 p. [in Russian]

БІЗДІҢ АВТОРЛАР

Алламуратова Айсанем Жалгасбаевна – филология ғылымдарының кандидаты, доцент, «Профи» университеті, Ташкент қ., Өзбекстан, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-2326-4124>, e-mail: aysanem69@mail.ru

Алламуратова Гүлсанем Жалгасбаевна – филология ғылымдарының кандидаты, доцент, Мамун академиясы, Хорезм қ., Өзбекстан, ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-0001-7094>, e-mail: gulsanem69@mail.ru

Таджибаева Дилноза Музаффаровна – магистр, Журналистика және бұқаралық коммуникациялар университеті, Ташкент қ., Өзбекстан, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-8377-1258>, e-mail: tadjibaevallmi@gmail.com

Ашимова Малика Ғаниекызы – магистр, аға оқытушы, I. Жансүгіров атындағы Жетісу университеті, Талдықорған қ., Қазақстан, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-3617-8744>, e-mail: malikaamg@yandex.kz

Шүкенай Гүлім Төлеуқызы – PhD докторы, оқытушы-дәріскер, I. Жансүгіров атындағы Жетісу университеті, Талдықорған қ., Қазақстан, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5214-8427>, e-mail: g.chukenaeva@zu.edu.kz

Чалтыкенова Лазат Аляхиметовна – филология ғылымдарының кандидаты, оқытушы-дәріскер, I. Жансүгіров атындағы Жетісу университеті, Талдықорған қ., Қазақстан, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9317-9086>, e-mail: lyazzat.chaltykenova.59@mail.ru

Канафина Зарина Талапкеровна – магистр, орыс тілі мен әдебиеті кафедрасының оқытушысы, Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті, Алматы қ., Қазақстан, ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-3269-5331>, e-mail: zarinakanafina100@gmail.com

Киклевич Александр Константинович – филология ғылымдарының докторы, профессор, Вармин-Мазур университеті, Журналистика және әлеуметтік коммуникация институты, Ольштын қ., Польша, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6140-6368>, e-mail: aleksander.kiklewicz@uwm.edu.pl

Пашан Даны Мұсабекқызы – филология ғылымдарының кандидаты, А. Байтұрсынұлы атындағы Тіл білімі институтының аға ғылыми қызметкері, Алматы қ., Қазақстан, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-0583-862X>, e-mail: pashan_dan@mail.ru

Жұманқызы Алтын – А. Байтұрсынұлы атындағы Тіл білімі институты, Ономастика бөлімінің кіші ғылыми қызметкері, Алматы қ., Қазақстан, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-8268-924X>, e-mail: altyn.zhumanova02@mail.ru

Батырбекова Камшат Айшыгаровна – М. Әуезов атындағы Оңтүстік Қазақстан университетінің докторанты, Шымкент қ., Қазақстан, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-2376-921X>, e-mail: kamshat.batyrbek@mail.ru

Адибаева Шолпан Тимурқызы – филология ғылымдарының кандидаты, қазақ және орыс тілдері кафедрасының қауымдастырылған профессоры, Сәтбаев университеті, Алматы қ., Қазақстан, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1043-3275>, e-mail: s.adibayeva@satbayev.university

Абуова Бибижан Паркуловна – докторант, орыс тілі мен әдебиеті кафедрасы, Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті, Алматы қ., Қазақстан, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8976-0959>, e-mail: bibizhan@mail.ru

Алексеев Павел Викторович – филология ғылымдарының докторы, профессор, Горно-Алтай мемлекеттік университеті, Орыс тілі мен әдебиеті кафедрасы, Горно-Алтайск қ., Ресей, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3680-1785>, e-mail: pavel.alekseev.gasu@gmail.com

Андасова Марал Мұрзақалиқызы – PhD докторы, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Алматы қ., Қазақстан, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-2508-8452>, e-mail: andassova872@gmail.com

Валиева Земфира Ринатовна – докторант, филология және гуманитарлық ғылымдар факультеті, М.Х. Дулати атындағы Тараз университеті, Тараз қ., Қазақстан. ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-6774-3171>, e-mail: zemfira.valieva@mail.ru

Варга Патрик – PhD докторы, Оломоуц Палацкий университеті, Философия факультеті, славистика кафедрасының оқытушысы, Оломоуц қ., Чехия. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7510-2672>, e-mail: patrik.varga@upol.cz

Қадыр Әкбер – филология ғылымдарының докторы, профессор, Аз ұлттар тіл-әдебиеті институты, Орталық ұлттар университеті, Бейжің қ., Қытай, ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-5723-2570>, e-mail: ekberqadir@126.com

Сабирова Дина Алтаевна – PhD докторы, қауымдастырылған профессор, Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті, Алматы қ., Қазақстан, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6001-5314>, e-mail: dinasabirova84.kz@mail.ru

Бай Сяоюй – магистрант, орыс тілі мен әдебиеті кафедрасы, Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті, Алматы қ., Қазақстан, ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-3967-4955>, e-mail: baixiaoyu951@gmail.com

Сисенбай Арай Жайлайқызы – 7М01701-Қазақ тілі мен әдебиеті 2-курс магистранты, X. Досмұхамедов атындағы Атырау университеті, Атырау қ., Қазақстан. ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-6301-3322>, e-mail: aray.zhailau@gmail.com

Күшкимбаева Айнур Серикбаевна – филология ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор, X. Досмұхамедов атындағы Атырау университеті, Атырау қ., Қазақстан, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5546-4513>, e-mail: alitok@mail.ru

Абрахманова Жұмазия Мажитқызы – филология ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор, X. Досмұхамедов атындағы Атырау университеті, Атырау қ., Қазақстан, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1966-2357>, e-mail: Azhm63@mail.ru

Атембаева Гульнара Айдашевна – докторант, орыс тілі мен әдебиеті кафедрасы, Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті, Алматы қ., Қазақстан, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4376-5022>, e-mail: g.atembaeva@gmail.com

Есетова Айнурा Такеевна – педагогика ғылымдарының кандидаты, аға оқытушы, Құрманғазы атындағы Қазақ ұлттық консерваториясы, Алматы қ., Қазақстан, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9705-8345>, e-mail: esimail5577@gmail.com

Бекбаева Дина Ризабековна – аға оқытушы, Халықаралық бизнес университеті, Алматы қ., Қазақстан, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-6590-4222>, e-mail: di.becbaeva@mail.ru

НАШИ АВТОРЫ

Алламуратова Айсанем Жалгасбаевна – кандидат филологических наук, доцент, Университет «Профи», г. Ташкент, Узбекистан, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-2326-4124>, e-mail: aysanem69@mail.ru

Алламуратова Гульсанем Жалгасбаевна – кандидат филологических наук, доцент, Академия Мамуна, г. Хорезм, Узбекистан, ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-0001-7094>, e-mail: gulsanem69@mail.ru

Таджибаева Дилноза Музafferовна – магистр, Университет журналистики и массовых коммуникаций, г. Ташкент, Узбекистан, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-8377-1258>, e-mail: tadjibaevallmi@gmail.com

Ашимова Малика Гениевна – магистр, старший преподаватель, Жетысуский университет имени И. Жансугурова, г. Талдыкорган, Казахстан, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-3617-8744>, e-mail: malikaamg@yandex.kz

Шүкенай Гулім Төлеуқызы – доктор PhD, преподаватель-лектор, Жетысуский университет имени И. Жансугурова, г. Талдыкорган, Казахстан, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5214-8427>, e-mail: g.chukenaeva@zu.edu.kz

Чалтыкенова Лазат Аляхиметовна – кандидат филологических наук, преподаватель-лектор, Жетысуский университет имени И. Жансугурова, Талдыкорган, Казахстан, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9317-9086>, e-mail: lyazzat.chaltykenova.59@mail.ru

Канафина Зарина Талапкеровна – магистр, преподаватель кафедры русского языка и литературы, Казахский национальный педагогический университет имени Абая, Алматы, Казахстан, ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-3269-5331>, e-mail: zarinakanafina100@gmail.com

Киклевич Александр Константинович – доктор филологических наук, профессор, Институт журналистики и социальной коммуникации Варминско-Мазурского университета, г. Ольштын, Польша, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6140-6368>, e-mail: aleksander.kiklewicz@uwm.edu.pl

Пашан Дана Мусабековна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языкоznания имени Байтурсынова, г. Алматы, Казахстан, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-0583-862X>, e-mail: pashan_dan@mail.ru

Жуманқызы Алтын – младший научный сотрудник отдела Ономастики, Институт языкоznания им. А. Байтурсынова, г. Алматы, Казахстан, <https://orcid.org/0009-0004-8268-924X>, e-mail: altyn.zhumanova02@mail.ru

Батыrbекова Камшат Айшигаровна – докторант Южно-Казахстанского университета имени М. Аuezова, г. Шымкент, Казахстан, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-2376-921X>, e-mail: kamshat.batyrbek@mail.ru

Адибаева Шолпан Тимуровна – кандидат филологических наук, ассоциированный профессор кафедры казахского и русского языков, Сатпаев Университет, г. Алматы, Казахстан, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1043-3275>, e-mail: s.adibayeva@satbayev.university

Абуова Бибижан Паркуловна – докторант кафедры русского языка и литературы, Казахский национальный педагогический университет имени Абая, г. Алматы, Казахстан, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8976-0959>, e-mail: bibizhan@mail.ru

Алексеев Павел Викторович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы, Горно-Алтайский государственный университет, г. Горно-Алтайск, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3680-1785>, e-mail: pavel.alekseev.gasu@gmail.com

Андасова Марал Мурзакалиевна – доктор PhD, Казахский национальный Университет им. Аль-Фараби, г. Алматы, Казахстан, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-2508-8452>, e-mail: andassova872@gmail.com

Валиева Земфира Ринатовна – докторант факультета филологии и гуманитарных наук, Таразский университет имени М.Х. Дулати, г. Тараз, Казахстан, ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-6774-3171>, e-mail: zemfira.valieva@mail.ru

Варга Патрик – доктор PhD, преподаватель кафедры славистики философского факультета, Университет Палацкого, г. Оломоуц, Чехия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7510-2672>, e-mail: patrik.varga@upol.cz

Қадыр Әкбер – доктор филологических наук, профессор, Центральный университет национальностей, Институт языка и литературы национальных меньшинств, г. Пекин, Китай, ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-5723-2570>, e-mail: ekberqadir@126.com

Сабирова Дина Алтаевна – доктор PhD, ассоциированный профессор, Казахский национальный педагогический университет имени Абая, г. Алматы, Казахстан, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6001-5314>, e-mail: dinasabirova84.kz@mail.ru

Бай Сяоюй – магистрант кафедры русского языка и литературы, Казахский национальный педагогический университет имени Абая, г. Алматы, Казахстан, ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-3967-4955>, e-mail: baixiaoyu951@gmail.com

Сисенбай Арай Жайлакызы – 7М01701-магистрант 2 курса казахского языка и литературы, Атырауский университет имени Х. Досмухамедова, г. Атырау, Казахстан, ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-6301-3322>, e-mail: aray.zhaiilau@gmail.com

Күшкимбаева Айнур Серикбаевна – кандидат филологических наук, ассоциированный профессор, Атырауский университет имени Х. Досмухамедова, г. Атырау, Казахстан, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5546-4513>, e-mail: alitok@mail.ru

Абдрахманова Жумазия Мажитовна – кандидат филологических наук, ассоциированный профессор, Атырауский университет имени Х. Досмухамедова, г. Атырау, Казахстан, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1966-2357>, e-mail: Azhm63@mail.ru

Атембаева Гульнара Айдашевна – докторант кафедры русского языка и литературы, Казахский национальный педагогический университет имени Абая, г. Алматы, Казахстан, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4376-5022>, e-mail: g.atembaeva@gmail.com

Есетова Айнурा Такеевна – кандидат педагогических наук, старший преподаватель, Казахская национальная консерватория имени Курмангазы, г. Алматы, Казахстан, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9705-8345>, e-mail: esimail5577@gmail.com

Бекбаева Дина Ризабековна – старший преподаватель русского языка Университет международного бизнеса, Алматы, Казахстан, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-6590-4222>, e-mail: di.becbaeva@mail.ru

OUR AUTHORS

Allamuratova Aisanem Zhalgasbayevna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Profi University, Tashkent, Uzbekistan, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-2326-4124>, e-mail: aysanem69@mail.ru

Allamuratova Gulsanem Zhalgasbayevna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Mamun Academy, Khorezm, Uzbekistan, ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-0001-7094>, e-mail: gulsanem69@mail.ru

Tadjibayeva Dilnoza Muzaffarovna – Master's Degree, University of Journalism and Mass Communications, Tashkent, Uzbekistan, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-8377-1258>, e-mail: tadjibaevallmi@gmail.com

Ashimova Malika Genievna – Master's Degree, Senior Lecturer, I. Zhansugurov Zhetsu University, Taldykorgan, Kazakhstan, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-3617-8744>, e-mail: malikaamg@yandex.kz

Shukenai Gulim Toleukyzy – PhD, Senior lecturer, I. Zhansugurov Zhetsu University, Taldykorgan, Kazakhstan, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5214-8427>, e-mail: g.chukenaeva@zu.edu.kz

Chaltikenova Lazat Alyakhimetovna – Candidate of Philological Sciences, Senior lecturer, I. Zhansugurov Zhetsu University, Taldykorgan, Kazakhstan, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9317-9086>, e-mail: lyazzat.chaltykenova.59@mail.ru

Kanafina Zarina Talapkerovna – Master's Degree, Lecturer at the Department of Russian Language and Literature, Abai Kazakh National Pedagogical University, Almaty, Kazakhstan, ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-3269-5331>, e-mail: zarinakanafina100@gmail.com

Kiklewicz Aleksander Konstantinovich – Doctor of Philological Sciences, Professor, Institute of Journalism and Social Communication, University of Warmia and Mazury, Olsztyn, Poland, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6140-6368>, e-mail: aleksander.kiklewicz@uwm.edu.pl

Pashan Dana Musabekovna – Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher, A. Baitursynov Institute of Linguistics, Almaty, Kazakhstan, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-0583-862X>, e-mail: pashan_dan@mail.ru

Zhumankazy Altyn – Junior Researcher, Department of Onomastics, A. Baitursynov Institute of Linguistics, Almaty, Kazakhstan, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-8268-924X>, e-mail: altyn.zhumanova02@mail.ru

Batyrbekova Kamshat Aishigarovna – Doctoral Student, M. Auezov South Kazakhstan University, Shymkent, Kazakhstan, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-2376-921X>, e-mail: kamshat.batyrbek@mail.ru

Adibayeva Sholpan Timurovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Kazakh and Russian Languages, Satbayev University, Almaty, Kazakhstan, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1043-3275>, e-mail: s.adibayeva@satbayev.university

Abuova Bibizhan Parkulovna – Doctoral Student, Department of Russian Language and Literature, Abai Kazakh National Pedagogical University, Almaty, Kazakhstan, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8976-0959>, e-mail: bibizhan@mail.ru

Alekseev Pavel Viktorovich – Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Russian Language and Literature, Gorno-Altaisk State University, Gorno-Altaisk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3680-1785>, e-mail: pavel.alekseev.gasu@gmail.com

Andassova Maral Murzakalievna – PhD, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-2508-8452>, e-mail: andassova872@gmail.com

Valieva Zemfira Rinatovna – Doctoral Student, Faculty of Philology and Humanities, M. Kh. Dulati Taraz University, Taraz, Kazakhstan, ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-6774-3171>, e-mail: zemfira.valieva@mail.ru

Varga Patrik – PhD, Lecturer, Department of Slavic Studies, Faculty of Philosophy, Palacký University, Olomouc, Czech Republic, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7510-2672>, e-mail: patrik.varga@upol.cz

Kadyr Akber – Doctor of Philological Sciences, Professor, Minzu University of China, Institute of Minority Language and Literature, Beijing, China, ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-5723-2570>, e-mail: ekberqadir@126.com

Sabirova Dina Altaevna – PhD, Associate Professor, Abai Kazakh National Pedagogical University, Almaty, Kazakhstan, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6001-5314>, e-mail: dinasabirova84@mail.ru

Bai Xiaoyu – Master's Student, Department of Russian Language and Literature, Abai Kazakh National Pedagogical University, Almaty, Kazakhstan, ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-3967-4955>, e-mail: baixiaoyu951@gmail.com

Sisenbay Aray Zhailaukyzy – 7M01701-2nd year master's student of Kazakh language and literature, Kh. Dosmukhamedov Atyrau University, Atyrau, Kazakhstan, ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-6301-3322>, e-mail: aray.zhailau@gmail.com

Kushkimbayeva Ainur Serikbaevna – Kh. Dosmukhamedov Atyrau University, Atyrau, Kazakhstan, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5546-4513>, e-mail: alitok@mail.ru

Abdrakhmanova Zhumaziya Mazhitovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Kh. Dosmukhamedov Atyrau University, Atyrau, Kazakhstan, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1966-2357>, e-mail: Azhm63@mail.ru

Atembayeva Gulnara Aidashewna – Doctoral Student, Department of Russian Language and Literature, Abai Kazakh National Pedagogical University, Almaty, Kazakhstan, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4376-5022>, e-mail: g.atembaeva@gmail.com

Yesetova Ainura Takeevna – Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Lecturer, Kurmangazy Kazakh National Conservatory, Almaty, Kazakhstan, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9705-8345>, e-mail: esimail5577@gmail.com

Bekbayeva Dina Rizabekovna – Senior Lecturer of Russian Language, University of International Business, Almaty, Kazakhstan, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-6590-4222>, e-mail: di.becbaeva@mail.ru